

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1810

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 5. МАРТЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Письмо Дѣйствительнаго Стал-
скаго Совѣтника, Егора Борисовича
Фукса,*

(къ Издателямъ Вѣстника Европы.)

Съ чувствительнѣйшею признательностію
читаль я въ Вѣстникъ вашемъ столь
дешпную для честолюбія моего снпашью обѣ
издаваемой мною Исторіи Суворова. При-
знаніе, милоспнныя Государя мои, благодар-
ность моего сердца во всей ей полнотѣ. Я
давню съ пламеннымъ желаніемъ спремил-
ся, а теперь и сугубо спремиться буду
къ тому, чтобы оправданъ довѣренность
и ожиданія почтеннѣйшей Публннн; и
для сего не пощажу ни трудовъ, ни
ревности къ скорѣйшему окончанію моего
Сочиненія. По напечатаніи снпаша надѣ-

№ 5.

А я

юсь, что она простишь мнѣ медленность, произшедшую отъ неполученія еще нѣкоторыхъ бумагъ и гравированныхъ плановъ; за то вмѣсто обѣщанныхъ трехъ часней будешь она имѣть четыре: такъ разпространились, въ продолженіе десяти лѣтъ, предѣлы моего повѣствованія. Дѣянія великаго Полководца должны быть преданы потомству съ возможно историческою точностію, со всѣми опшнвками его характера, со всѣми подробностями: ибо существованіе Государства, которому посвящаетъ онъ свое служеніе, зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ его подвиговъ; предметъ дѣятельности его есть то, чтобы явить человѣческія силы во всемъ величественномъ ихъ могуществѣ; онъ долженъ самъ созидать, образовывать, одушевлять и дѣйствовать въ пространной своей сферѣ; могущественный разрушитель и самъ подверженный разрушенію, представляется онъ, какъ нѣкое существо вышняго рода; сила его въ самой борьбѣ съ увеличивающимися сопротивленіями и нещастіями возрастаетъ; а потому и жизнеописаніе его занимательнѣе всѣхъ другихъ. Щастливый я себя почну, еслили мнѣ удастся предсказать Олечеству сего Генія во всемъ его блескѣ и величій. Геній не есть подражатель — онъ не пріобрѣтается наукою — многочисленные успѣхи доказываютъ его полетъ. Воспламеняетъ душу

всего воинства, давая ей быстроту, которой не опасиваются препятствия и самой враждующей Природы: вопль оплывающих черны, которыми изумлялъ онъ свое сползше. Подвиги его были феномены, непоспимые, даже странные, слдственно и сужденія о немъ должны быть различны. Онъ зналъ слабосп своего вѣка; дабы побдишь, надлежало ему покло *носостію* мѣрѣ привести непріятеля въ замѣшательство; а многочисленности его прошивопоставлялъ онъ непреборимое превосходство свое въ средствахъ и пособіяхъ. Сколь часто выигрывалъ онъ, по изреченію Маршала де Сакса, сраженія *солдатскими ногами!* Такъ содѣлывалъ онъ себя превосходнѣйшимъ въ числѣ, умѣя быть выше времени. Россійскій воинъ, видя такой примѣръ въ обожаемомъ своемъ полководцѣ, который умѣлъ дѣлать все — лишая себя всего — переходилъ горы, спускался въ пропасти, переносилъ на рукахъ пушки, возилъ ихъ на своихъ плечахъ, переплывалъ рѣки, дѣлалъ переходы не человѣческіе, сражался безъ пинци, словомъ, производилъ невозможное. Кто здѣсь не вспомнитъ съ трепетомъ объ ужаснѣйшемъ переходѣ Алпійскихъ горъ нашего Ганнибала?

Повѣствованіе о моемъ Герое - благодѣтелѣ начнется съ самаго вспуленія его въ службу, и будетъ заключать въ себѣ всѣ

прежнія знаменитыя побѣды его въ Турціи и Польшѣ, и всѣ достопамятныя происшествія военной и частной его жизни. Я буду руководствоваться собственными его приказаниями и исправленіями ошибокъ, копоры приказывалъ онъ мнѣ записывать, при чтеніи Испоріи его, изданной Анцингомъ. Вообще будешь онъ (сіе долженъ я замѣтить) говорить почти вездѣ въ моемъ сочиненіи самъ съ свойственнымъ ему неподражаемымъ лаконизмомъ. Но на поляхъ Испаліи и на Аллійскихъ горахъ имѣлъ я уже щасіе, преисполняющее мѣру всякаго любочестія, бышь очевидцемъ его славы. Тамъ въ первый еще разъ явился онъ Главнотачальствующимъ двухъ Императорскихъ арміѣ. До того времени долженъ онъ былъ повиноваться Начальнику, раздѣляя съ нимъ шріумфы и права на признательность Ошечества. Въ Испаліи созидалъ онъ *одинъ* свое щасіе; здѣсь показалъ онъ мѣ воинскіе таланты, ту храбросць и шощь строгій порядокъ, копорые обратили на него вновь удивленіе Европы; здѣсь возложилъ Испалійскій самъ на военную славу свою вѣнецъ. Въ сію блистательную эпоху жизни своей, удивлялся я съ непрерывнымъ восторгомъ, какъ сей искуснѣйшій нашего времени Полководецъ умѣлъ истинную шанцику свою, долговременною опытношю пріобрѣтенную, принаравливать къ каждому

оружію, къ каждой націи и къ войску, ко-
торымъ начальствовалъ. Онъ имѣлъ всегда
предъ собою примѣры знаменитыхъ Во-
начальниковъ, памятниці великихъ ихъ
подвиговъ и гибельные слѣды ихъ погрѣш-
носшей; но общаго своего плана никогда не
основывалъ на оныхъ, повсюду непрестан-
но: „Военной наукѣ должно учиться на вой-
„нѣ. Каждый театръ войны есть театръ
„новый.“ — Вотъ *замѣлка*, которую дик-
товалъ онъ мнѣ при выступленіи изъ Испа-
ліи въ Швейцарію. „Я видѣлъ ужасы Кав-
„каза; они ни чпо предъ Алпійскими (*)!
„Тѣмъ больше славы. Плодовъ я не ви-
„жу. — — Русскому испытать должно все!
„Нѣтъ земли въ свѣтѣ, которая бы такъ
„усѣяна была крѣпостями, какъ Испалія; и
„нѣтъ опять земли, которая бы по Исто-
„рин была такъ часто завоевана. Театръ
„войны въ Испаліи есть первѣйшее училище
„для посвятившаго себя военному искусс-
„ву. Здѣсь сражались знаменитѣйшіе Подко-
„водцы, подвиги коихъ лучшіе уроки! —
„Сраженія, башаліи, взятія крѣпостей
„являли разныя перемѣны въ дѣйствіяхъ
„армій. Здѣсь машина и моей папки бы-
„ла съ малѣйшими ея пружинами въ дви-
„женіи. — И я разбилъ при Тидонѣ и Тре-
„біи Французовъ, гдѣ и Ганнибалъ древнихъ

(*) Сммотри приложенный при письмѣ ошрывокъ.

„Римляны! . . На Альпахъ все не по. Тамъ
 „должно будешь взлѣзашь или вскарабки-
 „вашься на горы въ виду непріятеля,
 „имѣя его по впереди, по во флангахъ,
 „по въ пылу. Должно будешь осаждашь гро-
 „мады, Природою укрѣпленныя, не рѣдко
 „штурмомъ! Армія идетъ гусемъ. — Ар-
 „хиллерейскія и фортификаціонныя прави-
 „ла не нужны, ранжиры невозможны, о
 „регулярныхъ сраженіяхъ и бапаліяхъ не-
 „чего и думать. Это война спрѣлковъ. —
 „Неупомимось солдата, о важная рѣши-
 „мость Офицера! Тамъ будешь сражаешься
 „всѣ и *дипломатикъ* (*), которому со-
 „образишь все сіе для реляцій.“ Въ
 числѣ всѣхъ диспозицій, помѣщенныхъ въ
 моей Исторіи, та, которая заключаетъ въ
 себѣ правила, какъ *дѣйствовать войску на*
горахъ, обратишь безъ сомнѣнія на себя
 вниманіе каждаго знатока военного искус-
 ства. Когда Герой нашъ, сей, смѣю назвашь,
 великій Учитель и Наставникъ мой, гошпо-
 вилъ меня къ написанію прокламаціи своей
 къ Швейцарамъ, то велѣлъ мнѣ написать
 слѣдующую замѣтку: „Такшина и Дипло-
 „матика безъ свѣдѣнія Исторіи ничто!
 „Намъ должно вшоргнушь въ нѣдра Швей-
 „царіи. Исторія союза Гельветическаго повѣ-
 „сствуетъ намъ чудеса храбрости и побѣдъ.

(*) Это относится къ мнѣ.

„Блескъ славы древнихъ Грековъ давно по-
„меркъ. Марафонское сраженіе ничто! При
„Моргаршенѣ тысяча пристра Швейцарѣ
„оспанивали двадцать тысячъ Австрій-
„цевъ, положили шесть сотъ на мѣстѣ и
„прсгнали оспанокъ. Знаменистая побѣда
„шестисотнаго ихъ корпуса при Сембахѣ
„возвышаетъ ихъ надъ героями Плашеи.
„Башалія при Везенѣ, въ кантонѣ Гларисѣ
„не равняется съ древнею при Термопилахъ.
„Тамъ пристра Спаршанцевъ прошивоспали
„переходу многочисленной Персидской арміи.
„Предпріяшіе опважное, сраженіе неравное.
„Они всѣ погибли, оспановя шокмо на ко-
„рошное время непріяшеля. Здѣсь пристра
„пятьдесятъ Швейцарѣ нападаютъ первые
„на Австрійскую осмиштысячную армію.
„Десять разъ были они опбиты, въ одинъ
„надцатый распроили непріяшельскіе ба-
„шаліоны, и обрашили ихъ въ постыдное
„бѣгство. Такими побѣдами ушвердила Гель-
„веція всю независимость и всю славу.
„Намъ надобно выигрывать *сердца* такихъ
„Героевъ!“ Въ городѣ Александріи за обѣ-
„днѣ, говори о Юліѣ Несарѣ, сказалъ онъ,
„что превзошелъ его въ быспроитѣ, и совѣ-
„повалъ всѣмъ, для удосповѣренія въ шомъ,
„прочиташъ его записки. Послѣ, обращаясь
„ко мнѣ, велѣлъ записашъ слѣдующее: „Ошиб-
„ки великихъ Полководцевъ поучительны. Я
„бы не пошелъ, какъ Принцъ Евгенийъ, къ

„Кремонѣ, зная напередѣ, что не удержу
 „ее. Онѣ долженѣ былѣ ее оставишь. Нѣшѣ
 „славы! Можешѣ бышь онѣ невиновашѣ . . .
 „*Гофкригсратъ* въ Вѣнѣ былѣ и тогда . . .
 „Но онѣ пріобрѣлѣ безсмертіе походомѣ
 „своимѣ въ Туринѣ, оставивѣ за собою въ
 „шлыу Французовѣ и разбивѣ Герцога Фель-
 „яда въ его шанцахѣ! Одинѣ ударѣ очи-
 „стишь Италію!!!“ . . . Равное уваженіе
 пишаль онѣ въ сердцѣ своемѣ и къ совре-
 меннымѣ своимѣ на ратномѣ поприцѣ про-
 шивникамѣ. Цошрясенія великихѣ госу-
 дарствѣ порождать всегда великихѣ Мужей,
 кошорые блескомѣ подвиговѣ своихѣ обра-
 щали на себя удивленіе. Французская рево-
 люція изобилуетѣ такими примѣрами, и
 можно ее назватѣ плодородною матерью зна-
 менитыхѣ людей. Она произвела Моро,
 Магдональда, Серюрье, Жуберта, Массену
 и прочихѣ. Краснія біографіи сихѣ Генера-
 ловѣ въ Исторіи моей послужатѣ къ воз-
 величенію славы нашего Героя, и покажутѣ
 ту степень справедливости, кошорую оц-
 давалѣ онѣ достоинствамѣ каждаго изѣ нихѣ.
 Перваго называль онѣ Генераломѣ слав-
 ныхѣ *ретирадѣ*. „Онѣ меня сѣдаго спари-
 „ка нѣсколько понимаешѣ; но я его боль-
 „ше. Горжусь, что имѣю дѣло съ слав-
 „нымѣ челсвѣкомѣ.“ — Кшо здѣсь не вспом-
 нишь знаменитое оиспуленіе Моро за
 Рейнѣ въ 1796 году, кошорымѣ прославилѣ

онъ себя сполькоже, какъ другіе побѣдами, по справедливому замѣчанію Сегюра. По разбитіи Ерцъ - Герцогомъ Карломъ Журдана, Моро, беспрестанно преслѣдуемый непріятельскимъ, гораздо многочисленнѣйшимъ войскомъ, отступалъ цѣлые двадцать семь дней, одерживая надъ непріятелемъ разныя побѣды, а особливо при Биберахъ, гдѣ отступающее войско, послѣ рѣшительной побѣды, взяло въ полонъ пять тысячъ Австрійцевъ и осмнадцать пушекъ. Всѣ сіи выгоды не обезпечили однако еще Французской арміи; надлежало отважиться еще на нѣсколько сраженій, овладѣвъ дефилями Шварцъ-вальда, и, дабы ускользнуть отъ Австрійцевъ, отпрѣзавшихъ дорогу къ Келю, и пробраться къ Фрейбургу, завладѣвъ штурмомъ такъ называемую *Чертову долину*: чрезъ сію - то долину, или лучше сказать, чрезъ сей горный, крайне шѣсный проходъ провелъ Моро всю армію и показалъ совершенство всеннаго искусства. Въ оную никакъ не могъ отважиться въ 1702 году смѣлый, или дерзкій Вилларъ. Чрезъ „сію Чертцву долину, отвѣтствовалъ онъ Курфирсту Баварскому, не могу я пройти; ибо, проспице мнѣ Ваша Свѣтлость „сіе выраженіе, я не чортъ!“

Предѣлы письма сего не позволяютъ мнѣ выписать здѣсь пространнѣе изъ Исторіи своей какъ о Моро, такъ и о про-

чихъ его сподвижникахъ; но съ особеннымъ удовольствіемъ буду я и впредь сообщать въ Вѣспникъ вашъ нѣкошорыя любопытныя спашыи (*).

Обращаясь опять къ рѣдкимъ знаніямъ и къ характеру дивнаго нашего Мужа, скажу относително къ послѣднему смѣло и безпристрастно, что Князь Александръ Васильевичъ всегда возвышался надъ шѣми мѣлкими спрасшями, кошорыя порабощаютъ обыкновенныхъ людей. Въ своемъ несчастіи забывалъ онъ неблагодарность за оказанныя имъ услуги, и охотно жершвовалъ своею чувствительностію Опечесшву. Ни кто не слышалъ его роптаній; онъ даже старался скрывать неправосудіе, ему оказанное. — „Добро дѣлать слышитъ „должно“, была всегдашняя аксіома его жизни. Пусть скажутъ мнѣ, сдѣлалъ ли онъ кого несчастнымъ? Съ блистательной степени своей славы низшелъ онъ въ простую сельскую свою хижину; но никогда не забывалъ своего Опечесшва и войска, кошорому былъ примѣромъ доблести. Тамъ-шо,

(*) Издатели примутъ ихъ съ особенною благодарностію, ручаясь напередъ и за благодарность всѣхъ своихъ Читателей, для кошорыхъ безъ сомнѣнія чрезвычайно пріятно будетъ бесѣдовать съ соупникомъ Суворова. *Изд.*

въ уединенной своей обители, обогащалъ и совершенствовалъ онъ свои великія познанія. Обложась картами и соображая тогдашнія военныя происшествія со многочисленными своими опытами, осприлъ нашъ Цинциннатъ копіе свое и подтверждалъ сказанное спихонворцемъ Каспровымъ, что и самой локой его еще оласнѣе для его враговъ. — Съ благородною, необыкновеннымъ душамъ свойственною ревностію взиралъ онъ въ дѣятельномъ своемъ дѣйствіи на развитіе талантовъ на полѣ славы юнаго вождя Бонапарте. Онъ слѣдовалъ за нимъ съ самаго того времени, какъ вѣренъ былъ ему республикою жребій Италіянской арміи; какъ онъ, послѣ многихъ военныхъ дѣйствій, при Мондови разбилъ совершенно Пьемонтцевъ, принудилъ Короля Сардинскаго просить перемирія и опдашь въ руки Французовъ крѣпости Торшону и Кони; какъ онъ послѣ преслѣдовалъ Австрійскаго Генерала Боліе до города Лоди, и при упорнѣйшемъ сопротивленіи, подѣ ужаснымъ градомъ картечныхъ выстрѣловъ, выгналъ Австрійцевъ изъ сего города, перешедъ мостъ, ими самими сооруженный. Съ подобною быстротою перешелъ онъ Адду и обращалъ Австрійцевъ повсюду въ бѣгство. Павія покоряется побѣдителю; Пиччикешоне и Кремона здаются; Миланская цитадель опво-

решѣ ворота; Король Сардинскій подписываетъ миръ; Герцоги Пармскій и Моденскій слѣдуютъ его примѣру, а Боліе запирается въ Маншу. Опшуда ведетъ Бонапарше войско свое чрезъ Минчѣо и разбиваетъ 25-тысячной корпусъ Австрійскій подъ начальствомъ Вурмсера при Каспилѣонѣ, Лонато, Сало и Говандо. Вурмсера также ухаживъ въ Маншу, и спасается тамъ въ ожиданіи пятидесяти тысячъ войска подъ начальствомъ Генераловъ Алвинція и Давидовича. Французскій Полководецъ поспѣшаетъ имъ на встрѣчу и при деревнѣ Арколѣ даетъ сраженіе упорнѣйшее, гдѣ судьба оружія, долго колебавшаяся, рѣшилась наконецъ въ пользу Французовъ. Послѣдствіями достопамятнаго дня сего были пять тысячъ плѣнныхъ, осмнадцать пушекъ, четыре тысячи убитыхъ и столько же раненыхъ. Также при Риволи, Ангіави, положилъ Австрійскій Генералъ Пропера съ шестидесяти тысячнымъ корпусомъ оружіе. Маншуа здалась на капитуляцію; Венеція отворила свои ворота, всѣ владѣнія ея достались Французамъ; Тирольскія горы заняты были ими же, и древній блескъ Австрійской Монархіи началъ уже померкать при заключеніи мирныхъ прелиминарныхъ пунктовъ въ Леобенѣ. Австрія уступила Белгію, признала Цизалпинскую республику, и опреклась

опѣ всѣхъ правъ своихъ на Миланскія владѣнія. Наконецъ заключенъ былъ въ Кампо-форміо пошѣ извѣстный и для Австрійской Державы пошико уничтожительный миръ. Такое обозрѣнїе приносило духъ стараго воина въ уныніе. „Ахъ! пора унять сего юнаго воина! какъ онъ ша-„гашъ!“ кричалъ онъ непрестанно въ деревенской своей избѣ. — Бонапарте писалъ изъ Египта въ Директорію, чшобы она приняла дѣяшелейнѣйшія мѣры прошиву Россіянина, *пожирающаго* всѣ его побѣды. Такъ, подѣ опдаленнѣйшими поясами небесными, постигали они другъ друга! — — Бго желаніе сразиться съ Наполеономъ было непомѣрно.

Такииъ образомъ, опягченный лаврами, никогда непобѣжденный Герой Римника, гдѣ, по признанію самаго Принца Кобургскаго, былъ онъ его учителемъ и спасителемъ всей Австрійской арміи, побѣдитель Измаила, покоришель Польскаго Королевства, опшавался уже недовольнымъ многочисленными своими побѣдами: онъ обращашъ взоръ на поля Италіи, дабы памъ славою новыхъ подвиговъ доказать, чшо называемое просполюдимомъ *щастіе* его ешъ мудрая расчешливость, знаніе, Геній и опшважность; чшо шакшина его ешъ: *быстрота, глазомѣръ, шатискъ*.

Желанія его, желанія Опечесива и всей арміи совершаются. Онъ принимаетъ главное начальство надъ двумя Императорскими арміями; въ исторіи моей предсшавлена будещъ вся политическая картина Европы того времени, заимствованная изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, изъ депешей, изъ переписки со всѣми союзными Дворами. Вся политика тогдашняя колебалась; унылось въ Австрійскомъ войскѣ возраста до вышшей степени; побѣдоносной Франціи покорствовали уже Швейцарія, Туринъ, Миланъ, Римъ, Неаполь; отъ подошвы Алпійскихъ горъ до Мессинскаго залива не оставалось уже ни одного законнаго Государя; одно лишь Герцогство Пармское стояло посреди сихъ вновь установленныхъ республикъ. Великому духу Россійскаго Героя надлежало обнять все сіе пространство, и дѣйствовать всѣми своими силами — и черезъ три мѣсяца вся Испалія повергается предъ новымъ Побѣдителемъ. —

Будущіе вѣки почтутъ сіе баснословнымъ; но такими событіями ознаменованы послѣдніе годы прошедшаго XVIII столѣтія.

Отрывокъ письма отъ Г. Фунса къ
одному его другу, писаннаго въ 1799
году 27 Сентября изъ города Куръ, и
заключающаго въ себѣ живописное и ра-
зительное изображеніе перехода черезъ
Аллійскія горы.

„Какая картина, любезнѣйшій другъ,
„представляется мнѣ! страхъ и пренебъ
„объемлющъ сердце при возрѣнїи на сіи надъ
„пучами и облаками возвышающіяся верши-
„ны горъ, на копорыя должно подыматься.
„Каждый шагъ скользипъ; а подъ пятою
„вижу неизмѣримыя пропасти. Въ виду
„всей гусемъ плянувшей арміи поле-
„шлѣ одинъ нашъ Офицеръ на лошади
„спремглавъ въ сіи преисподнія пучины.
„Каждый заботился шокмо о собственномъ
„своёмъ спасенїи, помощь подать было не-
„возможно. Казалось, будто всѣ стїхїи буй-
„спвовали, выступивъ изъ предписаннаго
„имъ закономъ Природы повиновенїя. Ужа-
„сные вихри разрушали и низвергали спра-
„шные камни, паденїе копорыхъ раздава-
„лось громовыми ударами; шумные водопа-
„ды шавъ заглушали воздухъ, чшо въ пя-
„ши шагахъ не слышалъ я иногда крича-
„щаго со всею силою ко мнѣ сопутника,
„моего доспойнаго друга, Маїора Илью Ильи-
„ча Раевского (*), предосперегавшаго ме-

(*) Теперь Полковникъ въ отпавкѣ.

„ня нерѣдко отъ безднѣ. Часпо искалъ я
 „за нимѣ слѣдовѣ, которые вьюга, скрывавшая
 „его отъ моихъ глазѣ, мгновенно смешала.
 „Иногда въ одинѣ день проходили мы всѣ
 „климашы и испышывали всѣ возможные
 „погоды ; нерѣдко на высотѣ горы , покры-
 „шой вѣчнымѣ льдомѣ и снѣгомѣ, все вой-
 „ско начинало отъ чрезмѣрной спужи
 „и вѣшровѣ коспенѣшъ ; вожапые наши
 „препешали и наконецѣ разбѣжались. Пре-
 „даннымѣ намѣ на произволѣ судьбы оп-
 „верзала повсюду зѣвѣ свой люшая смершь.
 „Умерешъ долженсповало отъ холоду,
 „отъ голоду, отъ паденія громадѣ камней,
 „отъ ледяныхъ глыбѣ, отъ соединенной
 „свирѣпости всѣхъ элеменшовѣ. Мысль, кон-
 „чишь жизнь въ пучинѣ, безѣ всякой на-
 „дежды къ спасенію, была самая убійствен-
 „ная и опчаянная. — То вдругѣ предѣ нога-
 „ми нашими скашывалась снѣжная глыба,
 „все войско оспанавливалось и съ новою
 „опасностію надлежало перебираться чрезѣ
 „оную; шовдругѣ, подымаясь или спускаясь съ
 „горы, встрѣчали мы водопадѣ, копораго
 „сильныя брызги и кипящая пѣна обливали
 „насъ уже въ дали: инаго средства не бы-
 „ло, какѣ съ послѣднимѣ напряженіемѣ
 „силѣ шонуть въ сихъ водахѣ, дабы под-
 „нянься или вверхѣ, или скапиться внизѣ.
 „Едва преодолѣемѣ мы одну гору, какѣ
 „уже другая являешся и ужасешъ ; а вос-

„ходишь надлежишь неминуемо. — На краю
 „пропасши разбѣряю и изчисляю я шаги
 „свои; все окружающее меня увеличиваетъ
 „мой шрепетъ, и я уже въ безднѣ. Тщеш-
 „но озираюсь я, дабы дать зрѣнію мсему
 „опдохновеніе; вездѣ вижу я перемѣну кар-
 „шинъ, но ни одной, гдѣ бы въ нахмурен-
 „ной, злобшвующей пригдѣ выглянула
 „хотя одна опрадная улыбка. Горизонтъ
 „надо мною не распространяется. Каждый
 „солдатъ, опягченный своею ношею и упо-
 „мленный до чрезвычайности, долженъ былъ
 „еще взлѣзать на каждую гору какъ на
 „шпурмъ. Чудесно и непоспимимо, какъ
 „не испощилось мужество и неутомимость
 „войска. Одинъ, изнемогшій подъ пягоспїю
 „всѣхъ сихъ изнуреній, могъ бы спансвить
 „ходъ всей колонны. Но примѣръ того —
 „предъ кошорымъ нѣкогда шренешалъ гор-
 „дый Спамбулъ, кошорый низложилъ Рѣчь-
 „Посполишу, и кошорый шеперь съ Альповъ
 „попрысалъ Гальскій колоссъ — оживспѣс-
 „рялъ унылыя ихъ сердца. Суворовъ, среди
 „сихъ ужасовъ и среди всего войска, бжалъ
 „на лошади, едва ноги свои влачившей, въ
 „синей, обвѣшшалай епанчѣ, кшера по-
 „слѣ опца ему досталась и называлась *роди-*
 „*тельскою*, и въ круглой большой шля-
 „пѣ, взяшой у одного капуцина. Слышалъ
 „онъ иногда ропотъ своихъ воиновъ, спча-
 „яніемъ испоргаемый, и скорбя о нихъ,

„забывалъ самаго себя. Впередъ — съ нами Богъ — Руское войско побѣдоносно — ура! сїи слова Героя — и все забыло. — Ни кто не изсѣкъ на Алпійскомъ камени имянь: Ганнибалъ и Суворовъ; но слава сего перехода и безъ того пребудеть вѣчною.“

Огньныя горы вѣкъ Алпійски
Пребудуть Россовъobeliski!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Отрывокъ изъ Мизантропа,
Мольеровой Комедіи.*

(Дѣйствіе I. Явленіе Ie.)

*Крулонъ (Мизантропъ) и Людмилъ
(его другъ.)*

Л ю д м и л ь.

Что сдѣлалось съ тобой?

К р у л о н ь, (сидя)

Оспавъ, оспавъ меня!

Л ю д м и л ь.

Что значитъ энопъ гнѣвъ? Скажи, что сдѣлалъ я?

К р у л о н ь .

Поди, сударь, поди: ты долженъ спѣнѣ сны-
дишься!

Л ю д ж и л ь .

Да можно выслушать, припомѣ и не сердисьсл.

К р у л о н ь .

Сержусь, и шакъ хочу; — ошѣ слушанья уволь.

Л ю д ж и л ь .

Что спрашенѣ ты, Крушонѣ, еказать себѣ
позволь;

Хошѣ мы съ любой друзья, но споль обычай
вздорной. . . .

К р у л о н ь .

Кто? я швой другѣ? Нѣшѣ, нѣшѣ, избавь; слу-
га покорной!

Такѣ! другомѣ вашимѣ бышѣ желалѣ до
сихѣ я порѣ;

Но, послѣ мерзосшей, кошорыхѣ былѣ мой взорѣ
Свидѣшелемѣ, безѣ всѣхѣ зашѣй вамѣ объявляю,
Что дружбу я сердецѣ разврашныхѣ презираю.

Л ю д ж и л ь .

Я спало виновашѣ! но вѣ чѣмѣ? скажи, когда?

К р у л о н ь .

Поди, шыбѣ умерешѣ былѣ долженѣ ошѣ спыда:
Поспупковѣ извинишѣ ни чѣмѣ швоцхѣ не
можно,

Спыдишься за себя всѣмѣ чеспнымѣ людямѣ
должно.

Ты съ кѣмѣ-шо вспрѣшилсѣ, и вдругѣ, какѣ
безѣ ума,

На шею прыгѣ ему — и ласковосшей пѣма,
И словѣ привѣшливыхѣ, учшивыхѣ предложеній,
И вѣ дружбѣ клятвенныхѣ и шумныхѣ увѣ-
реній. . . .

И словомъ: пожѣ да пожѣ два битые часа! —
 Кшо онъ? былъ мой вопросъ. — А пы едва
 вѣ глаза
 Его видалъ; едва, зовущъ какъ, знаешь;
 Лишь шолько врозь — прощай! и дружбу
 забываетъ.

Чло эшаго подлѣй, безчестнѣй можешъ быть,
 Какъ то, чего вѣ душѣ совсемъ нѣшъ, говорить?
 И еспалишъ это я къ несчастью сдѣлалъ злomu,
 Ей! ей! повѣрисябъ потчасъ — вѣ примѣрѣ
 другому.

Л ю д м и л ь.

За уголовную вину мою не чпя,
 Прошу изъ милости, гнѣвъ строгой укротя,
 Позволишь мнѣ пожить, и хощъ изъ сожалѣнья,
 Позорнаго меня избавишь удавленья.

К р у л о н ь.

Не испани шупки здѣсь, оставъ ихъ, одолжи.

Л ю д м и л ь.

Безъ шутокъ: какъ же намъ вести себя, скажи?
 Ты хочешь, чшобъ . . .

К р у л о н ь.

Хочу, чшобы, гнушаясь лестью,
 Языкъ людей съ душой согласенъ былъ и съ
 чешью.

Л ю д м и л ь.

Вѣдъ надобножъ, когда вѣ обѣщаньяхъ насъ жмушъ
 И вѣ дружбѣ честь свою порукою даюшъ,
 Плашишь покрайности такую жъ шочно сказкой:
 За кляшву кляшвою, за ласку шой же лаской.

К р у л о н ь.

Нѣшъ! видѣшь не могу я подлыхъ шѣхъ льсте-
 цовъ,
 Тѣхъ жалкихъ свѣтскаго обычая рабовъ,

Которы шчрканьемъ, поклонами, кривляньемъ,
Протягиваньемъ рукъ, всѣхъ встрѣчныхъ об-
ниманьемъ,

И почто будто залпъ учтивостей опшкрывъ,
Другъ друга обмануть слѣшашъ на перерывъ,
И душашъ лестію, безъ всякаго разбора,
Разумнаго, глупца, и честнаго, и вора.

Скажи, пожалуй, мнѣ, какая прибыль въ помъ,
Что въ дружествѣ тебѣ клянётся льстецъ
своёмъ

И до небесъ себя хвалами возвышаетъ,
Когда онъ первому мѣрзавцу похвѣ чишаетъ?
Нѣтъ! честно кто своей хохъ мало дорожитъ,
Такія похвалы гочешъ себѣ за спыдъ,
И самбы Государь меня обидѣ. Ъ въ эпомъ,
Коль въ милостяхъ меня равнял бы съ цѣ-
лымъ свѣтомъ.

И чтенье должно намъ заслугами купить;
А члмшь весь міръ, есть похвѣ, что никог
не члмшь,

И еспьли вы, сударь, сей подлостью гордитесь,
Прошу не гнѣваться, въ друзья мнѣ не годитесь:
Гнушаюся я шѣмъ почтеньемъ безъ границъ,
Которое у васъ для всѣхъ пригодно лицъ,
И словомъ, пошъ, кто другъ всего земнаго круга,
Не можешъ отъ меня считаемъ бышь за друга.

Л ю д м и л ь .

Но въ свѣтѣ живучи, хошь радъ, хошь не радъ,
А долженъ наблюдать учтивостей обрядъ.

К р у т о н ь .

Наказывать, сударь, шѣхъ должно безъ пощады,
Которы дружбою хошь шорговашъ шакъ рады.
Нѣтъ! честной человекъ кажися шѣмъ, что
есть,

Дѣлами, мыслию, чшобъ управляла честь,
А сердце языкомъ, — и чшобъ всѣ наши чувства
Гнушались низостью ласкашельна искусства!

Л ю д м и л ь .

Похвальна искренность! однако же она
Во многих случаях была бы весьма странна,
И часто — не в осуд премудраго споль
мнѣнья —

Не худо и скрывать сердечны помышленья.
Прилично ли, судя о слабостяхъ людскихъ,
Сказать другимъ в глаза, что думаемъ о нихъ?
Ужель, кого любить и в правду намъ не можно,
Тому и объявишь, что чувствуемъ мы . . .

К р у л о н ь .

Должно!

Л ю д м и л ь .

Такъ можно *Ветхнью* свободно говорить,
Что стыдно в сорокъ лѣтъ вершущую ей
быть,
И, бросивши дѣшей, на всѣ шаскаться балы?

К р у л о н ь .

Конечно.

Л ю д м и л ь .

Уванову, что *славны* Генералы
Безсовѣстно, какъ онъ, не мучашъ всѣхъ людей
Пустыми баснями о храбрости своей?

К р у л о н ь .

Да! да!

Л ю д м и л ь .

Не жушишь ли?

К р у л о н ь .

Нимало: будь увѣренъ,
Что в свѣтъ никого щадить я не намѣренъ!
Нѣтъ смѣль шерпѣшь, и мнѣ, какъ острый в
сердце ножъ,
Когда я посмотрю на городъ, на вельможъ,

На всё! — И видѣшь лязяль спокойно, безъ печали,
Чтобъ люди пакъ съ людьми безбожно по-
спупали?

Повсюду нахожу измѣны, плушни, лещь,
Корыстолоубіе, несправедливостъ, мещь.
О! я бѣшусь! . . . и хощь зови меня уродомъ,
Я съ человѣческимъ на вѣкъ поссорюсь родомъ.

Л ю д м и л я ъ.

Но философія швоя мрачна, скучна,
И скорбь, споль чудная, по чеспи, мнѣ смѣшна.
Не прозвалибъ себя угрюмымъ Гераклипомъ,
Меняжъ, кошъ я не шѣ, но въ пару, Демокрипомъ.

К р у л о н ъ.

О Боже мой! оставь нелѣпой эпошъ вздоръ.

Л ю д м и л я ъ.

Нѣшъ, право не шупя, брось колкой разговоръ.
Вѣдъ бранью шы своей свѣшъ цѣлый не из-
правишь.

Я съ откровенностью, кошорую пакъ славишь,
Скажу, что испинно, со всемъ швоимъ умомъ,
Ты дѣлаешь себя комическимъ лицомъ.

Твой слишкомъ спрогій судъ безуміемъ по-
чтешся,

И такъ ужъ надъ шобой полгорода смѣшся.

К р у л о н ъ.

Тѣмъ лучше, чоршъ возми! шѣмъ лучше,
очень радъ.

Мнѣ такъ прошивенъ родъ сижъ развращенья
чадъ,

Что ежелибъ меня отъ сердца, добровольно,
Счищали мудрецомъ — мнѣ былобъ это больно.

Л ю д м и л я ъ.

Родъ человѣческой весьма тебѣ постыль.

К р у л о н ъ.

Онъ ненависть къ себѣ мнѣ въ душу поселилъ.

Л ю д м и л ь.

Не ужьли смершныя всѣ, всѣ, безъ исключенья,
Достойны швоего бытъ могушѣ омерзенья? —
Не лязяли опличишь, по крайности, хоть
шѣхъ . . .

К р у л о н ь.

Нѣшѣ, нѣшѣ, я вообще возненавидѣлъ всѣхъ!
Однихъ, сударь, за шо, что подлы, хипры,
злобны;
Другихъ за шо, что злымъ пошворшвовашь
способны,
И въ мершвыхъ ихъ душахъ вражды съ поро-
комъ нѣшѣ,
Вражды, копорая къ добру ешѣ вѣрный слѣдѣ.
По ворѣ покакашѣ гошовы какъ по брашѣ.
Тому примѣромъ плушѣ, съ кѣмъ я сужусь въ
палашѣ.
Сквозь всѣ пришворшва въ немъ видна измѣ-
на, лешѣ;
Вездѣ извѣшенъ онѣ шакимъ, каковъ онѣ ешѣ;
Его смиренной взорѣ, шьма ласковостей внѣш-
нихъ
Лишь могушѣ обманушѣ прѣзжихъ, а не здѣ-
шнихъ;
Всѣ знаютъ, что подлецъ — чшобѣ взялъ его
поспрѣлъ! —
Чрезъ мерзкія дѣла въ чины войши умѣлъ,
Чшо почести его, копорымъ свѣшѣ свидѣшель,
Достоиншвамъ упрѣкъ, въ шпыдѣ вводяшѣ
добродѣшель.
Ругай его, скажи о немъ, Богѣ знаетъ чшо:
Согласенъ всякой въ шомъ, не вшупнишя ни-
кто —
И всѣ, всѣ подлеца охотно принимаюшѣ,
Лаокаюшѣ, шушяшѣ съ нимъ, какъ угосшишь
не знаютъ.

Да что еще! честиныхъ предъ сотнею людей
И въ службѣ мѣста плушъ добьешься поскорѣй.
Взбѣсишься надобно! Меня съ ума шо сводитъ,
Когда я вижу, какъ порокамъ свѣтъ снисходитъ,
И часшо, чшобъ людей и шѣни не вспрѣчашъ,
Съ досады я готовъ въ пустыню убѣжашъ.

Л ю д м и л ь .

Эхъ, Боже мой! оставь свой гнѣвъ на нравы вѣка;
И можно ли судишь такъ строгаго человѣка?
Онъ съ слабостями рожденъ: вошъ для чего
должны

Мы снисходительно прощашъ его вины.

Лишь мудрость крошкая для общества пригодна,
А строгость лишняя скучна, да и бесплодна.

Разсудокъ крайностей насъ учишъ избѣгашъ,
И даже въ мудрости средину наблюдашъ.

Суровы правила лѣшъ древнихъ какъ ни честны,
Но съ нравами въ нашъ вѣкъ никакъ ужъ
несовмѣсны.

Столь много совершенствъ имѣшь возможноль
намъ?

Что дѣлать! уступишь должны мы временамъ,
Повѣрь: заботишься о исправленъ свѣша,

Безумства крайняго неложная примѣша.
Я такъ же, какъ и ты, вещей вспрѣчаю шьму,

Которыбъ лучше шли по здоровому уму;
Я много кой-чего на каждомъ шагѣ вижу;

Но смертныхъ, такъ какъ ты, за шо не ненавижу.
Съ людьми — такъ какъ съ людьми — я просто

обхожусь:

Смотрѣшь съ холодношью на ихъ дѣла учусь,
И сколь умѣренъ я, ты сколько крушонравенъ,

Такъ философией съ шобой, Крушонъ, я равенъ.

К р у т о н ь .

Но ешъли, господиъ холодный философъ!

Твой ближній другъ шебъ устроишъ кипрый
ковъ,

Или, чѣмъ завладѣшь твоимъ подѣ часъ
имѣньемъ,
Безбожно покривитъ душой и уложенъемъ,
Иль злая о тебѣ въ свѣтъ пустишь клеветы —
Желаю знать, сударь, тогда что скажешь ты?

Л ю д ж и л ь .

Такъ точно, какъ теперь, оставя гнѣвъ без-
плодный,
Скажу, что слабости къ несчастью людямъ
сродны,
И видя хитрости, коварство, злость людей,
Не больше для души прискорбно то моей,
Какъ если испребовавъ я вижу кровожадныхъ,
Злыхъ обезьянъ, волковъ, въ свирѣпости не-
щадныхъ.

К р у т о н ь .

Я! грабить дамъ себя, обманывать, терзать?
Какъ, чортъ возми! чѣмъ я . . . но лучше
замолчать,
Чѣмъ слушать ваши мнѣ несносныя сужденья.

Л ю д ж и л ь .

Не худо помолчать, чѣмъ большаго гоненья
Съ прошивной стороны сей бранлю не навлечь;
Ты самъ прошивъ себя оспишь злодѣевъ мечь.
Озобить ихъ, Крутонъ, повѣрь, осперегайся;
А лучше о своемъ ты дѣлѣ постарайся.

К р у т о н ь .

Я ужъ сказалъ, что тебѣ не посрамлю себя.

Л ю д ж и л ь .

Да ктожъ ходатаемъ шамъ будешь за себя?

К р у т о н ь .

Какъ, что? А здравый умъ, законы, справед-
ливость?

Л ю д м и л ь.

Но сбѣдишь, попросишь, ужъ пребудешь
учтивость.

К р у л о н ь.

Просишь! о чемъ, сударь? да развѣ я неправъ?

Л ю д м и л ь.

Пусть такъ! но въ обществѣ такой уже
успавъ. . . .

К р у л о н ь.

Хоть такъ, или не такъ, но я, не погибвися!
Ни шагу не спущаю!

Л ю д м и л ь.

Смотри, осперегися.

К р у л о н ь.

Ни сбѣша!

Л ю д м и л ь.

Но судьи всѣ, всѣ на споронѣ
Злодѣя шезего.

К р у л о н ь.

Какая нужда мнѣ!

Л ю д м и л ь.

Эй! будешь сожалѣшь.

К р у л о н ь.

Пусть такъ — конца дождуся.

Л ю д м и л ь.

Рѣшашъ во вредъ. . . .

К р у л о н ь.

Ну чшо жъ! я шѣмъ повеселюся.

Л ю д м и л ь.

Однако же. . . .

К р у л о н ь.

Тогда узнаю я вѣрнѣй,
На сколько спанешъ ли безсмыслца у людей,

И будущь ли они шакъ злы и шакъ безбожны,
Чшобъ дѣлу правому дашь шолкъ безсшядне-
ложный.

Л ю д м и л ь.

Пресшранной человекъ !

К р у т о н ь.

Пускай лишусь всего,
Для чесши нашихъ дней, желаю я сего !

Л ю д м и л ь.

Ей, ей! шакимъ рѣчамъ, неслышаннымъ доселѣ,
Смѣяшся шпанувѣ всѣ, смѣяшся въ самомъ
дѣлѣ.

К р у т о н ь.

Пусть забавляющся, шѣмъ хуже шо для нихъ.

Л ю д м и л ь.

Но эшу правошу, всѣхъ мыслей цѣль швоихъ,
То добродушіе, кошораго нѣшѣ въ свѣшѣ,
Находишь ли, Крушонъ, любви швоей въ пред-
метѣ ?

И отъ чего, скажи, шоль спранной оборощь,
Чшо, человекской весь ненавида родъ,
Ты въ немъ лишь шо нашелъ — забылъ свою
сѣ нимъ ссору —

Чшо сильно швоему понравилось здѣсь взору ?
А болѣ всего умъ удивляешъ мой,
Признашельно скажу, шполь чудный выборъ
швой !

Милена скромная склонна къ тебѣ душою;
Смиреница Княжна лобуется шобою;
А пы къ обѣимъ къ нимъ шакъ холоденъ какъ
лѣдъ !

И кто же надъ шобой влашь полную берешъ ?
Прелесшина — живѣтѣ кошора по модѣ;
У коей вѣшреность, какъ кажешся, въ природѣ;

Чей умъ лишь славенъ шѣмъ, что весь дура-
чишъ свѣшъ,
Которой вѣрно здѣсь въ кокетствѣ равной нѣшъ.
Или пороками того въ ней не считаешь?
Или не видишь ихъ? или видя извиняешь?

К р у л о н ъ.

Въ прелестную вдову хощь спрасшно я влюбленъ,
Новѣрь, Людмила, что я не такъ ужъ ослабленъ,
Чтобъ не видашь ея пороковъ — я ихъ знаю,
Я первой вижу ихъ и первой осуждаю;
Однакожъ признаюсь, что не смотря на то,
Не можешь побѣдишь любви моей ничто;
Я часто и бранюсь: но взглянешъ лишь умильно,
Волшебной прелестью влечешь къ себѣ насильно!
Я льщусь — что, силою любви, супружнихъ
правъ,
Удастся мнѣ совсемъ ея исправить нравъ.

Л ю д м и л ѣ.

Дай Богъ! Крушонъ, дай Богъ! Порадуюсь
сердечно:
да полно любишь ли она себя?

К р у л о н ѣ.

Конечно;
Въ прошивномъ случаѣ я самъ бы не любилъ.

Л ю д м и л ѣ.

Когдажъ увѣренъ такъ, что ей ты столько милъ,
За чѣмъ же ко всему ее ревнуешь свѣшу?

К р у л о н ѣ.

Душой привязанъ кшо къ прелестному предмету,
Желаешь тошъ вполнѣ одинъ имъ и владѣшь.
Я съ шѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь свиданіе
имѣшь,
И съ нею наконецъ, какъ должно, извяснишься.

Л ю д м и л ь.

Когдабъ по выбору я могъ какъ ты женишься,
Сестра ея былабъ мной всѣмъ предпочтена.
Миленна шакъ добра, прелестна и скромна!
Женясь на ней, Крушонъ, ты сдѣлабъ бы пре-
красно.

К р у л о н ь.

Разсудокъ по же мой швердишь мнѣ повсечасно;
Но видно, что любви сильнѣй надъ нами власть.

Л ю д м и л ь.

Признашься, я боюсь, чтобъ чудная поль
страсть,
Твоею овладѣвъ чувствительной душою,
Несчастья своего не сдѣлалась виною.

Федоръ Кошкинъ.

Хлоѣ сочинительницѣ.

Ты Сафо, я Фаонъ, объ эшомъ и не спорю;
Да къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Б.

Къ * * *

При отъѣздѣ его въ армію.

Веселаго пуши
 Любезному желаю
 Ко древнему Дунаю!
 Очиринь покой — леши
 За Рускими орлами!
 Но въ полѣ, подѣ шапрами,
 Друзей воспоминай
 И сердцу милый край,
 Гдѣ ждешь себя, уныла,
 Твой другъ, швоя Людмила,
 Хранишель - ангелъ швой!
 Съ крылашою мечшой
 Проникни сокровенно
 Въ черпогъ уединенной
 Гдѣ, съ вѣрною шоской,
 Съ пылающей душой,
 Она, одна, вздыхаешь,
 И Промыслъ умоляешь:
 Да будешь Твой покровъ
 Въ обишели враговъ! —
 Смощри, какъ шомны очи,
 Какъ видѣ ея унылъ;
 Ей бѣлый свѣшъ посшылъ;
 Одна, во мракъ ночи,
 Сокрылась въ шеремъ свой;
 Лампаду зажигаешь,
 Письмо швое чашаешь,
 И робкою рукой
 Отшвѣшъ ко другу пишешь,
 Гдѣ въ каждомъ слозѣ дышешь
 Души ея печаль! —
 Леши въ безвѣстну. даль!
 Твой Геній надѣ шобою!

Среди опасна бою
Его незримый щипъ
Тебя приосбнишъ —
И мимо пролетишъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ! скороль швой веселый
Возврашъ ушбшишъ вновъ
И дружбу и любовь?

Для скорьби ушоленья
Подашель благъ, Зевесъ,
Двумъ жиселямъ небесъ
Минушы разлученья
Повѣрилъ искони.
„Да будущъ — рекъ — они :
„Одинъ посоль разлуки,
„Свиданія другой!“
И въ часъ сердечной муки,
Когда, рука съ рукой,
Въ поскъ безмолвной, други,
Любовники, супруги,
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызанъ,
Послѣднее прощанье
Другъ другу опдають,
Мольбы изъ сердца лють,
И шихими спонами,
Съ поникшими главами,
Въ душъ скрывает спонъ,
Идутъ, осиротѣлы,
Въ свой шеремъ опустѣлый.
Сынъ Дія Абеонъ (*),

(*) Абеонъ и Адеонъ два Греческія божества;
одинъ присушствовалъ при разлукѣ, другой
при свиданіи.

Задумчивый, безкрылой,
 Съ улыбкою унылой,
 Съ опрадой скорбныхъ слезъ
 Спускаешься съ небесъ,
 Ведомый Адеономъ,
 Который шихимъ звономъ
 Волшебныхъ струнъ своихъ
 Лепитъ въ сердце упованье
 На близкое свиданье! . . .

Я вижу обоихъ:
 Одинъ съ своей плоскою
 И шихою слезою;
 Съ надеждою другою! . . .
 Прощи, мой другъ нелестной!
 На долговъ — неизвѣстно;
 Но вбрую душой —
 И вбра не обманешь —
 Желанный день настанетъ:
 Мы свидимся съ шобой! . . .

Или . . . Увы! незримо
 Градущее для насъ . . .
 Быть можешь, въ оный часъ,
 Когда ты, незредимо
 Свершивъ опасный путь,
 Свободсю вздохнуть
 Придешь въ сѣни родимой
 Съ Людмилою своей,
 Ты спросишь у друзей:
 Гдѣ скрылся другъ любимой?
 И чтожь тебѣ въ отвѣтъ?
 „Его ужъ въ мирѣ нѣтъ!“ . . .
 Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтѣ
 Меня возметъ могила,
 И участь присудила,
 Чшою первый я изчезъ

Изъ милаго мнѣ круга —
Друзья, безъ скорбныхъ слезъ,
На прахъ зриайте друга! . . .
Гдѣ свѣтлою спруей
Плескаешъ въ брегъ зеленый
Извивисшый ручей ;
Гдѣ сѣнисшыя клены,
Слепающъ изъ вѣшвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ ;
Туда — лишь надъ холмомъ
Луна, сквозь облакъ дымный,
При вечерѣ блеснешъ,
И липа разольешъ
Окрешъ благоуханье —
Сберишесь, о друзья,
Въ мое воспоминаье!
Надъ вами буду я,
Древешъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимую шѣнью
Лешашъ рука съ рукой
Съ ушраченнымъ Филономъ!
Тогда вамъ шихимъ звономъ
Покинушая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣспишъ
Изъ таинственна міра,
И шихо пролешишъ
Задумчивость надъ вами;
Увидите сердцами,
Въ незнаемой дали,
Опечешво желанно,
Пріюшъ обѣшованной
Для спранниковъ земли.

Ж.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

Э С Т Е Т И К А.

О достоинствѣ древнихъ и новыхъ писателей.

Сильные споры происходили всегда о томъ, кто выше, древнѣе или новѣе. Во Франціи съ чрезвычайнымъ жаромъ занимались разрѣшеніемъ этой задачи. Буало и гжа. Дасье доказывали превосходство первыхъ; Перро и ла Мошпѣ защищали послѣднихъ. Ученые по сѣе время не согласны въ своихъ мнѣніяхъ о семъ предметѣ, можешъ быть пошому, что весьма трудно опредѣлить существенныя правила, которыми можно было бы руководствоваться для разрѣшенія сего долговременнаго спора.

Тщешно, безъ сомнѣнія, было бы хотѣшь унизишь древнихъ классическихъ Писателей: слава ихъ незыблема. Съ другой стороны неоспоримо также и то, что въ ихъ сочиненіяхъ находящся многіе недоспашки. Но одна лишь глупая ненависть

или предубѣжденіе могутъ вдохнуть безразсудное желаніе унижить ихъ творенія *вообще*. Похваля народы, которые въ теченіи столь многихъ вѣковъ единодушно имъ удивлялись, есть приговоръ непристрастный, противъ котораго воссѣвать бесполезно.

Свѣтъ всегда заблуждался, и вѣчно будетъ заблуждаться въ лабиринтъ умствованій. Различныя философическія системы, подобно шѣмъ насѣкомымъ, которые, родившись по утру, оканчиваютъ существованіе свое въ вечеру того же дня, появлялись и потомъ уступали мѣсто своимъ другимъ системамъ. Но понятія вкуса не подвержены такому непостоянству, потому что существеннымъ основаніемъ ихъ служатъ не умозрѣніе и познанія, но чувство, всегда неизмѣнное: общее чувство людей всегда справедливо, и Гомеръ и Виргилій вѣчно будутъ стоять на той высокой степени, которую они занимали до сего времени.

Весьма негоспительно имѣть къ древнимъ слѣпое благоговѣніе, и мы, для того, чтобы опредѣлить истинное ихъ достоинство, постараемся сдѣлать между ими и новѣйшими сравненіе непристрастное. Если древніе имѣли превосходнѣйшій Гений.

то новѣйшіе, можешь быть, превзошли ихъ въ нѣкѣхъ искусствахъ, которыя могутъ усовершенствованы быть поспешенно.

Такимъ образомъ несомнительно можно сказать, что въ Натуральной Исторіи, въ Астрономіи, въ Физикѣ, въ Химіи и нѣкоторыхъ другихъ наукахъ новѣе имѣющъ неоспоримое превосходство предъ древними. Можешь быть философы нынѣшнихъ временъ имѣющъ даже слишкомъ великое преимущество предъ мудрецами древнихъ вѣковъ въ точности умствованій, потому что умножившіяся сношенія между народами, облегчивъ способы къ разпространенію наукъ и вмѣстѣ къ взаимному сообщенію опыты, чрезвычайно много вспомоществовали употребленію человѣческихъ способностей. Можешь быть даже, новѣйшіе сдѣлали болѣе успѣховъ въ Исторіи, потому что разпространеніе предѣловъ торговли, открытіе различныхъ земель, большая удобность въ сношеніяхъ и множество разнообразныхъ происшествій и переворошовъ, случившихся на земномъ шарѣ, безъ сомнѣнія возвели полипическія науки на высшую степень совершенства, нежели на какой находились они у древнихъ. Поэзія равнымъ образомъ нѣсколько усовершенствована, но есть болѣе имѣетъ правильности и точности. Въ драматичес-

номъ искусствъ сдѣланы нѣкоторыя успѣхи. Напримѣръ, въ произведеніяхъ нынѣшнихъ трагиковъ и комическихъ писателей находимъ болѣе разнообразія въ характерахъ, искуснѣйшія завязки, болѣе вѣроятности въ ходѣ и болѣе разборчивости въ наблюденіи приличія. Древніе отличались силою воображенія, болѣею оригинальностію и простотою; въ новѣйшихъ напрошивъ видно болѣе искусства и правильности, но менѣе силы и разительности Генія. При семъ замѣшимъ, что хотя правило сіе вообще можно признашь справедливымъ, но есть нѣкоторыя изъ онаго исключенія. Мильтонъ и Шекспиръ безъ сомнѣнія не уступаютъ ни одному Поэту, ни древнему ни новому.

Многія особенныя обстоятельства благопріятствовали успѣхамъ древнихъ: они часто предпринимали дальнія путешествія для усовершенствованія себя въ наукахъ и для бесѣдованія съ Философами. Возвращаясь въ свое отечество, они приносили съ собою богатый запасъ открытій и новыхъ познаній, пріобрѣтенныхъ ими въ странахъ, черезъ которыя проходили. Всякая новость, всякая необыкновенная вещь могла воспламенить въ нихъ энтузіазмъ чрезвычайный; и какъ не много находилось такихъ, которые искали бы отличить себя званіемъ писателя, то по сему

и слава, кошорою пользовалось сіе малое число, была опшбнно леспною. Въ новѣйшія времена не шакъ уважающъ уже дарованіе и искусство Писателя. Всякой, ншо сколько нибудь умѣющъ марашъ бумагу, смѣло присвоивающъ себѣ оныя. Печаташіе умножило книги до такого безмѣрнаго количества, что способы ученія сдѣлались весьма обыкновенными и легкими, опъ чего и самый Гений сошелъ на степень посредственности. Щасливое преимущество достигашъ вѣскаго совершенства и опдѣляющъ опъ шолшы обыкновенныхъ людей, предоставлено весьма немногимъ.

Что касается до Эпической поэзіи, по въ оной Гомеръ и Виргилій по сіе время остаются единственными и неподражаемыми образцами; наши времена не произвели шакъ же ни одного Орапора, копораго можнобъ было сравнить съ Демосееномъ и Цицерономъ. Между новѣйшими испорическими повѣствованіями нѣтъ ни одного, кошорое опличалось бы такою пріятностію и живостию описанія, какое находимъ мы въ швореніяхъ Геродота, Фукидида, Ксенофонша, Тита - Ливія, Тацита и Саллюстія. Равнымъ образомъ наша Драмма, не смотря на всѣ сдѣланныя въ ней усовершенствованія, должна уступитъ въ поэзіи и чувствованіяхъ Софокловой и Эврипидовой.

Нынѣшній комическій разговоръ не имѣетъ той пріятной простоты, какую имѣетъ онъ у Теренція. Новѣйшія времена не могли бы также противупоставить ни одного Поэта Тибуллу, Теокрышу, Горцію. Слѣдственно шѣ, которые хотѣли бы усовершенствовать свой вкусъ и доставить хорошую пищу своему Генію, должны съ приближеніемъ заниматься древними классическими Писателями, какъ Греческими, такъ и Римскими.

Съ Англ. Алекс. Лазаревъ.

III. КРИТИКА.

Критическій разборъ Кантемировыхъ Сатиръ.

Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горация. Сатиры его чрезвычайно пріятны, не смотря на то, что онъ писаны *слогами*, такъ же какъ и псалмы Симеона Полоцкаго и пояши всѣ старинныя Рускія ябси, и что языкъ стихотворца уже

нѣсколько устарѣлъ: въ нихъ виднѣнъ не только остроумный Философъ, знающій челоѵческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и Стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ; и живописецъ, вѣрно изображающій для нашего воображенія нѣ предметы, которые самаго его поражали.

Кантемиръ оставилъ намъ восемь Сапиръ. Мы выпишемъ для нашихъ читательей *всю* первую, одну изъ лучшихъ, въ которой Стихотворецъ нападаетъ на глупыхъ или пристрастныхъ невѣждъ, порицающихъ ученіе. Разобравъ ее критически, получимъ достаточное понятіе о духѣ и стихотворномъ искусствѣ Сапирика. Изъ сѣдующихъ Сапиръ его предложимъ нѣкоторыя лучшіе опытки, и попомъ, сравнимъ Поэта съ нѣкоторыми иностранными Сапириками, которыхъ онъ иногда подражалъ, но подражалъ какъ Писатель оригинальный, постараемся опредѣлить свое мнѣніе о превосходствѣ разбираемаго нами Поэта.

Сапирикъ обращается къ уму своему. Надобно замѣнить, что предлагаемая едѣсь Сапира написана имъ на двадцатомъ году:

Умъ незрѣлый, плодъ не долгой науки!
Любуйся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводиши,
Можно и славу доспавъ, хоть творцемъ не слыши,

Ведушь къ ней непрудные въ нашъ вѣкъ пу-
 ши многи,
 На кошорыхъ смѣлыя не загнушся ноги :
 Всѣхъ непріятнѣе шовъ, что босы проклали
 Девяшь сестрѣ. Многи на немъ силу потеряли
 Не дошедъ; нужно на немъ пощѣть и помилъся,
 И въ шѣхъ шрудахъ всякъ шебя, какъ мору,
 чужилъся,
 Смѣтешя, гнушаешся. Кшо надъ шоломъ гнешся,
 Пяля на книгу глаза, большихъ не добыешся
 Палашъ, ни разцвѣченна мраморами саду ;
 Овцы не прибавилъ онъ къ ошцовскому стаду.

Правда, въ нашемъ молодомъ Монархѣ! (*)
 надежда

Всходитъ Музамъ не мала; со шпыдомъ невѣжда
 Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ зашшу
 Своей не слабу почувъ; чшяща свою свишу
 Видѣлъ его самаго, и во всемъ обильно
 Тщилъся множилъ жителей Парнасскихъ онъ
 сильно :
 Но та бѣда, многіе въ Царѣ похваляюшь
 За шрахъ шо, что въ подданномъ дерзко
 осуждаюшь.

„Расколы и ереси науки сушь дѣши ;
 Больше врѣшъ, кому далось больше разумѣши ;
 Приходитъ въ безбожіе, кшо надъ книгой
 шаетъ —
 Кришонъ съ чощками въ рукахъ ворчитъ и
 вздыхаешъ,
 И проситъ свяша душа съ горькими слезами
 Смопрѣлшь, сколь сѣмя наукъ вредно между нами :
 „Дѣши наши, что предъ шѣмъ шихи и покорны
 Праощескимъ шли слѣдомъ къ Божіей про-
 ворны

(*) Пешрѣ II.

Службѣ, съ страхомѣ слушая, что сами не
 знали,
 Теперь, къ церкви соблазну, Библию честь
 спали,
 Толкуюшѣ, всему хощашѣ знашѣ поводѣ,
 причину,
 Мало вѣры подая священному чину,
 Потеряли доброй нравѣ, забыли пишѣ квасу,
 Не прибѣшь ихѣ палкою къ соленому мясу;
 Уже свѣчекѣ не кладушѣ, постныхѣ дней не
 знакушѣ,
 Мирскую въ церковныхѣ власшѣ рукахѣ лишу
 чаюшѣ,
 Шепча, что шѣмѣ, кто мирской жизни ужѣ
 отспали,
 Помѣсья и вошчины весьма не приспали.“

Силванѣ другую вину наукамѣ находишѣ:
 „Ученіе, говоришѣ, намѣ голодѣ наводишѣ;
 Живали мы прежь сего, не зная Лапшинѣ,
 Гораздо обильнѣе, чѣмѣ живемѣ мы нынѣ;
 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
 Переменяшѣ чужой языкѣ, свой хлѣбѣ потеряли.
 Буде рѣчь моя слаба, буде нѣшѣ въ ней чину,
 Ни связи, должноль о томѣ шужишь дворянину?
 Доводѣ, порядокѣ въ словахѣ, подлыхѣ по
 есть дѣло;
 Знашнымѣ полно подшверждашѣ, иль оприцашѣ
 смѣло.
 Съ ума сошелѣ, кто души силу и предѣлы
 Испынаешѣ, кто въ пошу поминшѣ дни цѣлы,
 Чшобѣ спрой міра и вещей вывѣдашѣ перемѣну
 Иль причину: глупо онѣ лѣпишѣ горохѣ въ стѣну.
 Приростешѣ ли мнѣ съ шого день къ жизни
 иль въ ящикѣ
 Хошя грошѣ? могуль чрезѣ шо узнать, что
 прикащикѣ“

Чѣмъ дворецкой крадешъ въ годъ? Какъ криба-
вишь воду
Въ мой прудъ, какъ бочекъ число съ виннаго
заводу?

Не умнѣе, кшо глаза, полонъ безпокойства,
Колшишь, печась при огнѣ, чшобъ вызнать
рудъ свойства;

Вѣдь не шеперь мы швердимъ, что буки, что
вѣди:

Можно знать различіе злапа, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе — все по голы враки:
Главаль болѣшъ? шому врачъ ищешъ въ рукъ
знаки;

Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Няшь хочешъ: слабѣемъ ли, кровь шихо чрез-
мѣру

Течешъ; естѣли спѣшно, жаръ въ шѣлѣ, ош-
вѣшъ смѣло

Даешъ, хошя внутрь никшо видѣлѣ живо шѣло.
А пока въ басняхъ шакихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ гзѣ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ печеніе числитъ, и ни къ дѣлу
Ни къ спаши за однимъ ноль пяшномъ не-
снать дѣлу?

За любопытствомъ однимъ лишитъ покою,
Ища, солнцель движешся, или мы съ землею:
Въ часовникѣ можно чешъ на всякой день года
Число мѣсяца, и часъ солнечнаго восхода.

Землю въ чешверши дѣлшшь безъ Евклида смы-
слимъ;

Сколько копеекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счи-
слимъ.“

Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Чшо учитъ множитъ доходъ, а расходы малитъ;
Трудитъ въ шомъ, съ чего вдругъ карманъ
не шолстѣешъ,

Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ
звань смѣешь.

Румяный прожды рыгнувъ Лука под-
пѣваетъ :

„Наука содружества людей разрушаетъ ;
Люди мы къ обществу Божія шварь спали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ прияли.
Что же пользы иному, когда я запрюся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ
лишуся ?

Когда, все содружество, вся моя вашага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага ?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны про-
вождаши ;

И такъ она не долга, на что корошапи,
Крушишься надъ книгою и повреждашь очи ?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи ?
Вино, даръ божественный, много въ немъ провору ;
Дружишь людей, подаешь поводъ къ разговору,
Веселишь, всѣ шаякія мысли опымаешь,
Скудость знаешь облегчаешь, слабыхъ ободряешь,
Жестокихъ смягчаешь сердца, угрюмость ош-
водишь,

Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходишь.
Когда по' небу сохой броды водишь спанушь,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянушь,
Когда будушь печь къ ключамъ своимъ бы-
стры рѣки,

И возвращаясь назадъ минувшіе вѣки ;
Когда въ постѣ чернецъ одну бсь спанешь
вязигу,

Тогда, оставя спаканъ, примушься за книгу.“

Медоръ шужитъ, что чрезчуръ бумаги
исходишь

На письмо, на печать книгъ, а ему приходишь,
Что не во что завершишь завишья кудри ;

Не смѣнишь на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ (*) двухъ денегъ *Виргилій* не
стоишь,
Рексу, не Цицерону, похвала достоишь.

Вотъ часъ рѣчей, что на всякъ день зве-
няшь мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я; уме, нѣмѣ бышь клуши
Совѣшую. Когда нѣшь пользы, ободряешь
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколькожъ больше вмѣсто хвалъ да хулы шер-
пѣши!

Труднѣйшо, нежь, пьяницѣ вина не имѣши,
Нежли не славить попу свяшую недѣлю,
Нежли купцу пиво пишь не въ при пуда жмелю.

Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ пред-
спавишь,

Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ; ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулишь; да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уславъ, плюнушь на нихъ
можно.

Изряденъ, хваленъ швой судъ; пакъ бы шо
бышь должно,

Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными вла-
дѣюшь,

А къ помужъ не шолько шѣхъ науки имѣюшь
Недрузей, копорыхъ я, краткоспи радѣя,
Ищелъ, иль правду сказашь, могъ исчестъ
смѣлѣя.

Полноль шого? Райскихъ врагъ ключари свяшые,
И имѣ же Ѳемисѣ вѣски ввѣрила злашые,

(*) *Егоръ* славный сапожникъ въ Москвѣ,
умершій въ 1729; а *Рексъ* шакже славный
Московскій поршней, нѣмецъ.

Мало любящъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хочешь бышь? Уберися въ рясу,
Сверхъ той шѣло съ гордостью риза полоса
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ

злаша,

Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Кляю: у пышно повели вести предъ шобою,
Въ каретѣ раздувшись, когда сердце съ гнѣву
Тѣешишь, всѣхъ благословляешь нудъ праву и

лѣву;

Долженъ Архипастыремъ всякъ ня въ сихъ
познаши

Знакахъ, благоговѣнно отцемъ называши.

Что въ наукѣ? что съ нее пользы Церкви бу-
детъ?

Иной, пиша проповѣдь, выпишь позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ Церкви
права

Лучшія основаны, и вся ея слава.

Хочешь ли Судьею ешашъ? Вздѣнь парикъ съ
узлами,

Брани того, кто проситъ съ пусными руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираешь,
Спи на стулѣ, когда дякъ выписку чишаешь.
Ешьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански
ушавы,

Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что врешь околѣсну,
Налагая на судей шу шягосишь несносну,
Что подъячимъ должно лѣзшь на бумажны горы,
А судьб довольно знаешь крѣпишь приговоры.
Къ намъ не дошло время шо, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.

Злашый вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣносшь, богатство мудрость одо-
лѣло;

Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ миршой гордишься по, въ шипомъ плашь
ходишь;
Судишь за краснымъ сукномъ, смѣло полки
водишь.
Наука ободрана, въ лоскушахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ
ссита,
Знаешься съ нею не хоплять, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ спрдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣвъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли что каршы мѣшашъ, разныхъ винъ вкусъ
знаешь,
Танцуешь, на дудочкѣ пѣсни при играешь,
Смыслишь искусно прибрать въ своемъ плашь
цвѣшны:
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая вышя степень мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнишь лика.
Нѣшь правды въ людяхъ! кричишь безмозг-
лой церковникъ;
Еще не Епископомъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и Посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Злапоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Винъ роищешь, что своимъ полкомъ не вла-
дѣешь,
Когда ужъ имя свое подписашъ умѣешь.
Писецъ пужишь, за сукномъ что не сидишь
краснымъ,
Смысля дѣло на бѣло списашъ письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнишь въ незнапи спрѣбли,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой щипашъ,
Хотя впрощемъ ни чипашъ, ни пишашъ не
знаешь.

Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнакомости сидя.
Безспрашно шого житье, хопь и шяжко мнитсея,
Кшо въ шихомѣ своемѣ углу молчаливѣ шайтсея.
Коли чшо дала ши знать Мудрость всеблагая,
Весели шайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукѣ; не ищи, извясняя шую,
Вмѣсто похвалѣ, чшо ши ждешь досташь
хулу злую.

Эта Сашира была написана прошивѣ шѣхѣ, копорые своею привязанношю къ шпариннымѣ предразсудкамѣ прошнейлись разпроспраеню наукѣ, введенныхѣ въ предѣлы Россіи ПЕТРОМѣ Великимѣ. Саширикѣ, имѣя въ предметѣ осмѣять безразсудныхѣ хулителей просвѣщенія, вмѣсто шого, чшобы доказывать намѣ логически пользу его, пришворно беретѣ спорону глупцовѣ и невѣждѣ, объявившихѣ ему войну, выводитѣ ихѣ на сцену, и каждаго зашпавляетѣ говоритѣ языкомѣ, приличнымѣ его характеру. Такимѣ искуснымѣ расположеніемѣ Спихошворецѣ избавилѣ себя отѣ сухости и однообразія. Мы видимѣ нѣсколько забавныхѣ чудаковѣ, копорые нелѣпыми разсужденіями своими еще болѣе привязываютѣ насѣ къ шому предмету, копорый хопятѣ унишитѣ и обезобразитѣ въ глазахѣ нашихѣ.

Приходитѣ въ безбожіе, кшо надѣ книгой шаетѣ.

Дѣши наши, что предѣ шѣмѣ, пиши и покорны
Праопгческймѣ шли слѣдомѣ, кѣ Божіей проворны
Службѣ, сѣ спрахомѣ слушаю, что сами не знали,
Теперь, кѣ Церкви соблазну, Библию чешѣ спали.

Пошеряли добрый нравѣ, забыли пишь ква-
су, и пр.

говоришѣ ханжа *Крилтонѣ*, для кошораго
чишаѣ Библию, или кошѣшѣ понимаѣ шю,
что слушаешѣ вѣ церкви, значишѣ бышѣ
безбожнымѣ, а не пишь квасу, по примѣру
прадѣдовѣ, значишѣ бышѣ развращнымѣ.
Кшо жѣ не повѣришѣ *Крилтону*? И какѣ не
согласишѣ сѣ корыстолобивымѣ богачемѣ
Сильваномѣ, кошорый увѣряешѣ насѣ, что

Сѣ ума сошелѣ, кшо души силу и предѣлы
Испышаешѣ, кшо вѣ пошу помимѣся дни цѣлы,
Чтобѣ спрой мѣра и вещей вывѣдашѣ премѣну
Иль причину; глупо онѣ лѣбишѣ горохѣ вѣ
спѣну.

Приросшѣшѣли мнѣ сѣ шого день кѣ жизни,
иль вѣ ящикѣ

Хошя грошѣ? могуль чрезѣ шо узнашѣ, что
прикащикѣ,

Что дворецкѣй крадешѣ вѣ годѣ? Какѣ приба-
вишѣ воду

Вѣ мой прудѣ? какѣ бочекѣ число сѣ виннаго
заводу?

Травѣ, болѣзней знаніе — все шо голы враки;
Главаль болишѣ? шому врачѣ ищешѣ вѣ рукѣ
знаки.

А пока вѣ басняхѣ шакимѣ время онѣ проводишѣ,

Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.

Спихъ:

Главаль болишь? пому врачъ ищетъ въ рукѣ
знаки!

очень забавенъ. Заключение:

Таковы слыша слова, и примѣры видя,
Молчи, уме; не скучай, въ незнапности сидя.
Безспрашно шого жишье, хопъ и пшякко
мнишся,
Кшо въ шихомъ своемъ углу молчаливъ пашшся.
Колн чшо дала ши знашъ Мудрость всеблагая,
Весели пашно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, извясняя шую,
Вмѣсто похвалъ, чшо ши ждешъ, досташъ ху-
лу злую.

удовлешворишельно для друзей просвѣщенія.
Спихопворецъ не сказалъ ни слова въ поль-
зу наукъ; но онъ выспавилъ безумство ихъ
порицашелей, и всякой повшорилъ за нимъ
св сердечнымъ убѣжденіемъ:

Безспрашно шого жишье, хопъ и пшякко
мнишся,
Кшо въ шихомъ своемъ углу молчаливъ пашшся.

Сапиры Кантемировы можно раздѣлить
на два класса: на *философическія* и *живо-
писныя*; въ однихъ, и именно въ VI, VII,
Сапиривъ предшавляешся намъ Философомъ
моралистомъ; а въ другихъ (I, II, III, V)
искуснымъ живописцемъ людей порочныхъ.
Мысли свои, почерпнушыя изъ общежитія,
выражаешъ онъ сильно и кратко, и почи

всегда оживляетъ ихъ или карпинами, или сравненїями; всѣ характеры его изображены рѣзкою кистїю; иногда, можешь бышь, замѣчаешь въ его изображенїяхъ и описанїяхъ излишнее обилїе. Формы его весьма разнообразны: онъ или разсуждаетъ самъ, или выводитъ на сцену актеровъ, или забавляетъ насъ вымысломъ, или пишетъ посланїе. По своему *языку* и *словоупотребленїю* Кантемиръ долженъ бышь причисленъ къ Стихотворцамъ стариннымъ; но по *искусству* принадлежишь онъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ. Читая Саширы его, видишь передъ собою ученика Гораціевъ и Ювеналовъ, знакомаго со всѣми правилами стихотворства, со всѣми превосходными образцами древней и новой Поэзіи. Онъ никогда не опдалается отъ матерїи, никогда не употребляетъ чешырехъ словъ, какъ скоро можешь выразишь ся премо; онъ чувствителенъ къ гармонїи стихотворной; онъ знаетъ, что всякое выраженїе заимствуетъ силу свою отъ того мѣста, на которомъ оно поставлено; его украшенїя всѣ *необходимы*: онъ употребляетъ ихъ не для пустаго блеска, а для того, чтобы усилишь или обяснишь свою мысль. Въ слогъ его болѣе силы, нежели колюспи; онъ не смѣется, не хочетъ забавлять, но чертами разительными изображаетъ смѣтное, и колешь иногда неужи-

данно, мимоходомъ. На примѣръ, пьяница
Лука говоритъ :

Какъ скоро по небу сохой броды водишь спа-
нушь,

А съ поверхности земли звѣзды ужъ прогля-
нушь;

Когда будешь шечь ко ключамъ своимъ бы-
спры рѣки,

И возвращаясь назадъ минувшіе вѣки;

*Когда въ постъ чернецъ одну жсть станетъ
взизгу :*

Тогда, оставя шапанъ, примуся за книгу.

Здѣсь Стихошворецъ, какъ будто безъ на-
мѣренія, колнулъ невоздержныхъ монаховъ:
невозможность пишаться одною вязигою въ
великой постъ наименовалъ онъ послѣ не-
возможности возвращить минувшіе вѣки.
Такое сближеніе очень забавно.

Мы предложимъ нашимъ читателямъ
нѣсколько примѣровъ изъ слѣдующихъ Са-
пиръ, чтобы дать имъ яснѣйшее понятіе
о искусствѣ Кантемира въ выраженіи *мы-
слей, въ описаніяхъ и сравненіяхъ сти-
хошворныхъ, въ изображеніи характеровъ.*

Вотъ заключеніе пятой Сапиры. Сти-
хошворецъ уступилъ свою роль лѣсному
Сапиру, одѣтому въ модное платье и при-
сланному отъ бога Пана въ городъ для
того, чтобы наглядѣвшись на людей и воз-

врашившись въ лѣсѣ, забавляшь его въ скучные часы разсказами о ихъ дурачествѣхъ. Сапиръ, описавши Періергу нѣкоторую часть того, что видѣлъ и слышалъ между людьми, заключаетъ :

Нещасныхъ страстей рабы отъ дѣлства
до гроба!

Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и
злоба,

Съ самолюбіемъ вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, впилась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ въпрѣ играешь,
Лепуча и различна мысль ваша бываетъ:

То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грусно бытъ одному, то люди скучаютъ;

Не знаете сами, что хотите; шеперь шое.

Хвалише, попомъ сіе, съ мѣста на другое

Перебѣгая мѣсто; и что паче дивно,

Вдругъ одно желаніе другому прошивно.

Малый въ лѣто муравей пошѣетъ, помнитъся,

Зерно за зерномъ паца, и наполняетъ пицишя

Свой амбаръ; когда же мѣръ унываетъ безплоденъ

Мразами начнешъ, съ гнѣзда спанешъ неисходенъ,

Въ зиму наслаждаясь шѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.

А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,

Въ шемжонѣ вѣкъ бродите; не въ время прилѣжны,

Въ ненужномъ пошѣете, а въ пошребномъ лежи.

Корошокъ жизни предѣлъ, велики зашѣи,

Своей сами пишинѣ глупые злодѣи,

Состояніемъ своимъ всегда недовольны.

Купецъ, у кого амбаръ и сундуки полны

Богатствѣ всякихъ, и можешъ жить себѣ въ
покоѣ

И въ довольствѣ, вошѣ не спишъ и мыслишъ иное,

Думая, какъ бы ему сдѣлалась Судьею;
Куды де хорошо бышь въ людяхъ головою:
И чшашь себя, и даюшь, поштою не знаешь;
Многоль малоль для себя всегда собираешь.,
Сшавъ судьею, ужъ купцу не мало завидишь,
Когда по нещасию пусто въ мѣшкѣ видишь,
И слыша просишелей у дверей вздыхаши,
Долженъ вспашь не выспавшись съ теплыя кро-
ваши.

Боже мой! говоришь онъ, что я не посадской?
Чоршь бы взялъ и чинъ и честь, въ коихъ жи-
вошь адской.

Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ щипая,
Не однажды привздохнешъ, слезы оширая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдашомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ плачь богашомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правезѣ бы нога моя не стояла,
Для менябъ свинья моя шолько поросилась,
Съ коровы мнѣбъ молоко, мнѣбъ куря носилась;
А по все прикащицѣ, сиряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонѣ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришолъ поборъ, пахаря вписали въ солдашы:
Не однажды дымные вспомнишь ужъ палашы,
Проклинаешъ жизнь свою въ зеленомъ кафшанѣ,
Десятью заплачешъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не жищье было мнѣ, говоришь, въ крешъ-
яншвѣ?

Правда, тогда не ходилъ я въ шакомъ убраншвѣ;
Да лѣшомъ въ подклешъ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дожжикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ Господину,
Какуюжъ больше найду я шужишь причину?
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня чрезъ годъ, а скошамъ солома.
Дальна бзда мнѣ была сѣвздинъ въ шоргъ для
соли,

Иль въ праздникъ пойши въ село, и по съ
добрый воли :

А пелерь, чорпъ не жишье, волочись по свѣшу,
Все бы рубашка бѣла, а вымышь чѣмъ нѣшу ;
Ходи въ шпанахъ, возися за ружьемъ по-
спрѣлымъ,

И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно бышь
смѣлымъ.

Ни выпашься некогда, часно нѣшъ, что ку-
шашъ ;

Наряжашъ мнѣ всё собой, а соперыхъ слушашь.
Чернецъ шотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клубкѣ, и всяку работу
Къ церкви легку сказывалъ, прося со елезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ шотъ ч-
нами,

Сего дни не поешъ, радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полешѣлъ бы къ мясу :
Радъ къ чоршу въ шоварици, лишь бы бѣль-
цомъ быши,

Нѣшъ мочи ужъ Ангеломъ въ слабомъ шѣлъ
слыши.

Спихопворецъ сначала разсуждаетъ просто
о непоспоянствѣ человѣческихъ желаній,
попомъ выводипъ на сцену самихъ недо-
вольныхъ, и мысли его одушевлены пре-
красною Драмашическою сценою. Въ эпомъ
мѣстѣ подражалъ онъ Горацію (Сапир. I
Кн. I). Вотъ нѣсколько *мыслей* о умѣ-
ренности и спокойствіи : вы подумаете,
что съ вами бесѣдуетъ Горацій; но Канте-
миръ почерпалъ свою Философію въ соб-
ственномъ своемъ сердцѣ :

Тощѣ въ сей жизни лишь блаженѣ, кно ма-
 лымѣ доволенѣ,
 Въ пишинѣ знаешѣ прожипѣ, опѣ суешныхѣ
 воленѣ
 Мыслей, чпо мучашѣ другихѣ, и шопчешѣ
 надежну
 Спезю добродѣтели, кѣ концу неизбѣжну.
 Небольшой домѣ на своемѣ построенный полѣ
 даешѣ нужное моей умѣренной волѣ;
 Не скудный, не лишній кормѣ, и средню забаву.
 Гдѣбѣ съ другомѣ честнымѣ я могѣ, по моему
 нраву
 Выбраннымѣ, въ лишни часы прогнашѣ скуки
 бремя,
 Гдѣбѣ, опѣ шуму отдаленѣ, прочее все время
 Провождашѣ межѣ мершвыми Греки и Лапины,
 Изслѣдуя всѣхѣ вещей дѣйства и причины,
 И учась знать образомѣ другихѣ, чпо полезно,
 Чпо вредно въ нравахѣ, чпо въ нихѣ гнусно,
 иль любезно:

То одно желанія мои составляетѣ.

Богатство, высокой чинѣ, чпо въ очахѣ бли-
 саетѣ

Предѣ неискусной полпой, многія печали
 Наноситѣ и ищущимѣ, и шѣмѣ, кпо достали.

Кшобѣ не смѣялся шому, кой спезку жесткоу
 Топчешѣ, лѣзя весь въ пошу на гору высокоу,
 Коей вершина оспра такѣ, чпо оспорожно
 Сколь споы ни ушверждашѣ, съ покоемѣ не
 можно

Ушояшѣ, и всякой вѣшрѣ, кой дышешѣ опасный,
 Порываешѣ бѣднаго въ спремнины ужасны?
 Любочестный однако мужѣ на него походитѣ.

 Еще, естлибѣ наша жизнь на два, на при вѣки
 Тянулась, не шолько бы глупы человекѣ

Казались, мнѣнїю служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени частъ,
шрудну

Снося, и довольно дней поправишь имѣя
Себя, когда прежніе прожили шалѣя.

Да лихъ человекъ, родясь, имѣешь насилу
Время оглядѣшься вкругъ, и полѣзъ въ могилу,
И споль корешкую жизнь еще ущербляюшь
Младенство, спаросъ, болѣзнь; а дни шакъ
лепаюшь,

Что напрасно будешь ждешь себѣ ихъ возврашу.
Чтожъ споль шажкой сносишь шрудъ за споль
малу плашу

Я имѣю, и шеряшь золотое время,
Отспавляя изъ дня въ день злонравія сбмя
Изъ сердца искореняшь? Пропадушъ степени
Пышны и сокровища, какъ за пусты шѣни
Басенный песъ опушилъ изъ зубъ кусокъ мяса.
Добродѣшель лучшая естъ наша украса;
Тишина ума при ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствѣ доля
Пала и славы, шѣхъ шрехъ благъ долженъ ли-
шиться,

Хошь бы крайней гибели и могъ ущипиться.
Глупо изъ младенства мы обыкли бояться
Нищеты, презрѣнья, и шѣ всего мнятся
Зла горчае; для шого бѣжимъ мы въ другую
Крайность, а должнобъ въ вещахъ знашь мѣру
прямую.

Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣешь:
Кшо преидешъ, кшо не дойдешъ, подобно ша-
лѣешь.

Можешь безъ скудости жить, богатствѣ не
имѣя
Лишнихъ, и въ шихомъ углу покоенъ сбдѣя;

Можешь славу получишь, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ шобою
Народъ шапки не снималъ, хоть бы ты паскался
Пѣшъ, и одинъ бы слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожишь природа насъ учишь
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ
не мучишь.

Доспзть не шрудно доходъ невеликъ и сходенъ
Съ состояніемъ швоимъ; а попомъ, свободенъ
Ошъ прихощной зависши, шамъ ошановися.
Шепенямъ блищающихъ именъ не дивися,
И богашствъ большихъ; живи шихъ, ища, что
чешно,

Что и шebb и другимъ пользуетъ не лешно
Къ нравовъ исправленію; слава швоя вѣчно
Между добрыми людьми живъ будешъ, конечно.
Да хоть бы не вѣдомъ дни скончалъ, и по смерши
Свѣшу ошался забышь — силенъ ты былъ
шперши

Зубъ зависши, ни шрудовъ швоихъ мзда пропала;
Добрымъ бышь собою, мзда ешь уже не мала.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Ж.

IV. С М Ъ С Ъ.

О Кіево-Межигорской фаянсовой фабрикѣ, и о Вышгородѣ.

Въ двадцати пяти верстахъ выше Кіева, на прекрасномъ мѣстоположеніи между горами надъ Днѣпромъ, существуютъ оштатки упраздненнаго монастыря Кіево-Межигорскаго. Онъ первоначально построенъ былъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста нынѣшней фабрики ближе къ Кіеву, въ половинѣ двенадцатаго вѣка Андреемъ Георгіевичемъ Княземъ Вышгородскимъ, извѣстнымъ въ Истории подъ названіемъ Боголюбскаго. Въ 1239 году, при нашествіи Батыя, монастырь сей разрушенъ до основанія, и разбѣжавшіеся монахи скрывались долгое время въ лѣсахъ для спасенія своей жизни; потомъ собравшись, опять основали на другомъ уже мѣстѣ, между горами немного выше прежняго, новую пустыню, и тѣмъ положили начало бывшему монастырю Межигорскому, которой въ 1529 мѣ году получивъ разныя привилегіи, въ продолженіе времени приобрѣлъ отъ щедротъ небожныхъ дашелей изрядныя помѣстья. Около 1651 года опять претерпѣлъ онъ разореніе отъ Лишовскихъ войскъ, и потомъ отъ измѣнническихъ Гешмановъ Польскихъ Виговскаго и Тешери, а въ 1665 мѣ весь испребленъ пожаромъ; не щедростью Запорожскаго войска, за усер-

діе оказанное монахами вѣ продолженіе войны при Хмельницкомѣ, опять успроенѣ, а за прѣшперібіне новыми помѣстьями Вышгородскими и самимѣ Вышгородомѣ пожалованѣ.

Запорожцы шолікое имѣли кѣ монастырю сему усердіе, что со всею Сѣчью назывались его прихожанами, а Кошевый кшипоромѣ до самага упраздненія, которое послѣдовало 1786 года. Монастырскія зданія, вѣ послѣдовавшемѣ 1787 году разрушенныя пожаромѣ, оставались вѣ запустѣніи.

Князь Хованскій, бывшій вице-Губернаторомѣ вѣ Кіевѣ, примѣшилѣ, что глина б. изъ города находящаяся можетѣ бытъ употребляема для дѣланія фаянса. Поручивѣ иностранцу Крайниху испытать сію глину, онѣ представилѣ образцы и пробы Императрицѣ Екатѣринѣ. По Ея Высочайшему соизволенію предположено было успроитѣ фабрику вѣ Кіевѣ изъ городскихъ доходовъ. Но Магистратѣ Кіевскій, признавалѣ мѣсто, гдѣ найдена глина, неудобнымѣ кѣ заведенію фабрики, просилѣ объ отдачѣ городу упраздненнаго и погорѣвшаго монастыря Межигорскаго, которое по Высочайшему Указу 1798 го года Іюля 5 го и отдадо Магистрату; тогда же приписано кѣ фабрицѣ 228 душѣ крестьянѣ изъ села Петровецѣ и до 4000 десятинѣ казеннаго лѣса. Магистратѣ опредѣлилѣ иностранца Крайниха главнымѣ мастеромѣ. По окончаніи строенія вѣ 1801 мѣ году началась работа; но дѣйствіе фабрики было безуспѣшно и бесполезно, пошому что иностранецѣ Крайнихѣ имѣлѣ безавидныя свѣдѣнія по сей частіи. На мѣсто иностранца Крайниха вѣ 1802 мѣ году

опредѣленъ другой иностранецъ же Вымерштъ; но и ошъ сего было успѣха немного. Магистратъ по 1803 годѣ упошребивъ на фабрику болѣе *селемдесяти двухъ тысячъ* рублей, ошъ проданныхъ издѣлій получилъ шокмо *тысячу триста* рублей; уже онъ шерялъ надежду, чшобъ заведеніе сіе когда-либо могло принести мользу. Нынѣшній Гражданскій Губернаторъ, Г. Тайный Совѣтникъ Пепръ Прокофievичъ Панкрашевъ, по прибытіи къ должности, осматривалъ извъ любопытства фабрику, и замѣшилъ, чшо долговременному ея неуспроисву; было причиною худое магистратское управление. Онъ довелъ сіе до свѣдѣнія Министра внушренныхъ дѣлъ, по докладу коего фабрика въ 1803мъ году Высочайше ввѣрена Губернатору въ непосредственное его распоряженіе. Съ сего времени, ошъ перемѣны мастеровъ, и особливо ошъ попечительнѣйшаго за фабрикою смощрѣнія, начала она возникать, и доведена до шакого совершенства, чшо ея издѣлія шеперь уже равняются съ Англійскими и Голландскими. Когдажъ Господинъ Губернаторъ усмощрѣлъ, чшо фабрика день ото дня знатно поправлялась, шо почелъ нужнымъ просить о прибавкѣ людей, достальныхъ извъ села Пепровецъ съ деревнею Валками, въ чемъ и получилъ удовлетвореніе въ половинѣ испекшаго года. Теперь фабрика, имѣя болѣе чешырехъ сотъ душъ креспьянъ, дѣйствуешъ на 80 шх станкахъ. Въмсто безполезныхъ иностранцовъ, она имѣешъ своихъ собственныхъ мастеровъ, Кіевскаго мѣщанина, и приписнаго креспьянина, и извъ шѣхъ же креспьянъ нѣсколко искусныхъ подмастерьевъ. Издѣлія Межигорской фаянсовой фабрики такъ прославились, чшо покупающъ ихъ въ обѣ наши столицы, и

даже изъ Константинополя прїѣзжали за ними; фабрика еще не въ такомъ состояніи, чтобы количествомъ посуды могла удовлетворить всѣхъ покупателей; однакожь въ теченіи 1800 года выручено около *сорока тысячъ* рублей. И такъ фабрика сія за существованіе свое и усовершенствованіе обязана попечительному Господину Кіевскому Гражданскому Губернатору Панкратьеву. Ежели она и впредь такимъ же образомъ будетъ поддерживаема и управляема; то ручаться можно, что сіе полезное и необходимое заведеніе со временемъ доставитъ значительную опрасль промышленности въ государствѣ, и городу приноситъ будетъ немаловажную прибыль. Графиня Браницкая учредила въ Богуславскихъ своихъ владѣніяхъ такую же фабрику, по примѣру Межигорской. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе помѣщики обратятъ вниманіе свое на сію важную часть промышленности.

Межигорская фабрика расположена надъ самымъ Днѣпромъ, на возвышенномъ мѣстѣ; съ прїѣзду обнесена каменною оградой. Каменная колокольня съ боевыми часами, каменная же большая церковь Преображенія Господня, монашескія кельи и другія зданія напоминаютъ собою прежнюю знаменитость монастыря Межигорскаго.

Между горами къ селенію Пепроздамъ, при большомъ прудѣ, изобилующемъ рыбою, устроена плоская мѣльница о двухъ поставахъ со ступополочнями, необходимо нужными для фабрики. Тутъ же очень близко есть источникъ называемый *Звонки*: Онъ славится щембно хорошею водою, съ каменистой горы

очень быстро текущую. Почти никто изъ путешественниковъ не оставляетъ сего источника безъ посѣщенія; многіе и нарочно къ оному прибѣгаютъ, весьма одобряютъ воду сію, и даже приписываютъ ей цѣлебное свойство; а окрестные жители почитаютъ ее въ немощахъ своихъ единственнымъ лѣкарствомъ, и съ великимъ довѣріемъ оную употребляютъ. Въ бытность Государыни Императрицы Екашеринны въ Кіевѣ, сія вода ежедневно была привозима къ Высочайшему двору для употребленія.

Отъ фабрики въ двухъ верстахъ къ сторонѣ Кіева надъ Днѣпромъ находится *Вышгородъ*, съ начала, какъ извѣстно по Исторіи, принадлежавшій великой Княгинѣ Ольгѣ, и потомъ бывший удѣльнымъ Княжескимъ городомъ. Въ 1240мъ году, при нашествіи Батія, Вышгородъ былъ разрушенъ до основанія такъ что, кромѣ нѣкоторыхъ слѣдовъ каменнаго строенія, никакихъ знаковъ послѣ его не осталось. При заключеніи трактата съ Польшею въ 1686 году Вышгородъ состоялъ только изъ девяти дворовъ и одной опустѣлой церкви. Нынѣшняя деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба сполнѣ намѣстѣ прежде-бывшей каменной, въ кошорой при Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ 1115 году положены были мощи сихъ Мучениковъ. Сказываютъ, что священные останки ихъ почиваютъ на томъ же мѣстѣ подъ спудомъ со времени опустошеній, причиненныхъ Батыемъ.

N. N.

Московскія записки.

Давно уже публика скучала, невидя *Семейства старичковыхъ*, прекрасной драмы г-на Иванова. Стерва находили въ ней одно только достоинство, что содержаніе взято изъ истиннаго происшествія, которое у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Драму представили десять, двадцать разъ, и зрители всегда смотрѣли ее почти съ равнымъ удовольствіемъ. И такъ *Семейство старичковыхъ* имѣетъ не одно сіе, но и другія достоинства. Кого не трогаетъ многа находящіяся въ ней разительныя положенія? Кто можетъ слушать безъ восторга и слезъ, когда старый воинъ произноситъ имя *необъдимаго* Суворова? Какое сердце не натолкается сладостнымъ умиленіемъ, когда губернаторъ читаетъ указъ милосердаго Монарха объ изливаемыхъ благодарныхъ на семейство вѣрнаго сына отечества? Сія драма представлена была нынѣшнею зимою два раза, и въ послѣдній за нею слѣдовалъ *Гостиничной дворъ*, извѣстная *Русская* опера, вырытая изъ кучи драматическихъ сочиненій, съ давняго времени здѣсь неигранныхъ. Достопамятное сіе зрѣлище дано было въ пользу г-на и г-жи Сандуновыхъ. Мы должны сохранить для *потомства* необычайное происшествіе, случившееся въ послѣднее представленіе *Семейства старичковыхъ*.

Прежде начашя драмы г. Зловъ объявилъ собравшимся зрителямъ, что обѣщанная *новая* драма *Клодожины, или Жрица Ирменстлеча храма* представлена бытъ не можетъ за болѣзнію актера Кондакова. Въ шу минушу раздался звуки смѣшковъ изъ райка и пар-

Шера. Не всякой могъ опгадашь, на кого падало неудовольствіе доброхопныхъ освиспывашелей. Загадка скоро объяснилась. При появленіи г-на Сандунова, звуки свиспиковъ опять раздалися съ разныхъ сторонъ, къ удивленію благомыслящихъ зрипелей, ненавидящихъ своевольства и собравшихся провести вечеръ съ удовольствіемъ. Г. Сандуновъ кладетъ на землю рукавицы свои, карпузъ и палку, выступаетъ впередъ, и говоритъ слова, слѣдующій смыслъ въ себѣ заключающія: „Почтеннѣйшая Публика! ежели придцапилѣшніе пруды, при всегдашнемъ ободреніи безприспращныхъ зрипелей, нынѣ вознаграждены такимъ образомъ; шо какая надежда оспаешся для шѣхъ молодыхъ арпистовъ, которые пожела-ли бы дѣйствовать на столь опасномъ поприщѣ, на кошоромъ я и жена моя перпимъ униженіе сколько нечаянное, столько и незаслуженное!“ Г. Сандуновъ говорилъ съ чувствомъ человека огорченнаго; доказывалъ невинность свою въ опмѣнѣ объявленной драмы; упоминалъ о болѣзни актера; предспавлялъ, что не въ его волѣ состояло исполнишь обѣщаніе и предувѣдомить о сдѣланныхъ вновь распоряженіяхъ. „Пылкость, съ какою излились слова мои — продолжалъ г-нъ Сандуновъ — не есть слѣдствіе одной только раздраженной чувствивельности; нѣтъ, это опголосокъ и обманувшейся мадежды. Въ одну минушу лишился всегдашняго, въ продолженіе придцапи лѣтъ пріобрѣтеннаго, благоволенія почтеннѣйшей Публики! потеряшь вниманіе Паршера . . .“ Тутъ повторилъ онъ нѣсколько стиховъ, чипанныхъ лѣтъ за двадцать передъ симъ, когда *прошлася* онъ съ С. Петербургскою публикою, и въ заключеніе просилъ дозволенія докончить

роль свою. Послѣ всего г-нѣ Сандуновѣ съ удивительнымъ равнодушіемъ оляшь беретъ рукавицы, карпузъ и палку, и начинаетъ свое дѣло: *о чезъ прихлдуждлся любезной.* — Изъ словъ г-на Сандунова надлежало заключить, что онѣ играетъ въ послѣдній разъ; а судя по дѣйствию его, можно было думать, что онѣ теперь только одушевился спрастною къ своему искусству — шакъ хорошо сыгралъ онѣ *Обиралова!* Г-жа Сандунова, какъ женщина, не имѣла подобной швердосши, когда явилась въ оперѣ.

Не наше дѣло говорить о причинахъ неуспойки, въ кошорой обвиняютъ г-на Сандунова; но кажешся дозволено всякому про себя подумать: какихъ ожидаешь слѣдспвій для *изящнаго* шрампральнаго искусства, если бы напри-мѣръ нѣсколькo шалуновъ, пишедши въ шешръ съ гошовыми свиспками, всегда почишали себя въ правѣ, по наущенію или по злобѣ или отъ праздности, оскорблять честнаго и полезнаго гражданина передъ цѣлою публикою? Вообще никшо не опважись сказаць въ слухъ: шакон-шо судья покривилъ душою въ дѣлѣ господина N. N.; шакон-шо офицеръ не заплашилъ обывателямъ прогонныхъ денегъ за подводы, взяшныя имъ для больныхъ рекрушъ. Хошяжъ и не запрещаетъ напечатать въ журналѣ, что въ спихахъ Вралева нѣтъ смысла, или что Шушовъ сочиняетъ книги не зная граммашики; но Вралевъ и Шушовъ, если бѣ имъ шолько захотѣлось, могутъ оправдаться передъ публикою, и сказаць своимъ кришикамъ, что они сами ничего несмыслятъ. А на свиспки неизвѣстныхъ шалуновъ и забіакъ (предположимъ, что свиспачи бы шолько шалуны) кому опвѣчать? Разкосишь молва по го-

роду, что такой-то актер освистанъ — и вслушайтесь! Господа свистуны будущо всегда правы; имъ какая нужда, что здравомыслящие любители изящнаго искусства и дарованій примутъ въ чувствъ общины хорошаго Актера участие, и вознегодуютъ прошивъ буйства, болѣе приличнаго площаднымъ гаерскимъ позорищамъ, нежели собранію людей благородныхъ и благовоспитанныхъ! Лишась г-на и г-на и Сандуновыхъ, просвѣщенная публика скоро почувствуетъ важную свою потерю; но господа свистуны, приходящіе изъ вешошнаго ряду или съ толкучаго рынку, ни мало о томъ безпокоиться не будутъ. Имъ предлежитъ обширное поле удовольствій; въ масленицу на Москворѣцкомъ льду на святой подъ Новинскимъ они найдутъ себѣ забаву, и такъ же повеселятся, какъ и въ Императорскомъ Театрѣ.

Письмо къ Издателю.

Въ Москвѣ есть два необыкновенно несчастныя семейства. *Одно* Полковника И — на, которой, на смертномъ одрѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго средства къ доставленію пропитанія жемъ и малѣйшимъ дѣтямъ своимъ; *другое* Поручицы Ч — й, которая находится въ такомъ же печномъ положеніи.

Цѣль письма моего вамъ извѣстна. Симвъ несчастнымъ нужно пособіе. Убѣждаешь людей къ благошворительности — значишь оскорбляешь ихъ.

Полная довѣренность къ соспраданию любезныхъ согражданъ моихъ, многими опытами доказанному, такова, что мнѣ остается желать только того, чтобъ намбреніе мое имѣ-

ло успѣхъ, подобной письму изъ *Почена*, и другимъ, въ Вѣстникѣ Европы помѣщеннымъ; въ-шакомъ, отъ всего сердца моего желае-момъ случаѣ, вотъ адресъ для доставленія шѣхъ пожертвованій, копорыя могушъ быть присылаемы въ пользу сихъ несчастныхъ:

„Въ Москвѣ, въ Окошномъ ряду, подлѣ „дома Благороднаго собранія, Его Высокоблагородію, Николаю Михайловичу Юрьеву, въ соб-„сшвенномъ его домѣ.“

Я увѣренъ, что симъ предложеніемъ до-спавлю вамъ удовольствіе — сдѣлать доброе дѣло и, какъ Журналистамъ, средство дока-зашъ пріятную истину: что въ просвѣщен-номъ обществѣ всякое произведение ума долж-но имѣть цѣлю — *пользу человечества*.
Осшаюсь и проч.

Ф. Ф.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

На одномъ изъ кораблей, плившихъ изъ Або въ Ревель прошедшаго лѣша и захвачен-ныхъ Англичанами, находились нѣкоторыя земледѣльческія орудія, принадлежащія Ест-ляндскому обществу земледѣлія. Съ дозволенія Военнаго Губернатора и чрезъ его посредство гбсподинъ Коцебу написалъ къ Англійскому Адмиралу письмо на Французскомъ языкѣ слѣ-дующаго содержания:

„Милоспивый Государь! шотъ, кто имѣетъ честь нынѣ писать къ вамъ, есть мирный сельскій житель и почишатель Музъ, копорыя иногда надѣляютъ его своими дара-ми. Церера и Музы не имѣютъ никакого дѣла съ Марсомъ. Для Естляндскаго общества земле-

дѣля, котораго имѣю честь быть секретаремъ, не задолго передъ симъ выписалъ я изъ Финляндіи нѣсколько земледѣльческихъ орудій, оныя везены были на суднѣ, принадлежащемъ господину предсѣдателю общества Графу Шпенбоку. Судно перехвачено вашими крейсерами. Англичане, учителя наши въ земледѣліи, конечно не захотятъ вести войну противъ сего благодѣтельнаго искусства. Мнѣ, какъ сочинителю *Независти къ людямъ и раскаянія, Пизхрра* и нѣкоторыхъ другихъ театральныхъ представлений, удавалось много разъ доставлять удовольствіе Англичанамъ; смѣю надѣяться, что теперь въ свою очередь могу и отъ нихъ получить удовольствіе, ежели Ваше Превосходительство прикажете возвратитъ оныя бездѣлки, для меня полька имѣющія свою цѣну. А чтобы мажоры не лишились участка своего въ добычѣ, я готовъ заплатить имъ сумму, какую вамъ угодно будетъ назначить. Имѣю честь быть“ и проч.

Въ ошвѣтивъ господинъ Коцебу получилъ слѣдующее письмо на Англійскомъ языкѣ, съ корабля Викторіи при островѣ Наріенѣ отъ 14 Августа 1809 :

„Милостивой Государь! позвольте мнѣ увѣрить васъ; что я съ превеликимъ удовольствіемъ упопроблю все стараніе свое о возвратѣ вамъ земледѣльческихъ орудій, которыя, какъ вы увѣдомляете, захвачены крейсерами, состоящими подъ моимъ начальствомъ. Теперь же напишу о томъ въ Швецію, ибо думаю что судно шуда отведено. Между тѣмъ прошу васъ увѣдомить меня объ имени судна и о прочихъ касающихся до сего дѣла подробностяхъ. Я почту для себя превеликою наградою (the highest gratification) оказавъ малую

сію услугу такому мужу, которой спарается бытъ полезнымъ для человѣческаго рода, и кошорому соощечественники мои очень много одолжены за его хорошія сочиненія. Есмь“ и проч. подписано: *Сомарецъ, Вице-адмиралъ.*

Г. Коцебу напечаталъ сіи письма въ Нѣмецкихъ листкахъ, единственнно для того чшобы уличить какого-шо своего недоброхоша, кошорой объявляя о семъ происшествіи, представилъ его въ другомъ видѣ, и неупомянулъ даже, что Г. Коцебу писалъ къ непріяшельскому Адмиралу по *дозволенію* и чрезъ *посредство* начальства.

Дѣши о двухъ головахъ не почитаются въ Парижѣ рѣдкостію. Тамъ почти ежегодно случается видать новорожденныхъ уродцовъ съ двумя головами, сидящими рядомъ одна подлѣ другой на пуловищѣ. Въ *Медицинскомъ журналѣ* 1808 года упоминается о весьма странномъ и рѣдомъ произведеніи на-туры — о дшяти, у кошораго къ одной головѣ приросла на верху другая. Оно родилось въ Бенгалахъ. Повивальная бабка, увидѣвши сіе чудовище, опѣ страха подумала, что держитъ на рукахъ самаго дьявола и бросила его въ пламя. Опѣ сего приключенія глаза и уши нѣсколько повредились у младенца. Туловище его имѣло правильное образование; на верху головы находилась другая равной величины и почти сходная видомъ съ первою, но въ обратномъ положеніи, шо ешь челомъ къ низу а подбородкомъ вверхъ; изъ подбородка вышла шея, кошорая оканчивалась наростомъ большимъ, круглымъ и жесткимъ. По прѣшествіи шести мѣсяцовъ на обѣихъ головахъ выросли черные волосы, почти въ равномъ ко-

личествѣ. Замѣчено, что глаза верхней головы имѣли собственное свое движеніе, независящее отъ глазъ головы нижней. Вѣки верхней головы часто закрывались, когда у нижней свои были открыты, и на оборотѣ. Уши имѣли образованіе несовершенное; недоспѣвало слуховаго прохода. Нижняя челюсть была менѣе обыкновенной, однакожъ двигалась; языкъ плоскій, и также малой, крѣпко приросъ къ нижней челюсти. Мускулы на лицѣ дѣйствовали; вся голова была очень чувствительна; чтобы въ томъ увѣришься, надлежало только пощекотать младенца, или положить въ ротъ ему палецъ. Когда мать кормила его грудью, то губы другой головы двигались, какъ будто бы и онѣ сосать хотѣли. — Г. Стакъ, жившій въ Бенгалахъ, самъ видѣлъ сего ребенка совершенно здороваго и имѣвшаго тогда около двухъ лѣтъ отъ роду. Когда нижняя голова сосала молоко, то на устахъ верхней примѣшны были знаки удовольствія. Дѣйствіе улыбки нижней головы разпространялось на верхнюю; но болѣзненнаго ощущенія примѣшно не было, и ущипнувши верхнюю голову не лзя было видѣть, чтобы нижняя чувствовала отъ того неприятность. Дитя было мужескаго пола; оно умерло на четвертомъ году. Тѣло его прислано въ Европу и тщателью рассмотрѣно. Въ *Медицинскомъ журналѣ* помѣщено анатомическое описаніе сего необыкновеннаго уродца.

*

Норбергъ, Профессоръ восточныхъ языковъ, человекъ неутомимаго трудолюбія, за тридцать лѣтъ передъ симъ предпринималъ путешествіе въ Константинополь, черезъ Францію и Италію. Возвращаясь оттуда вы-

даль очѣ многія ученія разсужденія касатель-
но восточныхъ языковъ. Бывши въ Парижѣ,
Норбергъ нашелъ въ псгдашней Королевской
библіотекѣ одну книгу, написанную такими
буквами, кошорыя были ему совсѣмъ неизвѣ-
стны. Желая узнать содержаніе оной, и на-
дѣясь получить о ней свѣдѣніе чрезъ Ассема-
на въ Италіи, или чрезъ кого-либо на восто-
кѣ, онъ не полѣнился переписать всю руко-
пись, болѣе нежели изъ 300 страницъ состо-
ящую. Но Ассеманъ не былъ въ силахъ удовле-
творить его любопытству. Въ Константино-
полѣ нашелъ Норбергъ одного ученаго Маро-
ниша, ошъ котораго увѣдомился, что книга
написана на Галилейскомъ языкѣ, бывшемъ въ
употребленіи у того народа, среди коего Іисусъ
Христосъ прожилъ не мало времени. Галилеяне
уже около 150 лѣтъ обиташь на горѣ Ли-
ванѣ. Извѣстія о вѣрѣ ихъ, языкѣ и письмѣ
помѣщены въ описаніи Норбергова путешествія
и въ особомъ разсужденіи, за которое Нор-
бергъ 1782 года принявъ въ члены Гешмин-
генскаго ученаго общества, Норбергъ десять
лѣтъ употребилъ на разбираніе Галилейской
рукописи, и составилъ по ней словарь и грам-
матику. Въ ней содержащяся многія важныя
свѣдѣнія о восточной философіи вѣка Христо-
ва; онѣ могутъ послужить къ дополненію цер-
ковной исторіи. Книга сія переведена на Ла-
тинскій языкъ самимъ Норбергомъ, кошорой
намѣренъ издать ее въ свѣтъ на обоихъ язы-
кахъ и употребить Сирійскія буквы за не-
имѣніемъ Галилейскихъ. Остановка шеперь за
предпримчивымъ издателемъ, кошорой взялъ
бы на свой страхъ типографскія издержки. —
Съ нѣкошораго времени Норбергъ шрудился
надъ сочиненіемъ, въ кошоромъ хочеть дока-

зашь, что Греческій языкъ происходитъ отъ Еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ.

*

Число Дашскихъ морскихъ офицеровъ, въ дѣйствительной службѣ нынѣ находящихся, есть слѣдующее: 1 Адмиралъ, 2 Вице-Адмирала, 3 Консръ-Адмираловъ, 4 Коммандора, 15 Капитанъ-Коммандоровъ, 23 Капитановъ, 31 Капитанъ Лейтенантъ, 64 старшихъ Лейтенантовъ и 63 младшихъ. При морскомъ наборѣ и лоцманскомъ вѣдомствѣ: 1 Консръ-Адмиралъ, 7 Коммандоровъ, 2 Капитанъ-Коммандора и 6 Капитановъ. Морской кадетской корпусъ состоитъ изъ 16 кадетовъ, получающихъ по 100 рейхсгалеровъ жалованья, изъ 48 получающихъ по 50 рейхсп., изъ 7 неимѣющихъ жалованья и изъ одного экстраординарнаго.

*

Съ 1804 года до заключенія Вѣнскаго мира считая съ пожертвованіями сего послѣдняго договора, Австрія потеряла 3188 географическихъ миль земли и 5,978,536 подданныхъ.

При сей книжкѣ приложено изображеніе памятника, воздвигнушаго въ Молдавіи на мѣстѣ кончины Князя Пошемкина Таврическаго. Извѣстно, что сей военачальникъ умеръ близъ большой дороги не добывши до Яссъ, въ тридцати версахъ отъ сего сполчнаго города. Памятникъ окруженъ высокими горами и вдали лѣсомъ. Рисунокъ взятъ изъ *Путешествія въ Молдавію, Валахію и Сербію* Д. Банъшъ - Каменскаго. Книга сія печатается.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІИ.

Ф р а н ц і я.

Произведено слѣдствіе надъ Контръ-Адмираломъ Дюмануаромъ, кошорой имѣлъ подъ своимъ начальствомъ авангардъ Французскаго флота во время Трафальгарскаго сраженія. Найдено, что сей Контръ-Адмиралъ виноватъ не въ потерѣ всего сраженія, а только четырехъ кораблей линейныхъ, взятыхъ непріателемъ по окончаніи дѣла. — Многіе адъютанты Князя Невшательскаго отправились въ Мадридъ. Герцогъ Абрансесъ также уѣхалъ къ своему корпусу, кошораго первая колонна шеперь уже въ Испаніи. Думали, что самъ Императоръ предприметъ шуда пушь въ половинѣ Февраля мѣсяца.

Г о л л а н д і я.

Островъ Валхеренъ присоединенъ къ Французской Имперіи. Дивизионный Генералъ Жилли въ прокламаціи своей къ жишелямъ, объявивъ о шомъ волю Императора Наполеона, совѣшуетъ имъ прекратить всѣ шорговыя сношенія съ народомъ враждебнымъ. „Ошнынъ всякое сообщеніе съ Англичанами сочшено будешъ прешупленіемъ; да какъ и могли вы имѣшь оное съ такими людьми, кошорые на нѣсколько недѣль всшупили въ область вашу шолько для шого, шшобы распрощраняшь пламя и опустошеніе и при самомъ даже вземъ бѣгшвѣ“ сказано между прочимъ въ прокламаціи.

И с п а н і я.

По взятіи Французскимъ войскомъ крѣпости Жироны сообщеніе между Церпиньяномъ

и Барцеллоною сдѣлалось безопаснымъ. — Между члѣнами Севильской Юншы господствуютъ нынѣ величайшія несогласія, а мяшежники, слыша о скоромъ прибытіи Императора Наполеона въ Испанію, шерьзаются мучительнымъ страхомъ. Король Іосифъ выслалъ уже депутацію для встрѣчи Императора.

Ганзеатическіе города.

Въ Гамбургѣ извѣстно, что по содержанію подписаннаго въ Парижѣ мирнаго договора Швеція получитъ обратно Померанію, что вся недоплаченная жителями Помераніи контрибуція прощается, и что пожалованныя Императоромъ Наполеономъ помѣстья принадлежавшія должны новѣимъ своимъ владѣльцамъ. Въ мирѣ сей включены Испанія, Голландія, Неаполь и всѣ обласіи Рейнскаго союза. Швеція приступаетъ къ системѣ союзныхъ государствъ на швердой землѣ и отрекается отъ торговли съ Англіею; можетъ однакожь привозить соль изъ всѣхъ странъ свѣша. Всѣ, по вознѣщеніи на престолѣ Карла XIII, взяшыя или секвестрованныя Шведскіе корабли или грузы, только за исключеніемъ комоніальныхъ товаровъ, должны быть обратно ошданы. Императоръ Наполеонъ ручается за цѣлость нынѣшняго пространства Швеціи. Торговля сношенія между Франціею и Швеціею возобновляются по прежнему; военноплѣнные возвращаются безъ всякаго выкупа. — Графъ Готторпскій, по пятидневномъ пребываніи въ Гамбургѣ, ошправился черезъ Ганноверъ и Кассель въ Карлсруге, а оштуда поѣдетъ въ Швейцарію.

А в с т р і я.

Въ Вѣнѣ дипломатическій корпусъ нынѣ оснавляютъ слѣдующія особы: Графъ Фий-

женштейнъ, Королевско-Прусскій посланникъ; Баронъ Миллеръ, повѣренный въ дѣлахъ отъ Швейцаріи; господинъ Ниссенъ, повѣренный въ дѣлахъ Даніи; Графъ Берольдингенъ опять прибудетъ туда посланникомъ отъ Короля Виртембергскаго, а Графа Опшо ожидали въ качествѣ посланника Французскаго. Прочіе Министры Рейнскаго союза не получили еще вѣрующихъ грамотъ. — Въ Богемско-Австрійской придворной Канцеляріи уничтожены департаменты: Крайнъ, Герцъ, Триестъ и Зальцбургъ, по причинѣ уступки сихъ земель за силою послѣдняго Вѣнскаго пракаша. Департаментъ Вышне - Енской Австріи соединенъ будетъ съ департаментомъ Австрійскимъ. Военный департаментъ также уничтоженъ, а попому многіе чиновники уволены отъ службы съ пенсіонами. Равномѣрно ожидають уменьшенія числа людей, служащихъ въ Придворномъ Военномъ Совѣтѣ и въ Гофъ-Интендантской Конторѣ.

А н г л і я.

Между Англійскимъ правительствомъ и Сѣверо-Американскою Республикою продолжающа неогласія. Теперешній разрывъ можно почестъ разрывомъ не между Америкою и Англіею, но между Американскимъ правительствомъ и Англійскимъ посланникомъ г-мъ Жакономъ; ибо Президентъ Маддисонъ въ посланіи своемъ къ Конгрессу говоритъ, что онъ готовъ принять предложенія, когда оныя учинены будутъ чрезъ другаго Министра. — Давно уже запрещенъ шоргъ Неграми; но нѣкоторые догадливые промышленники выдумали средство избѣгнуть строгости законовъ. Они уредили въ Гавайнѣ заведеніе и

производятъ сію торговлю подъ Испанскимъ флагомъ. — Въ Остѣ-Индійскихъ владѣніяхъ господствуютъ безпорядки. Правительство посылаетъ туда новаго Генералъ-Губернатора. Если жребій падетъ, какъ думаютъ, на Графа Мойру; то надѣяться можно, что сей достойный вельможа, возстановитъ тамъ спокойствіе.

Ш в е ц і я.

Въ Швеціи установленъ теперь новой порядокъ наслѣдованія престола, которое принадлежитъ будещъ мужескому полку потомству наслѣднаго Принца. Извѣстно, что сіе новое распоряженіе совсѣмъ прошивно бывшему доселѣ въ Швеціи обыкновенію. Королева Христина наслѣдовала престолъ по отцѣ своемъ Густавѣ Адольфѣ, а преемникъ ея Карлъ IX былъ племянникъ его съ сестриной стороны; Урика Елеонора, сестра Карла XII, доставила супругу своему Фридриху Гессенскому Шведскую корону. Нынѣшній домъ Королевскій происходитъ отъ старшей сестры Карла XII. Наслѣдный Принцъ принялъ на себя имя, вмѣсто Христиана Августа, Карла Августа. Во время присяги Его Высочества, Король произнесъ рѣчь, по окончаніи которой Принцъ, преклонивъ колѣна и положила руку на Евангеліе, прочиталъ клятвенное обѣщаніе; потомъ и самъ произнесъ краткую рѣчь, и принималъ присягу отъ Чиновъ государственныхъ. — Въ послѣдніе два года ни государственные долги, ни проценты за нихъ уплачиваемы не были; отъ того долги сіи нынѣ возрасли до 40 милліоновъ.

3 Марта.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 6. МАРТЪ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

О С К О Л Ъ Д Ъ,

повѣсть, почерпнутая изъ оцрѣвковъ древнихъ Готскихъ Скальдозъ ().*

Яростно дыханіе вѣтровъ, спрашенъ видъ швой, Русское море, и черныя волны со злобою умирающъ между сими оспрыми скалами, копорыми усѣянъ заливъ опчаянїя.

(*) Сей оспрывокъ и слѣдующіе за нимъ два разговора суть произведеніе покойнаго Михайлы Никишича Муравьева, одного изъ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей нашего времени. Его прозаическія сочиненія — мало извѣстныя, но достойныя бытъ извѣстными всѣмъ любителямъ изящной, и особенно Руской словесности — будутъ напечатаны въ непродолжительномъ времени. Университетъ, издавая ихъ на свой счетъ, желаетъ шѣмъ починитъ любезную для него память Муравьева. *И. Д.*

Какого воителя, Варяга или Готвеа, приготавлиешься поглотить гордое ополчение? Какіе корабли гоняшь сюда дѣвы мстительницы, неупомимыя Валки? Тщешно куренія возсылаются къ небесамъ подъ сповойнымъ кровомъ. Ахъ, дочь Князей! безъ пользы приходишь ты каждое утро ко стану, гдѣ почѣтся брачное одѣяніе швое. Зри запекшіяся уста его; пошемнены ланиты дыханіемъ Гелы, безжалостной богини. Духъ бранный выпязя восходивъ въ чертоги Одина, гдѣ друзья его раздѣляютъ съ нимъ вѣчное пированіе. Пусть сладостныя пѣсни восторженнаго Скальда принесутъ утѣшеніе во грудь спчаяннѣй дѣвы. Взоръ Скальдовъ пронизаетъ сполвншя, и въ сполвншяхъ гласъ ихъ не умираетъ. Духъ, обитавшій хладныя пещеры и возвѣвающійся надъ стремнинами, духъ шворенія и пѣсни! для кого велишь ты златымъ струнамъ арфы моея наполнять воздухъ сладостнымъ шенаніемъ? Великъ Аршусъ, отецъ выпязей на холмахъ Албїона, и знаменивъ блукурый Варягъ, который похишилъ оружіемъ плесносныя поля Нейспрїи. Но духу моему болѣе благопрїятствуетъ дерзостный подвигъ Оскольда. Изъ дому Сѣвера заманивъ съ собою сонмы рашниковъ кровожаждущихъ, убійшвенныхъ. Какъ орелъ, низвергся онъ съ вышины небесъ на добычу, на величественный градъ Царей, процвѣ-

павшій тысящи лѣтъ въ непроходимой
 сградѣ, въ пѣдрахъ вѣчной весны, у подно-
 жія копората два моря усмиряють свои яря-
 щіяся волны. Несчетныя сокровища, не-
 постижимыя художества, достойныя чер-
 ноговѣ Одина, горящее злато поражаютъ
 блескомъ очи непрѣученныхъ Варяговъ, когда
 они попрысають страшное копѣе, окружая
 престолъ священнаго властителя Грековъ.
 Игры, удивительныя ристалища, занима-
 ютъ ежедневно празднествъ безчисленнаго на-
 рода. Приходятъ на зрѣлище, достойныя зрѣ-
 нія любви достойныя Грекини, которыхъ
 голубыя отверзстыя очи, которыхъ чер-
 ныя кудри, развѣвающіяся по высокому лону,
 лютъ сладость въ окружающій воздухъ.
 Щасливъ видѣвшій все сіе единожды въ
 жизни! Сладостное воспоминаніе разпроспра-
 нится на оспальное печеніе дней его и об-
 легчитъ ему бремя ненавистной старости.
 Но безсмертнымъ подобенъ неустрашимый
 Варягъ, который по стопамъ Садиковымъ не
 убоится подвергнуться трудамъ, опасно-
 стямъ, смерти, чтобы присвоить столько
 сокровищъ, сколько наслажденій самому себѣ
 и племени своему. Пусть заиспильный рокъ
 преторжетъ шествіе его среди прекраснаго
 подвига! Когда для всякаго смерть неизбѣжна,
 то для чего же оспаваться въ презритель-
 номъ мравѣ и ждаться старости, безславной
 же оживляемой никакою хвалою?

Солнце погружалось въ синюю пучу передъ закатомъ своимъ; упомянутое должимъ шествіемъ воинство Оскольдово спускалось съ холмовъ медлительно въ пространную долину; чистый источникъ украшалъ ее, негордый въ началъ своемъ, но расширяющійся печенѣемъ и спановящійся порывистою, бурною рѣкою. Борисеенъ, имя сей рѣки славнѣе, коей надлежало принять въ нѣдро свое ладіи Оскольдовы. Удивленные Кривичи, обитатели исходящъ Борисеена, спешающа видѣшь вождя и ратниковъ, которые стѣ озеръ и скалъ Финскихъ и ошъ Великаго Новаграда предупреждены повсюду слухомъ прихода своего. Удивляются сіянію оружія и доблести мужей. Но никто не привлекаетъ столько вниманія, какъ русовласый Оскольдъ. На бодромъ конѣ, бѣломъ какъ снѣга Скандинавскіе, далеко опредѣлъ онъ первые ряды являющагося воинства. Княжеская дружина, молодые щитоносцы и Княжичи, шѣснясь съ почтеніемъ кругомъ Варяжскаго Героя. Ульфонъ, котораго сѣдые волосы покрывающа желѣзнымъ шлемомъ, Ульфонъ, пріѣвшій повелѣніе Оскольдово, усремляюща по долину обширнѣе, и копья; вонзенныя въ землю на необычномъ пространствѣ, уже означающъ спановище, въ которомъ воинство насладишя отдохновеніемъ ноци. Высокій шатеръ, раскинутый на возвыше-

нѣи, ожидаешь Оскольда. Спарѣйшины Кри-
вичей, предводимые Сигурдомъ, котораго
Рюрикъ далъ имъ, да управляетъ землею и
защищаетъ ихъ отъ сопосланныхъ, прино-
сятъ вишязю дары и поздравленія народа
своего. Величественно нисходитъ онъ съ
коня, котораго вѣрный Олай прѣмлетъ за
бразды звенящія. Съ взоромъ, исполненнымъ
дружества, проспираешь онъ руку свою
Сигурду и возвращаетъ привѣтствія спа-
рѣйшинамъ. Между шѣмъ звукъ бубновъ
явственнѣе повторяется въ слухъ, облако
праха разсыпается, и блистающее воин-
ство открывается изумленнымъ очамъ.
Первый Ульфонъ открываетъ шествіе.
Нѣтъ вождя болѣе испытаннаго въ опасно-
стяхъ бранныхъ, ни болѣе искуснаго въ
исправленіи внезапностей брани кипросшью
и размышленіемъ, какъ шерпѣливый Уль-
фонъ. Низкой породы, не уваженный въ
опечествѣ своемъ, онъ раздѣляетъ обще-
ство Князей. Имя его далеко славится на
Сверѣ и на берегахъ Бришаннїи. Ему по-
слѣдуютъ отборные юноши, которые
ищущъ случая ознаменовашъ руку свою оп-
важными ударами: Сельмаръ, который вы-
рвался изъ объятій вѣжной Сельмы, между
шѣмъ какъ еще не увяли цвѣточныя цѣпи,
коими злая Лада соединила ихъ; Извѣтъ,
который, оставивъ сокровища отца своего
и спокойную торговлю Новгорода, пустил-

ся во славу за славою по степямъ Осколь-
 да; Дубрыня, — кошорому оплвбны боговъ
 предсказывающъ сїяющее попомство; и
 пы, обреченный року юноша, неукропи-
 мый Дулеба! и пы оспавляешь священный
 холмъ, гдѣ юность швоя воспишана была
 подъ кровомъ безсмертныхъ! не умягчающъ
 тебя слезы родишеля дряхлаго, сираго,
 который предсказываетъ неминуемый рокъ
 швой подъ стѣнами Цареградскимъ. Мно-
 жество другихъ успремляется съ сими на
 коняхъ рѣзвыхъ и беспрашныхъ, какъ про-
 стые всадники; они развозящъ мгновенно
 приказы полководцевъ, и сами въ соспо-
 нїи замѣняютъ ихъ и повелѣвать полками.
 Двѣ тысячи пращниковъ въ легкомъ одѣ-
 нїи, изъ приморской Чуди, послѣдуютъ
 сонму вишязей. Крѣпки, какъ дикїй камень
 ихъ родины, презирающъ они непогоды.
 Зимю на легкихъ дскахъ, прикрѣпленныхъ
 нѣ подошвѣ ногъ, — релешаютъ моря и пу-
 пустыни, и внезапно нападаютъ на непрїа-
 дя. Ихъ Князь, угрюмый Гїарнъ, оставилъ
 убѣжище Бїорна, откуда воздымалъ онъ
 волхванїями море и обуздывалъ вѣтры.
 За сими послѣдуетъ священный сонмъ
 Скальдовъ со злыми арфами. Они воз-
 жигающъ вдохновенными пѣснями мужество
 воиновъ въ часъ брани, описывая черпоги
 Одина, опверзтые храбрымъ, умирающимъ
 прекрасною смертїю за опечество. Непер-

пѣливый, бодрый, отличаетъ между ими юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли почувствовалъ вдохновеніе Скальда, оставилъ съйти и парусы, способы скуднаго пропитанія, оставилъ хижину опца своего, и воспѣлъ соощичамъ своимъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и Герояхъ. Десять тысячъ Варяговъ устремляются радостно на знакомый подвигъ! Прекрасный Гаральдъ, наследникъ Свириги, ими предводителствуетъ. Предпріимчивъ во брани и въ любви, обладаетъ онъ всеми дарованіями; долго служилъ славѣ и заслужилъ въ обаяніяхъ роскоши. Щастлива красота, которой пѣсни его придавали новыя прелести! Плененный взорами дѣвъ Новаграда, онъ позабылъ славное опредѣленіе свое въ самовольномъ изгнаніи; доколѣ блестящее предпріятіе Оскольдова не поразило сердца его стыдомъ и соревнованіемъ. Подъ нимъ пожелѣваютъ мудрый Варемундъ, дерзкой Рулафъ, Спемидъ и кичливый Гернандъ. За Варягами являешся сильное поколѣніе, воспріявшее имя свое отъ славы. Великій Новаградъ испустилъ изъ вратъ своихъ семь тысячъ ратниковъ, крѣпость воинства. Оскорбленный Вадимъ, который не можетъ забыть опущденія своего отъ престола Новаградскаго, угрюмый, безмолвный, снѣдаемый скорбленною гордостію, предводителствуетъ

частію шѣхъ, коихъ считалъ вѣсегда своими подданными. Одѣяніе простое и щипъ безъ знамени не могутъ сокрыть въ немъ вишязя, повелителя мужей. Онъ надѣется безсмертными дѣянїями замѣнить вѣнецъ Княжескій, или, съ оружіемъ въ рукахъ, найти конецъ своихъ печалей въ гробѣ. Спрогими очами взираетъ онъ на гордыхъ Новгородцевъ, проходя и уклоняся предъ Оскольдомъ, и взоры его изображаютъ, какъ жется, сколько же упреновъ, сколько суровости воинской. Но Оскольды умѣетъ уважать несчастїе въ Героѣ. Ему поручилъ онъ особое начальство надъ всѣми Славянскими полками. Пришедше отъ береговъ Невы, отъ жилища возлюбленнаго Рюрику, отъ возвышающихся сплнъ Ладоги, повинующая Освяпу, котораго мужественная юность воспитана при дворѣ Великаго Князя. Непреклонный Свидъ выводитъ пшъ сотъ рашниковъ изъ области древней Русы, которой источники производятъ питательную соль. Любимецъ Синеусовъ, мягкосердый Озаръ, воспламененный звукомъ славы, испрашиваетъ себѣ, какъ милость, начальствовашъ надъ юношами, исходящими отъ Благазера, отъ береговъ Шексны и Мологи, полей, усѣянныхъ желѣзомъ. Онъ надѣется еще увидѣть Князя своего и рассказать свои гордые подвиги. Возвращаясь, найдетъ онъ высокой холмъ, насыпанный надъ кладъ

ными оспашнами Синеуса. Труворъ былъ уже покищенъ во цвѣтѣ лѣтѣ, и граждане Изборска принудили вѣрнаго друга юности его, любви достойнаго Валамира, оставитьъ дикіе берега Чудскаго озера, гдѣ пыталъ онъ глубокую свою задумчивость, и искалъ расбѣянїя и славы въ подвигахъ бранныхъ, предводительствуя воинствомъ отъ пошкковъ рѣки Великой. Свѣрбный Рогдай — неизвѣстно, Славянинъ или Волгарь — долго ужасный для гостей богатыхъ, плавателей Волжскихъ, нынѣ товарищъ Героевъ, ведетъ за собою немногочисленный полкъ воиновъ, испытанныхъ въ опасностяхъ и искусныхъ въ плаванїи. Челубей, исполинскаго вида, заключаетъ шествїе съ подвласнымъ ему племенемъ Мери. Не послужила ему чрезвычайная сила, копорая доставила ему начальство въ дремучихъ лѣсахъ отчизны его, и Греческая спѣрѣла оспановила въ одно мгновенїе и гнѣвъ и бїенїе безстрашнаго его сердца. . . . Но кто можешь назвать имена безчисленнаго множества воиновъ, которые послѣдуютъ симъ храбрымъ полководцамъ! Таковы шчи пернашихъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ зимы, оспавляютъ крупные берега Русскаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней, которыми шамъ насладились они лѣтомъ; удивленный путешественникъ забываетъ до-

рогу свою, на нихъ взирая, и увываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣ-пости мразовъ и буйнымъ въшрамъ. Уже по данному Оскольдомъ знаку войны входили въ назначенные имъ для оподожновенія шап-ры, и при легкихъ ударахъ грома изъ приближающейся пучи, Славяне поклонялись богу, мещущему громовыя сврѣлы. Оскольды не можетъ найти спокойствія, убѣгающаго отъ очей его. Возстаешь, и одинъ во мракъ бурной ноци идешь безъ намбренія. Незвѣстное предчувствіе влечетъ стопы его ко древнему, свѣдѣнію неоскорбленному лѣсу. Священные спрахи живутъ подъ стѣною онаго безвсходно, и Кривичи славятъ въ немъ присущенное божество. Погруженный въ глубокую задумчивость, Оскольды вспушилъ въ первыя опверстїя лѣса. Вздохи, сненанія, какъ бы человека умирающаго насильственной смертію, поражаютъ безстрашное его вниманіе. Вниязь успрямляется, съ сощрадашельнымъ любопытствомъ на помощь несчастному. Уже признакъ изнемогающаго война мечтается ему въ дущошъ сплещихся въшвей древесныхъ. Съ великодушною неперпѣливостію Оскольды проспираетъ руку свою для его возспановленія. Коварныи воинъ успрямляется на Оскольды, величественъ и болѣе смершнаго, но черпачи и взорами шаковъ, какъ яроспный Рингвольды, когда при спруяхъ Роцелай-

ны для пагубы своей вызывалъ на единоборство Оскольда, испорога предпочла ему прекрасная Эшелвинда. Гибель заступилъ мѣсто удивленія въ Оскольдѣ: уже блестящій мечъ его разсѣвалъ война; но тѣло воздушнаго обитателя, легко раздѣляемое ударами меча, столь же легко соскапывалось пакн, и признакъ язвы не оставался. Багровый пламень проникалъ эфирное существо его; и съ гордымъ посмѣянїемъ сей вишязь такъ вѣщаетъ: „Слабый смертный, Оскольдъ, Оскольдъ ненавистный! не мечшай удостоишься моихъ ударовъ. Скоро, изнемогая подъ ударами смертнаго, преспертый на поляхъ Византійскихъ, извергнешь ты гордую душу, и опчаянїе, видѣшь надменные замыслы свои разрушенными, огорчишь послѣднее твое дыханїе. Тогда возъму тебя на судъ Одиновъ, въ вѣчную обитель Валгаллы, и воздамъ тысящекратно удары, которыми пронзалъ ты меня при спруяхъ Роцелайны.“ Онъ рекъ, и видѣнїе разлилось въ овружающую мрачность воздуха. Великодушный Оскольдъ свѣтлоспвуетъ хладнокровно: „Нещастной! или ласкался ты угрозы и восколебать постоянство мужа? Смерть, въ которой поспѣваешь безвспапно чело-вѣки, можешь ли извѣстностью своею удержать насъ отъ сїяющаго поиска славы? Бѣдственна ли смерть умирающаго съ оружіемъ въ рукахъ, въ первыхъ рядахъ воин-

ства? Нѣтъ, Рингвальдъ! тщетное знаніе свое будущаго не нарушаетъ спокойствія души моей. Оно придаетъ болѣе величества подвигу моему, и бессильная вражда своя возлагаетъ на меня новое обязательство, не шеперя ни единого мгновенія для снисканія славы.“ Онъ рекъ; особенное спокойствіе сіяетъ на челѣ его. Разсупилися ужасы лѣса, умолкли громы и шихія молніи едва мелькали въ рѣдѣющихъ шухахъ. Никѣмъ невидимъ, Оскольдъ входитъ въ шатеръ свой, и сладоспный легкій сонъ смыкаетъ удрученныя вѣжди его. Между шѣмъ сердце Одиново услаждается швердоспїю Героя, копорому онъ благопрїяшшвуетъ съ вышины небесъ. Еще не было Гошеа, въ копоромъ бы безсмершнїй Одинъ находилъ болѣе сходства съ пламенною душою, вознесшею его на спепень боговъ, какъ въ великодушномъ Оскольдѣ. Одинъ хотѣлъ симъ ужаснымъ привидѣнїемъ испышашъ Героя; Одинъ посылаетъ вѣждамъ его сладоспное успокоенїе; собираетъ предъ одромъ его злашыя мечшанїя, копорыя служатъ вмѣсто бышїя воображенїю. Тайныя предвнушенїя небеснаго блаженства, дружеспво мишувшихъ Героевъ, неописанныя радости Валкаллы, глубоко впечатлѣваюшся въ душѣ его. Изглаждены въ ней надеждою спрашныя предвѣсшїя ноци, и солнце, озлашивъ горы, нацло Оскольда мужесшвеннѣе прежнаго,

раздающаго повелѣнїи вождямъ и совѣствующаго съ мудрымъ Сигурдомъ.

Уже большая часть кораблей была прѣугошовлены для воинства Оскольдова. Подобны лебедямъ величественнымъ, спустились они у стѣнъ Смоленска на спруи Борисѣена. Радегастъ, кошорому отъ юности жить на водахъ было роскошїю, и кошорый на легкой единодревкѣ, персясь въ разверзающихся волнахъ Варяжскихъ, преносился шоль часто отъ утесистыхъ Чудскихъ береговъ къ пологимъ Скандинавскимъ, Радегастъ, управлявшій кормломъ корабля, на всемъ Фюркѣ, спецѣ народовъ, приспалъ на берегу Ладоги, Радегастъ проводилъ цѣлую зиму въ дубравахъ Кривичей, испышуд сѣвирою древнїе дубы и повергая на землю безжалостно ихъ гордыя вершины. Раззорилось сиященне убѣжище лѣсовъ, пристанище сильныхъ звѣрей и пшицѣ воздушныхъ, и оскорбленный Борисѣенъ съ негодованїемъ видѣлъ изходище свое опшровенно; возмутились воды его, и спрашную въспѣ бражи пронесли онѣ до Чернаго моря, опца попоковъ и бурныхъ рѣкѣ. Во влажныхъ черпогахъ сѣдидѣ древнїй богъ, окруженъ шмою сынсвѣ и дочерей свснхъ. Сошлись къ нему Борисѣенъ и гордый Тирасъ, соспавляющїй владычество Сарматовъ, и двурогїй Истръ, пишатель наро-

довъ. Ихъ яростныя совѣты, подобныя вѣчному шуму пороговъ, при ываюшъ вѣтры и черныя бури на дерзкое предпріятіе Оскольда. Болѣе всѣхъ спремительный Босфоръ подгнетаетъ негодованіе влажныхъ боговъ. „Забыли ли вы, говоришъ онъ, чѣмъ угрожаютъ намъ чада неукропимаго Сивера? Вашимъ спыдомъ похупаюшъ они себѣ, сіяющую славу, и возносятся къ богамъ безсмертнымъ. Имъ суждено, думаютъ они, наложитъ нѣкогда узы на ваши священныя волны. Спраны, пашаемыя вами, любовь природы, опечесіео боговъ, сущи добычею нѣхъ, которые не находяшъ ничего труднаго для своего мужества, и могутъ мѣнять шлѣнную жизнь на неувядающую славу. Опъ нее хощашъ они производитъ гордое свое имя и, называя себя Славянами, напоминаюшъ другъ другу гордое свое опредѣленіе. Вспомните прешъ, вспомните волненіе, которое вы чувствовали въ хладныхъ пещерахъ вашихъ, когда одинъ прародитель сихъ Варяговъ, сихъ Руссовъ, соединившихся нынѣ съ Славянами, выступившая изъ предѣловъ смертнаго, пустился со мною въ неравный, позорный для меня бой. П рскъ до того унижилъ безсмертнаго! Сколько разъ желалъ я сокрыть главу мою въ нѣдрахъ земли, или уйти въ которое-либо море! Пропивились мнѣ неодолимыя преграды. Съ одной спраны ударяли

въ меня кипящія волны Евксинскаго Понта, съ другой огромное море сѣвъ столповъ Гадитанскихъ. Далекое ли было тогда паденіе Еллинскаго имени? Готы, прешедшіе оплошъ сей, указали народамъ погубительный путь, воимъ найдуть они роковой день священнаго града. Не прешаетъ еще дѣйствовать Одинъ, врагъ Греческихъ боговъ. Не видите ли, что онъ воспалетъ своимъ несповсвомъ душу Оскольда? А между тѣмъ священный повелитель Грековъ, опсупсшвенный опъ угрожаемой столицы, едетъ безславныя браны съ мягкосердыми племенами востока. Спѣшите, спѣшите, возбудите опъ нерадиваго сна Великій Градъ, надъ которымъ багровое облако гство извергнушь пламень!“ Онъ рекъ, и влажный царь проспираетъ повелительную руку. Глубокая шшина окрестъ царствуетъ. Тонкій шуманъ восходитъ съ поверхности водъ, и на крылахъ Зефира прикасается слуху Енсарха. Уже сворый гонецъ опряженъ ко властителью Грековъ съ ужасною вѣстію Оскольдова похода. Грозный властитель сѣдыхъ валовъ воспрещаетъ взоромъ буйному негодованію рѣкъ. „Оспавимъ, гласитъ онъ, браннымъ челоукамъ быть игралищами спраспей. Ихъ замыслы высоки и непоспоянны; единсе дуновеніе разсѣваетъ ихъ: Поверженнымъ средн вѣчныхъ силъ природы, довольно имъ

бороться съ волнами щастія въ безпокойныхъ подвигахъ или въ презрительной нѣгѣ. Злашая цѣпь судьбъ соединяетъ небо и землю, и не можетъ быть оппоржено ни единое звено ея. Довольно препяшспвій добродѣтели. Неоспорима слава смерпному, который гибнетъ въ бореніи съ гнѣвными стихіями и враждебнымъ щастіемъ. Опасности бранныя не суть единыя, њи самыя спрашныя. Прежде нежели успрашимся рабства, коимъ сей вишязь намъ угрожаетъ, увидимъ еще, не подверженъ ли онъ самъ позорному рабству спрашпей.“ Онъ рекъ, и подвластные боги ощутили болѣе покорности, нежели успокоенія. Между тѣмъ граждане Смоленска щещпно спарающа удержашъ еще нѣсколько времени въ стѣнахъ своихъ неперпѣливаго Оскольда, извѣля госпепрїимство великолѣпными поржеспвами. Таковъ пошоръ, низвергающійся съ высокой горы послѣ зимнихъ снѣговъ. Успращенный Алянинъ бесполезно восплащаетъ бурное его спремленіе, повергая огромные дубы. Онъ превозмогаетъ преграды и далеко опущошаетъ богатыя жашвы.

Но Сигурдъ желаетъ видѣшь сына своего, нѣжнаго Радмира, препоясаннаго мечемъ отъ руки Оскольдовой, да вступитъ въ сословіе мужей. Радмиру едва исполнилось шесшнадесашъ лѣтъ; но сердце его упредило

возрастѣ. Оно билося съ нешерпѣнїемъ, когда залапая арфа Скальда оживляла предѣ воображенїемъ его пѣни древнихъ Варяговъ и бипвы, славныя въ печенїи вѣковъ. Оно билося также сильно, но сладоспнѣе, при шихомъ воззрѣнїи или опрадной улыбнѣ опасной подруги его младенчества, высокой Искерды. Колеблемый порывами славолубїя и другаго нѣжнѣйшаго чувствованїя, юноша обнажалъ смертоносное желѣзо, или полагалъ его къ ногамъ прекрасной подруги. Веселосъ незлобїя составляла игры ихъ, и сладоспная задумчивосъ опягощала вѣжди Искерды, когда ей должно было наказывать дерзосъ юноши.

Какъ запрепшало въ ней сердце, когда нескромныя подруги упомянули въ присущствїи ея, можешъ бытъ безъ намѣренїя, о назначенномъ вооруженїи друга ея! Тогда узнаешъ она шайну своей нѣжности и свойство подозрительной дружбы, узнаешъ, что не можешъ сущесствовашъ безъ Радмира; въ мечпанїяхъ или бѣжншъ къ ненависшному Оскольду и шребуешъ опѣ вѣго юноши, или сама покрываешъ нѣжное чело его тяжелымъ шлемомъ и съ воспоргомъ бросаешя между любовникомъ и Греческою спрѣлою. Умерешъ за Радмира, или жншъ съ Радмиромъ, сливаешя для нее въ единое чувствованїе; бесполезныя намѣре-

нїя! Строгая честь, дѣвическій стыдъ удаляющъ, какъ легкій паръ ушра, сїи златыя мечпанїя. Должно, не смотря на поблѣднѣвшїя лилей лица, на упомленные очи, должно заключишь шоску въ сердцѣ и бышь свидѣтельницаю ужасныхъ обрядовъ, которыми Радмиръ обречешся свирѣпому богу браней. Сколь желалабы теперь юная дѣвица, чпобъ никогда Варяжская сѣкира не оскорбляла древнихъ дубовъ Днѣпровскихъ, и чпобы величественный градъ Несарей наслаждался ненарушимою пишиною! Уже опверзающся огромная врата священнаго храма и толпа наполняетъ его пространные припѣоры. Со страхомъ взирающъ Кривичи на древнее изображенїе бога, наполняющее величествомъ нѣдра свящилища. Согбенные спарцы, въ одѣянїяхъ бѣлѣйшихъ снѣга, одни держаютъ войши во внутреннюю ограду, и опметая земныя различїя, опверзаютъ всѣмъ челоукамъ равное прибѣжище къ жертвенникамъ. Приближается сїяющій сонмъ Вельможъ, еще болѣе возвышенный важнымъ присущспвїемъ Оскольда. Прекрасенъ, какъ юный богъ, послѣдуешъ ему Радмиръ съ поупленными очами, съ опкровенною главою и распущенными власами юношества. Гибкій спанъ его обѣмлется простною и легкою одеждою, испканною сеспраши его изъ мягкой волны агнцевъ; уград-

кою взираешъ онъ по временамъ на пу-
спорону храма, гдѣ знаменишыя мапери
семействъ, гордящїяся красопоу послѣдую-
щихъ имъ дщереѣ, привлекаютъ къ себѣ
почтительное вниманїе народа. Онъ ласкаеш-
ся увидѣть обожаемую Искерду, сокрываю-
щуюся въ срединѣ прекраснаго сонма и
опеишующую на руку искренней Алвиды, дабы
невольный прешетъ ея былъ менѣ примѣ-
щенъ. Уже священные обряды, болѣе и болѣе
ужасая несчастное сердце любовницы, про-
исв дашъ въ душѣ народа воспоргъ благоговѣ-
нїя. Воскипаютъ сердца мужей любовїю
опечесшва, изсшупленїемъ храбрости при
прѣснословїяхъ, возглашаемыхъ богу браней.
Взоры Радмировы оживляются не однимъ
пламенемъ любви: однѣ любовь владыче-
сшвуешъ въ сердцѣ Искерды. Съ прешешомъ
видишъ она желѣзо въ рукахъ Оскольдовыхъ,
коимъ надлежало обрѣзашъ юношескїе длин-
ныѣ власы Радмировы, и между шѣмъ какъ
одинъ изъ жрецовъ возлагаетъ ихъ на жерш-
венникъ бога браней, а другїй приноситъ
сїяющїй мечъ для прешоясанїя Радмира,
юноша оспашся на колѣняхъ въ боязли-
вомъ молчанїи, главу преклонивъ на сло-
женныѣ длани: тогда Оскольдъ, исполненъ
духа Одинова, прїемлетъ Радмира въ число
мужей и прерываешъ молчанїе величешвен-
нымъ насшавленїемъ Геройсшва: „Благород-

ный, любви достойный юноша! воспани
 мужемъ. Се извемлю шебя изъ нѣдръ спо-
 койнаго семейства и посвящаю опечесыву.
 Сїи власы, ошдѣленные мною опѣ главы
 швоей, возвѣщающѣ шебѣ опреченїе опѣ
 домашней нѣгн и любви спокойствїя; опспавъ
 опеченїе о красотѣ цвѣшущимъ дѣвамъ
 и женамъ. Твое убранство да будешѣ прахъ
 военный, и воздержанїе, и швердоспѣ. Ме-
 чемъ сїяющимъ препоясываю чресла швои.
 Ты вспунилъ вѣ возрастѣ зашщипниковѣ
 своего народа, и пребудешѣ имъ доколѣ сѣдины
 и опышности приведушѣ шебя нѣкогда къ
 соучастїю вѣ совѣшпахъ, ежели не рассу-
 дшѣ иначе неизвѣсшный рокъ сраженїй.
 Тѣ живущѣ для опща и машери, копорые
 опждающѣ безславнаго рока подѣ домаш-
 нимъ кровомъ; но для опечесыва живущѣ
 шѣ, копорые дерзающѣ умерешѣ за него
 безшрешешно. Сладосшна смершѣ за опече-
 сыво!“ — Онѣ хопѣлѣ продолжашѣ; вопль
 дѣвицы, рыданїя, имя Радмира, громко ея
 произнесенное, движенїе цѣлаго народа, вле-
 кушѣ Освольда къ сонму женѣ, призываю-
 щихъ къ жизни Искерду. Омракъ смерши
 опягощаешѣ очи ея. „Искерда! Искерда!
 вопїешѣ Радмирѣ, швой другѣ сѣ шобою;
 возри, или мгновенїе смерши швоей будешѣ
 послѣднимъ для Радмира!“ О чудо любви!
 по-гласу ея смершѣ оппускаешѣ добычу
 свою. Голубые глаза Искерды опшверзающѣ

медленно и спокойно; прежде ничего не видяшь, кромѣ пусклаго свѣта, но скоро обращающся на лице Радмира. . . . О зрѣніе! о радость неизобразимая! Жестокія сердца, никогда не любившія! осудите, ежели можете, пресупленіе дѣвицы. Опасность смерти примирила спыдливостъ съ любовію, и взоры Искерды покояшся безъ гнѣва на пламенныхъ очахъ юноши; рука ея, согласная съ сердцемъ, упала на длани Радмировы. Свидѣтель сего мгновенія, Оскольдъ воздохнулъ отъ глубины сердца своего и вспомнилъ прекрасную Эшельвинду, которую немилосердая Гела похишила рѣвзвующую на краю бездны, оставя вѣчное сожалѣніе Оскольду. Какъ молнія, сверкнувшая во шмѣ ночной, мелькнуло въ душѣ его воспоминаніе о шой блаженной минушѣ, въ которую нарекла она его власшелиномъ сердца своего. Ему показалось, что душа Эшельвинды оживляетъ чершы Искерды. Но овладѣвъ смущеніемъ своимъ и схвативъ десницу Сигурда, Варяжскій Вишязъ приближаетъ къ воспревоженной маперіи Искерды. „Почтенная Людмила (такъ называлась она) и ты, благоразумный Сигурдъ! (вѣщаетъ Оскольдъ) не оскорбите госпя вашего опказомъ и примите меня ходатаемъ за двухъ любовниковъ. Не раздѣляйте тѣхъ, копорыхъ сочешаетъ любовь и красота и благосклонное Небо. Союзъ красоты и муже-

спва подъ покровительствомъ Природы: какое зрѣлище святѣе и сладостнѣе! Супругъ и отецъ, Радмиръ будешьъ достойнѣйшимъ защитникомъ племени своего. Подлый и боязливый не заслуживаетъ сожалѣнїя красавицы; но любовь не терпитъ, чтобы красавица была пренебрегаема. Родители любовниковъ! бойтесь опмщенїя любви. Я не увлеку юноши, призываемаго къ ошарамъ ея. Довольно будущихъ походовъ, коими Радмиръ напомнитъ согражданамъ, что Оскольдъ препоясалъ его мечемъ Вишпязя.“ Сказалъ, и Людмила не уклоняется принявъ ошъ руки Оскольдовой Сигурдова сына. Въ народъ все благопрїятствуетъ Герою. Тѣснясь вокругъ Оскольда и покровительствуемыхъ имъ любовниковъ. Дивясь красотѣ невесты, дивясь величественной бодрости жениха; но всѣ еще болѣе восхищаются Оскольдомъ; съ любовїю видятъ нѣжное умиленїе шгого, кто привыкъ разить ужасомъ толпы свирѣпыхъ сопоспашовъ. Такъ думаютъ человекѣ. Но Одинъ оскорбляется во исполинскихъ черпогахъ своихъ, видя сердце любимца своего шоль скоро волнуемое любовїю и сожалѣнїемъ. Уже раскаивается онъ, что ввѣрилъ Оскольду предпрїятїе, шoliko ему драгоцѣнное, униженїе Греціи. Но пошпные вѣпры зовущъ Варяжскаго Вишпязя на знаменишый подвигъ, и Оскольдъ, не менѣе Герой ошъ

участія въ нѣжныхъ движеніяхъ человѣческаго сердца, вступаешь въ ладію, послѣдуемый ополченіемъ Славянъ. . . .

Два разговора въ царствѣ мертвыхъ.

Карль XII и Святославъ I.

Святославъ.

Остановись, свирѣпый Герой! Святославъ съ удовольствіемъ сръпаетъ шею входящаго въ жилища блаженныхъ. Мы имѣли равныя склонности въ живыхъ. Тотъ же духъ неуспрашимости, который повергалъ тебя въ опасности для снисканія славы, одушевлялъ и меня въ другое, болѣе грубое столѣтіе. Болгары и Греки пререшали меня. Та же смерть война постигла насъ обоихъ на полѣ сраженія. Печенѣги обошли меня въ превосходныхъ силахъ у пороговъ Днѣпровскихъ, и сдѣлали храбрость бесполезною. Но *мертвые не стыдятся*, и Руссы, безстрашные Руссы, оставили жизнь, но не мѣсто сраженія! Ты знаешь ихъ мужество. Я горю непрерывнымъ услышать изъ устъ твоихъ о семъ великомъ Царѣ, твоёмъ соперникѣ, который повелѣваетъ ими нынѣ и котораго слава достигла до сихъ спокойныхъ мѣстъ.

К а р л ь Х I I I .

Свяшославъ! мы были съ побою дерзскіе воины. Безпокойное желаніе кровопролиція заблуждало насъ. *Петръ* уже не соперникъ мой, но побѣдитель, но другъ и великой человекъ. Онъ воюетъ не для того, чшобъ наполнишь вселенную пустымъ шумомъ и разоришь нѣсколько щаспливыхъ областей. Война служишь ему способомъ для доставленія народамъ его щаспія, силы, просвѣщенія. Онъ вводишь искусство, науки, вѣжливоспъ въ проспраннѣйшую спрану свѣта. Онъ благодѣтельспвуетъ поколѣніямъ, еще не рожденнымъ, низвергая преграды, копорыя невѣжеспво возвысило между народомъ его и просвѣщеніемъ. Онъ ободряетъ земледѣліе, заводишь промыслы и шорговлю. Собирашь безплодные вѣнцы было моимъ чесполубіемъ. Личнымъ приспращіямъ, гябву, меспи, суешной славъ пожершвовалъ я первымъ обѣшомъ Государей, благососпоянѣемъ народа. *Петръ* исхишилъ побѣду изъ рукъ моихъ *твердостію*. Я совершилъ нещаспіе мое *улрямствомъ*. Я не могъ сносишь мира. Безпокойспво мое ушомило собспвенныхъ моихъ подданныхъ шакъ же, какъ и сосѣдей. Въ сей часъ былъ я подъ стѣнами Фридрихсгала, крѣпоспи Дашской, мною осаждаемой. Роккой свинецъ поразилъ меня. Завѣса низ-

нала: я позналъ свои заблужденія. Теперь мнѣ кажется, что одинъ взоръ мой возмущаетъ пищу сихъ убѣжищъ и отбѣмлетъ блаженство непорочныхъ душъ, которыхъ въ жизни своей сославляли благополучіе вселенной.

С в я т о с л а в ѣ .

Успокойся. Ибо умѣетъ такъ раскаляться, какъ ты, не можешь быть недосвоенъ сего жилища. Я поведу тебя въ удѣлъ, посвящаемой шѣми, которые прославились войною. Представлю тебя *Ахиллосу* и *Александрѣ Великому*. Они узнаютъ въ тебѣ добродѣтели, сославляющія Героя. Неупомимъ, безспраченъ, чувствительнъ къ одной только славѣ, презрительнъ нѣги, великолѣпія, наблюдатель правосудія: ты былъ бы украшеніемъ человѣческаго рода, если бы нѣсколько болѣе цнилъ священные права его; если бы зналъ другую славу, кромѣ военной. Сїи упреки, исходя изъ устъ моихъ, должны тебѣ казаться сноснѣе, ибо я самъ заслуживаю оныя.

Гораций и Князь Анпіохъ Дмилпріевичъ Кантемиръ.

Г о р а ц и й.

Наслажденія, копорыя скромной другъ мой, *Виргилій*, обѣщаль въ величественныхъ пѣсняхъ своихъ Героямъ, благодѣтелямъ чловѣческа и душамъ чувспвишельнымъ къ прекрасному, мы вкушаемъ нынѣ совершенно въ сихъ рощахъ спокойныхъ и щасливыхъ. Спихопворцы перемѣшаны съ Героями, копорыхъ они воспламеняли мужество, или воспѣвали славу. Прѣугоповленные обхожденіемъ Музъ къ чувспвованію испиннаго блаженства, и на землѣ еще будучи, мы не полагали щасія, шакъ какъ невѣжды, въ прѣобрѣшеніи шлѣнныхъ удовольствій роскоши и богатства. Мы искали шого, что испинно и прилично, и сообщали сошечественникамъ своимъ сей вкусъ прекраснаго и любовь мудрости, копорыя сосшавляютъ опличіе просвѣщеннаго народа. Услаждая слухъ *Августовъ* звуками лиры моей, я вливалъ въ душу его крошкш и любовь славы. Послѣдуя шопамъ моимъ, ты забавлялъ *Россіанъ*, и сказывалъ испинну, смѣясь. Ты опкрылъ имъ поприще писменъ, и останешься болѣе извѣстенъ шѣмъ, что ты былъ первой спихопворецъ своего народа, нежели шѣмъ, что

ны представлялъ величество его въ Англіи и Франціи.

Князь Кантемиръ.

Лестнѣйшія мои желанія исполнены: бесѣдую съ *Горациемъ*. Я могъ сказать себѣ изуспѣшно, сколько пѣлнвали меня стихи свои, низходипельная мудрость, тонкое остроуміе придворнаго и величественной духъ стихопворца, соревновавеля Греческой Лиры. Въ сполѣпшіи, сполько же просвѣщенномъ, сколь разврапномъ, шы умѣлъ возобновить легкія игры *Анакреоновы*, пламенное выраженіе *Саффы* и смѣлыхъ паренія *Пиндара*. Творецъ новаго рода стихопворства, шы далъ намъ полную систему нравоученія самаго здраваго въ посланіяхъ, простыхъ и остроумныхъ. Какъ порицатель беззлобный, въ Саширахъ своихъ осмѣивалъ шы пороки и щадилъ порочныхъ. Законодатель вкуса, шы оспанешься вождемъ стихопворцевъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ. Чувствовашъ красоты свои было мое достоинство: перенесли ихъ въ мой опечеспенной языкъ, покушеніе раннее и ожидающее успѣха отъ позднѣйшихъ писателей. При мнѣ стихосложеніе не имѣло правилъ своихъ, языку недоставало избранности и благородства. Въ нѣдрахъ прекраснаго языка лежали сокровища его не опрышы. Уроженецъ крайняго Сѣвера (кпо

бы подумалъ?) сынъ земледѣльца — видишь сїю величественную пѣнь, бесѣдующую съ Цицерономъ и Галилеемъ — *Ломоносовъ* даровалъ согласїе и величество слову Россійскому. Сїя другая пѣнь, послѣдующая издала *Расину*, *Сумароковъ* испыталъ языкъ Трагедїи и сотворилъ множество прїяшностей, заимствованныхъ изъ общесства. Ихъ слава возбудила удачныхъ соперниковъ. На берегахъ *Невы* и *Волги* повсюду пѣсни, слышанныя прежде при источникахъ *Армузы*. *Россїянинъ* умѣетъ побѣждать и воспѣвать свои побѣды. Писмена воспитываютъ чувствительное юношество и обѣщаютъ народу просвѣщенїе, добродѣтели, счастье.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П р и в и д ѣ н і е.

Посмотрише, въ двадцать лѣтъ
 Блѣднѣетъ щеки покрываетъ,
 Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ,
 Парка дни мои щипаетъ
 И отсрочки не даетъ.
 Что же медлишь! вѣдь Зевеса

Плачь и стонъ не умолишь.
 Смерти мрачной занавѣса
 Упадешь — и я забуду! —
 Я забуду. . . . Но изъ могилы,
 Если можно воскресашь,
 Не приду тебя, другъ милый,
 Видомъ мертваго пугашь.
 Въ часъ полуночныхъ явленій
 Я не спану въ видѣ шѣни,
 То внезапно, шо пишкомъ,
 Съ воплемъ въ швой являшья домъ.
 Нѣшь, по смерти, невидимкой
 Буду вокругъ тебя лешашь;
 На груди швоей подъ дымкой
 Тайны прелести лобзашь;
 Шпану всюду развѣвашь
 Легкимъ успъ прикосновеньемъ,
 Какъ Зефира дуновеньемъ,
 Опъ каштановыхъ волосъ
 Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
 Если лилія листьями
 Ко груди швоей прильнешь,
 Если яркими лучами
 Въ комелькѣ огонь блеснешь;
 Если пламень пошвенной
 По ланишамъ пробѣжалъ;
 Если поясъ сокровенной
 Развязался и упалъ —
 Улыбнися, другъ безцѣнной;
 Шо я! Когда же шы,
 Сномъ закрывъ прелестны очи,
 Обнажишь во мракѣ ночи
 Розъ и лилій красопы,
 Я вздохну . . . и гласъ мой шомной,
 Арфы голосу подобной;
 Тихо въ воздухъ умрешь;
 Еслижъ легкими крылами

Сонъ глаза твои сомкнешь ,
 Я съ крылашыми мечшами
 Стану плавать надъ тобой.
 Сонъ твой , Хлоя , будешь долгъ
 Но когда блеснешь сквозь пологъ
 Лучь денницы золошой ,
 Ты проснешься . . . О блаже исцво !
 Я увижу совершенство
 Сокровеннѣйшихъ красотъ ,
 Гдѣ самъ пламенный Эросъ
 Опшѣнилъ рукой своею
 Розой дѣвственну лилею ;
 Все опять въ моихъ глазахъ !
 Всѣ покровы исчезающъ !
 Часъ блаженнѣйшій . . . но , ахъ !
 Мершвые не воскресающъ !

К. Б.

~~~~~

Къ Лидѣ.

О бѣлогруда !
 Все здѣсь мечта ;
 О черноока !
 Время лешишь :
 Молодость роза ;
 Угро ей вѣкъ .

*

Сладостью дышешь ;
 Взоры манишь . . . .
 Вѣтеръ позвѣялъ ,
 Листъ облещѣлъ ,
 Нѣтъ аромата ,
 Нѣтъ красоты .

*

Болѣ не вьются
Вкругъ мошлыки ;
Пчелки блестящи
Къ розѣ не льнутъ ;
Сшебель изсохшій
Прахомъ покрытъ.

*

Рдяны ланишы ,
Алы уста ,
Пламенемъ шихимъ
Полная грудь ,
Огненны очи ,
Свѣшлы власы ,

*

Все восхищаетъ ,
Лида , въ тебѣ !
Голосъ швой арфы
Сладкія звукъ ;
Юноши роемъ
Въ слѣдъ за побой.

*

Лида ! . . . . но время
Быстро лепитъ ,
Все на минушу !
Роза цвѣла ,
Роза увяла :
Вошъ швой удѣлъ.

*

Рдяны ланишы ,
Алы уста
Блѣдность покроситъ ;
Въ помныхъ очахъ
Пламень угаснетъ ;
Младость , проси !

*

Юноши роемъ
Прочь оплешатъ ,

Слѣдомъ за ними ,
Плески , хвалы ,
Прелестней слава !
Горестна мысль ! . . .

*

О бѣлогруда !
Радость лови !
Мило бышь милой ,
Мило прельщаешь ;
Лида ! — милѣе
Спраспно любишь !

*

Миръ безъ любви
Слезна юдоль.
Почести , слава ,
Дымъ безъ нее ;
Съ нею пемница
Свѣшлый чертогъ.

*

Ты погрузилась
Въ думу , вздохнувъ !
Щеки зардѣлись . . .
Сладостный часъ !
Къ сердцу прижалась
Ты моему !

*

Лида безцѣнна !
Радость души !
Пусть позабудешь
Цѣлый насъ миръ :
Ты мнѣ вселенна !
„Ты цѣлый миръ.“

Ө. Ивановъ.

Усладъ и Всемила:

Руская Баллада:

„Радость дней моихъ, Всемила!
 „Не грусти, не плачь о мнѣ;
 „Безъ тебя мнѣ жизнь посыла
 „Будеши въ дальней сторонѣ.
 „Не грусти! за Русь свящую;
 „За Царя; за край родной
 „На Липву иду я злую;
 „Скоро свидишься со мной.
 „Предъ святыми Образами,
 „Предъ всевидящимъ Творцемъ;
 „Лучше слезы лей ручьями
 „О возвратѣ ны моемъ!“

Такъ, прощаясь со Всемилой,
 Говорилъ Усладъ молодой.
 „Ахъ! могуль разстаться, милой,
 „Безъ поски, безъ слезъ съ тобой?“
 Золото кольцо снимала
 Тушъ она съ руки своей;
 Другу на руку вздѣвала,
 Чтобы помнилъ онъ объ ней.
 „Можеши бышь; давно могила
 „Ждешъ тебя въ странѣ чужой!
 „Знай, не будешъ живъ Всемила;
 „Свѣшъ ей милъ однимъ тобой!“

Время мчилося, пролеташе;
 Объ Усладѣ слуха нѣшъ;
 Дни Всемилы скорбь снѣдаешъ;
 Ей прошивенъ бѣлый свѣшъ.
 Друга ждешъ назадъ всечасно,
 День и ночь объ немъ грустишъ;

Ожиданіе напрасно!

Ахъ, надежда щещно льстившѣ!
 Не спѣшишь Усладѣ къ Всемиль;
 Вѣсти къ дѣвицѣ не шлешь.
 Не ужели онѣ въ могилѣ?
 Не ужель покинулѣ свѣтъ?

*

Чѣмъ разгнать печаль и скуку?
 Сердцу гдѣ найши покой? —
 Получишь Всемилы руку
 Вошѣ прибжалѣ Князь молодой.
 Злапо, пикани дорогія
 И каменья ей дарившѣ.
 Будь моею! дни злые
 Пошекушѣ для насѣ — пвердишѣ.
 Долго слушатѣ не хотѣла
 Словѣ, гдѣ лести ядѣ былѣ скрышѣ;
 Бышѣ измѣнницей робѣла;
 Наконецѣ — Усладѣ забышѣ!

*

Гдѣ, Всемила, обѣщанья?
 Гдѣ хранишель-ангелѣ швой?
 Часѣ разлуки, часѣ свиданья,
 Позабышо всё тобой!
 Ахъ! но что съ Усладомѣ будешѣ?
 Онѣ любви не измѣнишѣ,
 Долгу кляшвы не забудешѣ,
 Вѣрность къ милой сохранишѣ.
 Спрашно въ гнѣвѣ Богѣ караетѣ,
 Имѣ возженѣ въ насѣ огонь любви;
 Богѣ измѣнницѣ не прощаетѣ,
 Гнѣвѣ свой пушишѣ въ ихѣ крови.

*

Вѣсть достигла до Улада
 (Вѣрный другѣ ее принесѣ);
 Смерть одна ему опрада!
 Молишѣ смерти онѣ Небесѣ.

Небеса моленью вняли
 (Знашь оно доспигло ихъ);
 Смерщи Ангела послали
 Разрѣшитъ ошъ узъ земныхъ.
 Въ цвѣтѣ дней Усладъ, средь боа,
 Жизнь опчизнѣ въ даръ принесъ;
 Въ землю скрыли прахъ Героя,
 И никто не продалъ слезъ.

✱

Вотъ Всемила съ новымъ другомъ
 Брачный празднуешъ союзъ;
 Всѣ желаютъ ей съ супругомъ
 Легкихъ и пріятныхъ узъ.
 Алый сокъ драгій спруишся
 Въ чашахъ серебряныхъ, златыхъ;
 На ланиныхъ радость зришся,
 Пьютъ здоровье молодыхъ.
 Вдругъ во храмину вступаешъ
 Вишязь — взоръ сокрышъ его.
 Какъ ни просяшъ, не снимаешъ
 Вишязь шлема своего.

✱

Онъ кольцо вручилъ Всемиль,
 Спросити пламенной залогъ.
 „Торжествуй! Усладъ въ могилъ;
 „Но измѣну видишъ Богъ!
 „Спятъ въ Его десницѣ грома;
 „Но Онъ злыхъ гоновъ карашъ!“
 Рѣчь и поступъ ей знакомы,
 Проситъ шлемъ пернатый сняшъ.
 Долго вишязь не рѣшался
 Скинуть шлемъ съ главы своей;
 Наконецъ повиновался —
 Чтожъ предшавилось предъ ней?

✱

Зришь Улада — изъ могилы
Онъ возсталъ. (О страшный видъ!)
Спынешъ въ жилахъ кровь Всемилы,
Громъ ужасный въ слухъ разишь:
„Ты моя! ничто на свѣшъ
„Насъ не можешъ разлучишь!“
Такъ Всемилы дней во цвѣшъ
Прервалася жизни нишь....
Ахъ, красавицы! учишесь
Кляшвы данныя хранишь;
Измѣняшь любви спрашишесь;
Есть Творецъ, готовый мстишь!

Николай Граматинъ.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
ФИЗИЧЕСКАЯ АСТРОНОМІА.
~~~~~

Планеты имѣютъ ли жителей?

Есть физическія испины, чувспвами нашими поспигаемыя; ихъ должна уважашъ Поезія въ самыхъ сильныхъ своихъ порывахъ. Есть еще другаго рода испины, шолько нѣкошорыми учеными людьми приняшыя и по существу своему неудоб-

ныя бышь всѣмъ извѣстными; ихъ опровергающъ искусства, зависящія отъ воображенія.

Когда Г. Шапобрианъ говоритъ намъ о *раждающихся въ нѣдрѣ горъ жемчужинахъ*, которыя доспаются изъ глубины моря; въ такомъ случаѣ онъ противурѣчишь истинѣ, всѣмъ извѣстной, и заслуживаетъ, члобы крипика напомнила ему о Виргилѣ и Гомерѣ, коихъ Муза украшала вымыслами и населяла чудесами полько спраны невѣдомыя. Но когда потъ же писатель оприцаетъ множество обитаемыхъ мѣровъ, называя небесныя тѣла блестящими пустынями; то Физики и Аспрономы неимѣютъ причины жаловаться на Шапобриана, ибо никакимъ достовернымъ доводомъ не могутъ опровергнуть его гипотезы. Много хорошаго сказать можно какъ въ пользу тѣхъ людей, которые не вѣрятъ бытїю разумныхъ пварей на планетахъ, такъ и въ пользу тѣхъ, кои думаютъ, что планеты суть обитаемы. Объяснимъ сѣ краткимъ извлеченїемъ изъ послѣднихъ изслѣдованїй *Гершеля*, *Шрелера* и *Ольберса* касательно Физической Аспрономїи.

Только въ чепырехъ планетахъ солнечной нашей системы примѣчается нѣкоторое между ими сходство, которое даетъ

причину думашь, что онѣ сходны и въ физическомъ своемъ успроеніи; сіи планеты суть *Меркурій, Венера, Земля* и *Марсъ*. Хотя въ прочемъ пуци Земли и Венеры нѣсколько походяшъ на правильные круги, а орбиты Марса и Меркурія очень продолговаты; однакожь по сему различію, происходящему можешъ быть ошъ разныхъ направленій, данныхъ Творцемъ при началѣ печенія каждой планеты, не должны мы себѣ представляшъ сіи небесныя шбла въ иномъ видѣ. Есть различія другія, гораздо важнѣйшія: горы замѣченныя Шреперомъ на Меркуріѣ и Венерѣ въ пять или въ восемь разъ выше горъ находящихся на Земномъ шарѣ, хотя упомянутыя планеты гораздо менѣ Земли нашей. Не лзя думашь, чтобы сіе различіе происходило ошъ меньшей плотности вещества, изъ котораго составлены обѣ сіи планеты; ибо по достоверному исчисленію, густота Меркурія вдвое больше густоты Земли.

Марсъ даешъ ошъ себя свѣшъ красноватый; изъ чего заключаешъ можно, что онѣ окруженъ густою атмосферою, похожею на нашу земную; но явна, замѣчаемыя на поверхности Марса, продолжительнымъ пребываніемъ своимъ не походяшъ на облака, а частыми измѣненіями на мзперики, заспавляющшъ думашь, что на семъ шблѣ небесномъ

происходящъ нынѣ великія перемѣны, какія нѣкогда прешерибла Земля наша, и коихъ ужасные слѣды и шеперь еще на ней оспаюшся.

Изъ чешырехъ упомянутыхъ планетъ одна полѣко наша Земля имѣетъ спутника. Даже проспой народъ знаетъ, что неподвижныя свѣшлыя мѣста и шѣни, видимыя на поверхности Луны, означаютъ неровности. Темныя пятна долгое время почитаемы были за моря, подобныя шѣмъ, какія находятся на нашемъ земномъ шарѣ; однакожь новѣйшія наблюденія по открытіи выпуклостей и впадинъ по краямъ сихъ пятенъ, заставили астрономовъ думать, что видимыя пятна суть ямы, обширныя и безводныя. Что же значатъ сіи ямы? вмѣспилица ли высохшаго моря, или огромныя жерла волканическія? Ничего рѣшительно сказать о томъ не можно; но принимая по или другое предположеніе, все кажется вѣрояшнымъ, что Луна не имѣетъ влажной оболочки. Почти дествѣрно также, что она окружается весьма жидкою атмосферою, которая можетъ быть малымъ чѣмъ разнишся онъ окружающаго ее еѣира. Шреперъ, послѣ многихъ наблюденій доказавшій бытіе лунной атмосферы, доказалъ равнымъ образомъ и то, что она совсѣмъ непоходитъ на атмосферу на-

щей планеты; ничего непримѣнилъ онъ подобнаго большому движенію, какое бываетъ отъ вѣтра въ облакахъ, окружающихъ Землю.

Назадъ пому лѣтъ тридцать или сорокъ, очень много было говорено о *лунной скважинѣ*, открытой г-мъ Уллоа (*). Астрономы единогласно опровергли мнѣніе сего наблюдателя, какъ нелѣпое и смѣшное; они доказывали, что свѣтлая почка, примѣченная Испанскимъ астрономомъ на поверхности Луны во время затмѣнія, была не что иное какъ вулканическое изверженіе. Правда, что и сѣе извѣщеніе не совсемъ удовлетворительно. Въ прочемъ не одинъ Уллоа думалъ, будто видѣлъ въ Лунѣ скважину; Лифманъ, астрономъ Нѣмецкій, уже пому болѣе ста лѣтъ, возвѣщилъ міру о такомъ же своемъ открытіи (**).

Почему знаешь, что Луна есть не недвижимое, изъ металлической пѣны состоящее тѣло, неимѣющее ни раствѣній ни животныхъ?

Признаемся по крайней мѣрѣ, что Г. Шатобрианъ имѣлъ справедливую причину

(*) *Philosophical Transactions*, Vol. 60, part. 1.

(**) *Miscelles de Breslau*, pour l'an 1706.

ужасаться при помышленіи о той минутѣ, „въ которую Луна покажетъ намъ другую сторону свою, досель неизвѣстную.“
 Весьма вѣроятно, что соединенная сила магнетизма и электричества заставляюща спутниковъ слѣдовать за планетами и показывать одну только сторону; а по сему вѣроятно также, что существующій порядокъ долженъ измѣниться не иначе какъ отъ конечнаго разрушенія главной планеты, или по крайней мѣрѣ отъ важной въ ней переменѣ. И такъ я думаю, что самые астрономы померещивші бы отъ страха, увидѣвши *другую сторону Луны*, кошсрой они теперь едва изрѣдка усматриваютъ узкую покрывъ.

Далѣе за Марсомъ планетная система наша представляется уже столь отдаленною, что никакихъ вѣрныхъ догадокъ по аналогіи вывести не можно, естъ ли тамъ жилища на шарахъ небесныхъ, или нѣтъ ихъ. Сперва обратимся къ четыремъ малымъ планетамъ, которыя совершаютъ пути свои между Марсомъ и Юпитеромъ. Древніе астрономы удивлялись, находя пустымъ сіе пространство. Ученый Г. Боде смѣло, но безошибочно предсказалъ, что тутъ надлежало быть какой-либо планетѣ. *Церера, Паллада, Юнона и Веста* движутся по путямъ эллиптическимъ, почти въ равномъ

отдаленнѣи находящимся отъ Солнца, но имѣющимъ различныя положенія. Пуши сїи пересѣкающа въ разныхъ мѣстахъ, или, употребимъ языкъ астрономовъ, составляютъ узлы. Плоскостію орбитъ оныхъ планетъ пересѣкается плоскость земной орбиты подъ весьма большими углами; вотъ чѣмъ свѣтила сїи походятъ на кометы. По той же самой причинѣ и Гершель, хотя вопреки справедливости, нехочетъ называть ихъ планетами. Какое чудесное представляется явленіе въ семъ открытіи нашего времени! къ какимъ размысленіямъ подаетъ онѣ причину! За что почестъ сїи небольшія чешыре шѣла, близкія одно отъ другаго? не части ли онѣ планеты, изверженныя изъ нѣдра ея выстрѣломъ газа? не вещества ли онѣ, приготовленныя Натурою для составленія новой планеты? не спутники ли онѣ, поперявшіе планету свою, или спторгнушыя отъ средоточія системы, въ которой нѣкогда принадлежали? Како въ прочемъ ни приняшь объ нихъ мнѣніе, но ходъ ихъ и чудесная малость одного изъ сихъ свѣтилъ, а именно Паллады, которая по измѣренію Гершеля имѣетъ не болѣе 70 Англійскихъ миль въ діаметрѣ, заставляютъ думать, что между ними и нашею Землею нѣтъ никакого сходства.

Великолѣпный Юпитеръ, сопровождаемый чешырма спутниками, обращается около своей оси съ быспропою непоняшною для нашего разума. Планета сія, въ 1479 кратѣ превосходящая землю величиною, обращается въ пять часовъ; слѣдственно каждая почка экватора ея въ одну секунду пробѣгаетъ 6550 шаговъ. Плошность сей планеты нимало, кажется, несоотвѣтствуетъ величинѣ ея, ибо содержишься къ плошности земли, какъ 23 ко 100; почти думаешь можно, что Юпитеръ есть шаръ внутри пущой. Извѣстно, что у полюсовъ своихъ онъ очень сжатъ; прибавимъ къ тому, что свѣшлыя полосы, окружающія сію планету, не только движущая подобно Сатурновымъ кольцамъ, но нагибаются, частію обрушиваются и перемѣняются въ ширинѣ своей. На южной половинѣ Юпитера должны теперь происходить, по видимому, спрашныя перемѣны. Какой же разумъ человѣческой дерзнетъ рѣшишелько утверждать, обинаема ли сія планета, и удобна ли она бытъ такою? опдаленный мѣръ сей лишился ли уже своихъ обинашелей, или теперь только еще готовишься произвести ихъ? быспрое движеніе Юпитера показываешь ли уже разрушеніе, или только еще скрѣпленіе сего небеснаго шѣла?

Въ Сатурновой системѣ наблюдатели нашли чудеса неожиданныя. Они открыли,

что кольцо сей планеты составлено из двух различных частей, из которых каждая имѣетъ свое собственное движеніе. Последняя изъ семи лунъ Сатурновыхъ спраннымъ образомъ опличается отъ всѣхъ другихъ спутниковъ планетъ, что по видимому обращается свободно около своей оси. Но самое удивительное открытіе сдѣлано Гершелемъ, въ разсужденіи наружнаго вида сей планеты: онъ нашелъ, что Сатурнъ сжатъ не только у полюсовъ своихъ, но и у экватора, такъ что профиль его походитъ на четырехугольникъ съ округленными углами, или на кругъ съ четырехъ сторонъ сплюснутый.

Астрономамъ вольно посмѣяться, когда захопятъ, надъ Сатурновымъ *кольцомъ вдовства*, по выраженію Шатобриана; однакожь и они должны признаться въ собственномъ своемъ невѣжествѣ касательно сего небснаго шѣла, о составѣ коего, назначеніи и состояніи мы не можемъ сдѣлать никакихъ заключеній.

Неизмѣримая дальность, отдѣляющая насъ отъ *Урана*, не воспрепятствовала Гершелю открыть два кольца, которыми окружается сія планета. Одно идетъ по экватору, другое черезъ полюсы, и оба взаимно себя пересѣкаютъ подъ прямыми углами.

Сїи удивительныя несходства между планетами, вращающимися около нашего Солнца, сїи признаки нынѣ продолжающихся и прежде бывшихъ великихъ переменъ въ мїрахъ, намъ собственннхъ, всѣ чудесныя сїи явленїя не должны ли привести въ ужасъ, не должны ли оковать воображенїе наше? Можемъ ли мы утверждать съ учинельскою важностїю, что всѣ тѣла небесныя предназначены быть обиталищами шварей намъ подобныхъ?

Одно только чуждое Физикѣ, но самое лучшее доказательство, можно бы привести въ защиту мнѣнїя о томъ, что мїры обитаемы. — Мысль о Верховномъ Существѣ подала бы намъ сїе доказательство; но разсмотрѣнїе онаго было бы слишкомъ пространно и здѣсь не у мѣста.

Мальте-Брюнъ. М.

III. КРИТИКА.

*Критическій разбор Кантемировъ
възхъ сатиры.*

(Окончаніе.)

Вопшъ еще нѣсколько *мыслей*; онѣ потерпнупы извъ сатиры *о воспитаніи*. Вы увидите, что Кантемиръ имѣлъ самыя основательныя понятія о семъ важномъ предметѣ, и нѣкоторыя мысли его должны быты аксіомами для всякаго воспитателя.

Начало сатиры прекрасно. Это VII я, писанная къ Князю *Никитѣ Юрьевичу Трубецкому*: Еспли придетъ мнѣ въ голову увбрышь ханжу (говоритъ Сапирикъ), что онѣ однимъ постомъ и молишвою не войдетъ въ рай; то онѣ

Вспылавъ, ревность наградишь мою симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокосошь, суеться съ совѣтомъ.

И дѣло онѣ говоритъ; еще я придцашый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черновашый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сдѣлетъ;
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять до-
влѣтнѣ .

Сбдыхъ, пожилыхъ людей, кои чшущь съ очками,
И чущь при зуба сберечь могли за губами;
Кои помнящъ моръ въ Москвѣ, и, какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказующъ похода?

И въ самомъ дѣлѣ, какъ не бышь пому
совершенно умнымъ, кто *едва три зу
ба сберегъ за губами!* Свѣщъ упрямя, *и
продолжашъ Саширия*; онъ увѣренъ, что
всякой, считающій себѣ за шесъдесятъ
лѣтъ, *полннелъ умомъ трехъ моло
дыхъ*, котя извѣстно, что разумокъ не
всегда ждешъ старости. Но мало ли подоб
ныхъ заблужденій? Одинъ любитъ въ по
ступкахъ своихъ слѣдовать предписаніямъ
здраваго ума; другой, напрошивъ, не замѣ
чаетъ своихъ ошибокъ; а третій, и замѣ
чая ихъ, не имѣетъ силы бороться съ
упрямою силою, и всякой въ оправданіе
свое говорищъ, что Природы одолѣть не
возможно.

Испышалъ ли истинну онъ въ помѣ оспо
рожно?

Не знаю, Никиша, другъ, шо одно я знаю,
Что, ешъли я добрую лѣнивъ запускаю
Землю свою, оброщетъ худую правую;
Ешъли прилѣжно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ спашетъ,
И довольный плодъ отъ ней пошъ трудъ мой
достанетъ.

Каковобъ отъ Природы сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ кое злу не мало

Склонность уйдемъ, буде всю испребишь не
можемъ,

И утвердишься въ добръ доброму поможемъ:

Время шо сущь первыя младенчѣства лѣша.

Чудко ухо, зорокъ глазъ новый жишель свѣща

Пялишь, всяка вещь ему примѣшна, все ново

Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ гоново

Приняшь : что шуды вскользнешъ ; скоро вко-
ренишься ,

Буде руки приложишь повадка (привычка) пош-
щайся ;

На верѣвкѣ силою повадки шанцуемъ:

ПЕТРЪ Великій спарался ввеси въ Россію

воспитаніе : имъ заведены училища. Но

полезное часто бываетъ пренебрежено для

шого , что *ласкаетъ лакомымъ чув-*

ствамъ.

Кучу къ кучѣ прикопишь, домъ построишь
пышной ,

Развести садъ и заводъ, разчислитель лѣсѣ
лишней ,

Дѣшамъ ужъ богашое оставишь наслѣдство

Печемся, пошбемъ въ помѣ : каковожь ихъ
дѣшество

Проходишь, рѣдко на умѣ двумъ или шремъ
всходишь ;

И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходишь

Тысяча, малѣйшаго расхода жалбешъ

Къ насшавленію дѣшей ; когда же шалбешъ

Сынъ, въ возрастѣ пришедъ, отецъ шужишь
и смыдишься :

Напрасно вину свалишь съ плечъ своихъ онъ
шщипся :

Богашства сыну копилъ, презрилъ въ сердцѣ
нравы

Добры всѣяшь. Богашъ сынъ будешь , но безъ
 славы
 Проживешь, мало любимъ, и свѣтомъ презрѣнный,
 Буде въ пещю не вбѣжишь плушь ужъ совер-
 шенный.

Главное дѣло воспитанія состоишь въ томъ,
 чтобы, украшая умъ свѣденіями, сохра-
 нишь въ чистотѣ сердце, и дашь харак-
 теръ любезный :

Судъ прудной мудро рѣшишь, исчисляшь при-
 ходы

Проспранна Царства, сравнишь съ оными расходы
 Однимъ почти почеркомъ; въ безнахъ безо-
 пасный

Водныхъ предъизбираешь путь, гдѣ бури ужасны;
 Небесъ числишь всякаго удѣно свѣшила

Путь и бѣглость, и того сколь велика сила
 Надъ другимъ, въ швари всему знаешь ишту
 причину,

Мудрымъ звашься дашъ тебѣ, и можешь быть
 къ чину

Вышнему покажешь слѣдъ; народъ будешь цѣлый
 Искуснымъ вождемъ шя звашь, зря Царства
 предѣлы

Тобою разширены; и вражи раши
 И города шерпы въ прахъ: но буде уяши
 Не знаешь ярость швою, буде непріятель
 Къ тебѣ дошуй, и тебѣ плачь бѣдныхъ не
 вняшетъ;

Ежели волю швою не править смѣслъ правый,
 Словомъ, ежели швои развратны суть нравы,
 Дивишься станешь тебѣ; но любишь не станешь,
 Хвалы швои изъ его усщъ иужда попянешъ.

Пользы своей лишь въ тебѣ искашь онъ пош-
 щившя,

Гнушаясь собой; и той готовъ опщешись,
Толькобъ себя свалишь съ плечъ. Слава увя-
даешь

Твоя въ малъ часъ; позабышь человекъ бываетъ
Скоро ненавидимый, и мало жалбешъ
Кто объ немъ, когда ему черный день приспѣшетъ.
Добродѣшель лишь одна можетъ намъ доставить
Покою совѣшь, предѣль прихотямъ уславишь,
Повадишь шихо смотрѣшь щастья грудь и спину,
И неизбѣжную ждешь безспрашно кончину.

Привычку къ добру надлежитъ вкоренять
съ младенчества: ученость должна успу-
житъ чистоту нравовъ. Доброе сердце съ
просымъ умомъ гораздо лучше, нежели
оспроумѣе при испорченномъ сердцѣ.

Завсегда дѣшамъ твердя строгіе уславы,
Наскучишь; испребишь въ нихъ всяку любовь
славы,

Если часто предъ людьми обличаешь ихъ спа-
нешь:

Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде шанешь шоропишь лишно спѣша дѣло;
На единъ исправлять можешь ты ихъ спѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣшей ис-
правишь,

Нежь суровость въ цѣлой годъ; кто часто за-
ставитъ

Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ
загладитъ

Смѣлость, и безвременно шоропѣшь повадишь.
Щастливъ, кто надеждою похваля возбудишь
знаешь

Младенца; много къ шому примѣръ пособляетъ.
Относяшь къ сердцу глаза вѣсть уха скорле:

Примѣръ сильнѣ всякаго насшавленія. Дѣти, будучи весьма замѣчательны, умѣющъ и подражаятъ ими замѣчаемому ; насшавляй ихъ примѣромъ :

Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчешъ, ни надежда свесшь съ нея, ни спрахъ
ногу

Его не могли, въ своей должности онъ вѣренъ
И прилѣженъ, ласковъ, шихъ, и въ словахъ
умѣренъ,

Ни чьей бѣдности смотрѣшь сухими глазами
Не можешъ, сердцемъ даешъ, что даешъ ру-
ками.

Другой, гордостью надушъ, яросненъ, неща-
денъ,

Госовъ и опца предашь, къ большимъ мѣш-
камъ жаденъ,

Казну крадешъ Царскую, и шѣмъ, сломя шею,
Весь ужъ сѣдъ въ пещлю бѣжишь, въ казнь
должну злодѣю.

Въ томъ по щастью добрые примѣры скрѣпили
Совѣшь ; въ семъ примѣры злы оной испребили.
Ешьлибъ я сыновнюю имѣлъ уняшь скупость,
Описавъ злонравія, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказаъ бы ему, сколь Игнатій бѣденъ,
Надъ кучею злапа ; сухъ, печаленъ и блѣденъ,
Всякой часъ мучишь себя : мнишь ли ты ща-
спливу

Жизнь въ обильствѣ шакову ? Ешьлибъ чрезъ
чуръ щиву

Руку его усмотрѣлъ, пальцомъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидишь Клеархъ, и всю рассказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову чрезъ мѣру прокладну.

Всего болѣе надлежитъ бышь оспорожнымъ
въ выборѣ насшавниковъ, и опасаться, что-

бы дѣшми не были окружены такими людьми, которые могутъ повредить имъ своимъ характеромъ, своимъ образомъ мыслей и проч.; но сами родители въ особености должны имѣть чистую нравственность, чтобы дѣшми ихъ не были испорчены:

. . . . . Родителей злѣ

Всѣхъ примѣръ. Часто дѣшми были бы честнѣе,
Естьлибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ
знали

Собой владѣшь, и языкъ свой въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копился куча
Денегъ, и степень достаешь высоко, жизнь муча,
Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сдасняхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ щасливыми я зову лишь обильныхъ,
И сошью по въ часъ швердя, завидую сильныхъ
Своевольству я людей, и дружбу ихъ шщуся
Всячески снискаешь себѣ, убогимъ смѣюся:

А однакожъ шребую, чтобы сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобы смиренъ былъ и собою
воленъ

Зналъ обуздашь пошши, и съ одними знался
Благонравными, и шѣмъ подражашъ лишь
шщался.

По водѣ шогда мои вопще пишушъ вилы.
Домашнй, показанный часто примѣръ, силы
Будешъ важной, и ишни спанешъ сынъ пропою,
Котору прошопшану видишь предъ собою.

И еъ какимъ лицомъ журишь сына шы по-
смѣешь,
Когда своимъ насшавляешь его не умѣешь
Примѣромъ, когда въ тебѣ видишь шо всечасно,

Что винишь, и ищешь онъ, что хвалишь,
напрасно!

Естьли молодого машь рака обличаетъ
Кривой ходъ; „Прямо сама поди, ошъбчатъ,
„Я за побой поплыву, и подражатъ спану.“
Не лъзяль добрымъ бышь! будь зель, дѣшамъ
не къ изъяну;

Лучше же онъ всякаго убѣгатъ порока;
Естьли не лъзя, скрой его ошъ младенча ока.
Когда госпя ждешь къ себѣ, одинъ очищаетъ
Слуга явой дворъ и крыльцо, другой подме-
шаетъ

И убираетъ весь домъ, претій претъ посуду,
Ты самъ вездѣ суешься, обѣгаешь всюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтобъ не
встрѣшилъ

Глазъ госневъ малѣйшій соръ, чтобъ онъ не
примѣшилъ

Малѣйшу нечистоту; а ты же не щистишь
Побережь младенцевъ глазъ, ему не спыдишься
Открыть твою срамоту. Госпя ближе дѣши,
Большу бережь ты для нихъ долженъбы имѣши.

Представленные примѣры показываютъ
вамъ въ Кантемирѣ превосходнаго Филосо-
фа - Моралиста; мысли его ясны; онъ вы-
ражаетъ ихъ сильно и съ живоспѣю Спихо-
творца. Остаются представитъ нѣсколько
примѣровъ его искусства въ *описаніяхъ* и
въ *изображеніи характеровъ*. Филаретъ и
Евгеній разговариваютъ о благородствѣ (II
Садира). Евгений, досадуя на Форуну, ко-
торая благопріятствуетъ Туллию, Три-
фону и Дамойу, имѣющимъ не знающее

произхожденіе, изчисляешъ достоинства
своихъ предковъ и въ заключеніи *описыва-*
ваетъ славу своего покойнаго родителя :

Знашны ужъ предки мои были въ цар-
ство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не
сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамошъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадедова прадеда, чшобъ начашъ поближе,
Думнаго, Намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно шѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали спрой, какъ ломали валы,
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнишъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнишъ злу оспуду обидчикъ.
А башюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не спало,
Государства правое плечо съ нимъ оппало.
Какъ башюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна паскалася свита,
Что на день рно съ упра крестова набиша
Тѣми, которыхъ теперь народъ почиаетъ,
И ошъ которыхъ нашъ братъ милость ожи-
даетъ.
Сколько разъ, не смѣя шѣ приступать къ
намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда башюшка къ нимъ промолвишъ хоть
слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слѣзы у иново
Текли изъ глазъ сърадости, иной не спокоенъ

Всѣмъ наекучилъ, хвасая, что былъ онъ достоенъ
 Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
 Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
 Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
 Столь славны предки имѣвъ, забытымъ ос-
 шашься!
 Послѣднимъ видѣшь себя, куды глазъ ни вскину?

Спихопворецъ, выводилъ на сцену глупца,
 надушаго значностью; но не прудился опи-
 сывать его характеръ; ибо онъ самъ об-
 наруживаешь себя своими забавными рассу-
 жденіями. Какія преимущества значнаго
 вельможи наиболѣе прельщаютъ его душу?
 Онъ сказалъ только мимоходомъ о томъ,
 что его предки были:

Искусны въ мирѣ, въ войнѣ . . .

Но бапюшка его *всѣмъ верьхъ*; съ нимъ
отпало правое плечо Государства! Бывало,
 когда *выѣдетъ*, всякой бѣжилъ до-
 лой съ дороги; его дворецкому кланялись
 въ поясъ; его слово дѣлало счастли-
 вимъ на недѣлѣ того, кто удостоился
 его услышать. Нужно ли послѣ всего эпаго
 Спихопворцу сказывать своимъ чинаше-
 ламъ, что Евгеній его есть суепный глупецъ,
 неимѣющій понятія о прямомъ бла-
 городствѣ? Далѣе, Филаретъ описываетъ
 смѣшной образъ жизни Евгенія, въ пропи-
 воположность великимъ дѣламъ его предковъ:

Пошрись на оселку, другъ, покажи въ
чемъ славу

Крови собой, и швою жалобу бышь праву.
Пѣль пѣшухъ, вспала заря, лучи освѣтили
Солнца верьхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки швой, а ты подѣ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху шѣломъ и душою,
Грозно сопещь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Збвнешь, расшворишь глаза, выспишься до воли,
Тянешься, ужъ часъ другой нѣжишься, сжидаю
Пойла, что шлешъ Индія, иль везушъ съ Кипая,
Изъ посѣтели къ зеркалу однимъ спрыгнешъ ско-
комъ;

Тамъ ужъ въ понеченіи и шрудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ
чину.

Часть надъ лоскимъ лбомъ шорчаешь будущъ
сановишы,

По румянымъ часть щекамъ въ колечки завишы
Свободно спанушъ играшь, часть уйдетъ за шемя
Въ мѣщокъ. Дивишся щому спроенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарциссъ,
жадно

Глошаешь очьми себя, нога жмешся складно
Въ шѣсномъ башмакѣ швой, цолъ со слугъ
валишся,

Въ двѣ мозоли и шебѣ краса спановишся;
Избишь цолъ, и подѣ башмакѣ сперцо много
мѣлу.

Деревню вздвнешъ попомъ на себя ты цѣлу.
Не шолько шпоишъ народъ Римляновъ при-
стойно

Основашь, какъ выбрашь цѣбишь и парчу, и
спройно

Сшишь кафшанъ по правиламъ щогольшва и
моды;

Пора, мѣсто, и швои разсмотрѣны тоды,
 Чтѣобъ лѣшамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтѣобъ
 шебѣ въ образу
 Нѣжду зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
 Чтѣобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣшню пору
 шѣло,
 Чтѣобъ шафта не хвастала среди зимы смѣле;
 Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
 Какъ искусные поны всякаго дни звоны,

Вотъ изображеніе военачальника :

Много вышнихъ пребуещъ свойствъ чинъ все-
 воды
 И много разныхъ искусствъ; и входъ и исходы,
 И мѣсто годно къ бою видишь однимъ взгля-
 домъ.

Лишней безопасности не опоешь ядомъ,
 Оспрѣ, проницаешь враговъ шайные содѣшны,
 Временно предупреждаешь удобенъ навѣшны,
 О обильности въ своемъ щаборѣ печешься
 Неусыпно, и любовь ему предпочтешся
 Войска, и не будешь имъ за страхъ ненавидимъ;
 Опцемъ невинный народъ зовешь не обидимъ
 Его жадностью; врагамъ однимъ лишь ужасенъ;
 Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ;
 Не спѣшишь дѣло начашь, начавъ производишь
 Смѣло и скоро; не столь бѣгло Перунъходишь,
 Спращно гремя. Въ щасшии умбрень бышь
 знаешь,

Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдщѣхъ швердъ не
 унываешь.

Ты шѣхъ добродѣтелей, шѣхъ чущь имя знаній
 Слыхалъ ли? самыхъ числу дивишься шы званій,
 И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстишь смерщныхъ
 столь мнишь прудно.

Слѣдующее описаніе безразсудной заботливости нѣкопорохѣ спариновѣ весьма забавно :

Видѣлъ я столѣшняго старика въ постели, въ которомѣ лѣжа весь видѣ человека сѣбли, и на шрупѣ больше похожѣ; на бороду плюешь, однакожѣ дряхлой рукой и въ очкахѣ рисуешь. Что такое? вѣдь не гробѣ, чтобы ему къ спати; съ огородомѣ пышной домѣ, гдѣбѣ въ лѣто гуляши.

А другой, видя, что смерть грозитѣ ужѣ косою, не мысля, что здѣлался имѣешь съ душою, хоть чуть видяшѣ слабые бумагу ужѣ взгляды, начнешѣ писать похоронѣ своихѣ всѣ обряды, сколько Архинашпырей, поповѣ и причету Предѣ гробомѣ церковнаго, и сколько по щету Пойдешѣ за гробомѣ родни съ горькими слезами, съ какими и сколькими провожашѣ свѣчами, Гдѣ зарышѣ, и какой гробѣ, лампаду златую свѣспшѣ, или сребряну, и надпись какую Сочинишѣ, чтобы всякому давалѣ знать слогѣ
вняшный,
Что лежащій подѣ ней прахѣ былѣ господинѣ
знатный.

Вотѣ характеры гордеца *Иркана*, злословнаго *Созима*, льстеца *Трофима* и завистника *Зоила* :

Вѣ палашу вшедши Иркани, гдѣ много народу,
Раздвинешѣ всѣхѣ, какѣ корабль плывущѣ съ-
чешѣ воду,
И хоть бы зналъ, что много злата съ плечѣ
убудешѣ,
Нужно продраться впередѣ; позади не будешѣ.

Садись ли гдѣ за столъ, то то, то другое
Блюдо передъ себя подашь велишь, снѣшь иное;
Приходящѣ изъ его рукъ съ здоровьями кубки;
Зависѣшь опѣ его словъ всѣхъ должны поступки.
Распяливъ грудь, бровь поднявъ, когда знакъ
ши окомъ

Подасшь за низкой поклонъ, въ почтеньи
глубокомъ

Имѣешь шя; ибо съ кѣмъ проговоришь слово
Удастся не всегда, не всегда готово.

Мнишь онъ, что вещество то, что плоть
ему дало,

Было не шакое же, но нѣчто сіяло

Предъ прочими; и была ша фарфорна глина,
Съ чего онъ, а съ чего мы, навозная шина.

Созимъ смошря на него, злобно скалишь зубы,
И шепчущъ мнѣ на ухо ядовишы губы:

„Гораздобъ приличнѣ Иркани пропомою

„Помнилъ бабушку свою, и дѣда съ сумою,

„Умѣряя по семьѣ спрой свой и походку.

„Гораздобъ приличнѣ зашилъ себѣ глонку,

„Чшобъ хошя одинъ глупецъ обманушься спашномъ

„Его могъ, а не весь свѣшъ окрестилъ болваномъ.“

Созимъ дѣло говоришь; но Ирканибъ мочно
Дружеской подашь совѣшь, чѣмъ ему заочно
Насмѣхашься безъ плода; но овсѣхъ шакъ судишь

Спрого Созимъ. „Чисшую удачливо удишь

„Золошомъ мягкой Силванъ супругу сосѣда;

„У Прокофья голоденъ вышелъ изъ обѣда;

„Наша румяна, бѣла своими шрудами,

„Красоша ея въ ларцѣ лежишь за ключами;

„Клеменшей судья собой взяшься не умѣешь

„Ни за что, и безъ очковъ дѣяка честь не
шмѣешь.“

Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ
ближній кровный
Языкъ Созимовъ уняшь немогушь злословный.
Я несчастливый пошъ день себъ быть щипаю,
Когда мнѣ случится съ нимъ сойшись; иже

знаю,
Что какъ скоро съ глазъ его сойду, ужъ гошове
Столь злобноежь обо мнѣ будешь ему слово.

Сообществу язва онъ; но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языкомъ, и больше опа-
сенъ.

Можешь въ умныхъ клевета пороки заставишь
Нечувствительны предъ шѣмъ полезно испра-
вишь;

Трофимъ надсажаясь все хвалишь безъ разбору,
И множишь число глупцовъ. Вѣру даемъ скору
Похваламъ мы о себѣ, и въ сердце вскользая,
Испребяшь до корени, буде въ немъ какая
Крылась къ добродѣтели ревность многотрудна.

Самолюбиемъ душа ни одна не скудна,
И одиѣмъ свидѣшелемъ совершенно чаемъ
Хвальными себя, за шѣмъ въ пупи унываемъ.
Не успѣвъ Тимъ разтворить уснѣ, Трофимъ
дивился

Искусной рѣчи его; прилѣжно прудился
И самъ слушаешь, и другихъ къ тому при-
нуждаешь,
Боясь чихнушь или дохнушь, пока рѣчь сконча-
чаешь,

Котору мнѣ выслушать не лзя не зѣвая.
У Тима на ужинѣ пальцы полизая,
Небеснымъ всякой зовешь кусокъ, хоть про-
шивенъ

Ему, гадишь. Ни гдѣ онъ не видалъ столь дивенъ
Чинъ и спольку чистоту; все у Тима чудно
Въ домѣ, и самъ домъ почестъ раемъ ужъ не
шрудно.

Естьлибъ Типова жена Парису знакома
Была, Менелаева пряталъ пряху дома.
Всѣ до облакъ Типовы дѣла возвышаетъ,
Тышъ высморкашь носъ кривой весьма умно
знаетъ,
И не оплеченъ ему Тышъ одинъ: но равно
Всякому льстятъ, все ему чудно и преславно,
И мнитъ, что шѣмъ способомъ любимъ всѣмъ
бываетъ.

. . . . .

Невѣй босъ и безъ горшковъ изъ пошелъ
встанетъ
Пятью и десятью въ ночь осмопритъ прилжно,
Запершы ли окна всѣ и двери надежно,
На мѣстѣ ли кабинетъ, и сундукъ и ящикъ.
Сотью шлетъ въ деревню онъ извѣдать, при-
кащикъ
Не крадешъ ли за очьми; за дворецкимъ ходитъ
Самъ тайно въ рядъ; за собой слугъ своихъ не
водитъ,
Чтобъ, гдѣ беретъ, гдѣ кладетъ онъ деньги,
не знали.
Копелъ сосѣду ссудилъ; потчасъ думы вспали,
Что слуга уйдетъ съ кошломъ, потчасъ шлетъ
другого
По пятамъ за нимъ сморѣтъ, и спустя немного,
Пришло въ умъ, что самъ сосѣдъ въ кошахъ оп-
перешся
Можетъ; ворошитъ слугу прешій уже плещя.
Вскинетъ ли глазъ на кого жена ненарочно,
Невѣй чаешъ, что шомъ ужъ ожидаетъ мочно
Все отъ жены, и за шѣмъ душу свою мучитъ;
Дѣшей мать долги копишь пошаенно учитъ;
Другъ шепчетъ о чемъ съ другимъ, Невѣю на-
вѣшы

Спрячьшь, или смѣются тѣ. Мѣряешь ошавшы
Долго на всякой вопросъ, бояся обмана
Во всемъ; подозрителенъ весь свѣтъ, и изъяна
Вездѣ опасается. Въ такомъ непрестанно
Безпокойствѣ жизнь свою нуришь скаянно.
Лѣтъ на такомъ не хошѣлъ принять договорѣ
Ни самой Царской престола; скучилоу мнѣ
вскорѣ

И царско шило. Суму предпочли въ покоѣ,
И бѣдство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревогѣ, волненію ума непрестанну,
Хоть бы въ богашство вели, въ славу неска-
занну :

Часто бышь обманушымъ предпочшу конечно,
Нежелъ недовбріемъ мучить себя вѣчно.

Не меньше мучишь себя Зоиля нашъ угрю-
мый :

Что ни видишь у кого, то новыя думы,
Нова печаль, и не спишь бѣдный цѣлы ночи.
Недавно закинувъ онъ завистныя очи

Въ сосѣдней дворѣ, и видя, что домишко
спроишь,

Которой хоть дорого цѣнишь, ста не споишь
Рублей, поблѣднѣлъ весь вдругѣ, и въ себѣ не
воленѣ,

Горячкою заболѣвъ, по сю пору боленѣ.

У бѣднаго воина, что съ двадцать лѣтъ слу-
жишь,

Ощупавъ въ карманѣ рубль, еще шеперь шужишь.

Удалось ли кому въ чинѣ неважной добишься,

Хваляшь ли кого, ворчишь и злобно дивишься

Слѣпому суду людей, что свойства столь плохи

Высоко цѣнишь. Въ чужихъ рукахъ хлѣба крохи

Большимъ ломшемъ кажутся. Суму у убогихъ,

Бороду у чернеца завидишь, и въ многихъ

Случаяхъ . . . да не пораль, Муза моя, губы

Прижавъ, кончишь нашу рѣчь? . . .

Сихъ примѣровъ весьма довольно для того, чтобы имѣть ясное понятіе о стихотворномъ искусствѣ и дарованіи Кантемира. Какъ Сапирикъ, онъ занимаетъ можеть средину между Гораціемъ и Ювеналомъ. Онъ не имѣетъ той живоспи, того пріятнаго остроумія, той колкой, но при томъ неоскорбительной насмѣшливосты, какую мы замѣчаемъ въ Гораціѣ; но онъ имѣетъ его Философію, и съ такимъ же чувствомъ говоритъ о простотѣ, умеренности и тѣхъ веселыхъ досугахъ, которые мы, не будучи обременяемы посторонними заботами, посвящаемъ удовольствію и размышленію — и въ самыхъ обстоятельствѣхъ жизни имѣетъ онъ нѣкоторое сходство съ Гораціемъ: и тотъ и другой жили у Двора; но Горацій какъ простой зритель, а Кантемиръ, какъ зритель и дѣйствующій. Горація удерживала при Дворѣ благодарность къ Мecenашу; а Кантемира важнѣйшія дѣла государственныя. Для перваго Стихотворство было занятіемъ главнымъ, для послѣдняго было оно вдохновеніемъ. Горацій думалъ единственно о томъ, какъ наслаждаться жизнью: разнообразіе удовольствій оживляло и самое воображеніе Стихотворца; Кантемиръ, будучи обремененъ обязанностію Государственнаго человека, наслаждался болѣе одною мыслию. Философія перваго живѣе, и мысли болѣе согрѣты пламенемъ чувства: говоря

Природѣ, онѣ восхищаетъ васъ прелестными описаніями Природы; онѣ увлекаетъ васъ за собою въ сельское свое уединеніе; вы видите роицы его, слушаете вмѣстѣ съ нимъ пѣніе пшницъ и журчаніе испочника; Философія послѣдняго не такъ прогашельна: онѣ разсуждаетъ о пѣхъ же предметахъ, но съ важностію мыслящаго человека; онѣ говоритъ о посредственности, спокойствіи, беззаботности, какъ добрый Философъ, испинно чувствующій всю ихъ цѣну; но пользующійся ими весьма рѣдко. Въ слогахъ имѣетъ онѣ, если не ошибаюсь, болѣе сходства съ Ювеналомъ: и пошъ и другой богаты описаніями, и пошъ и другой иногда упоминаетъ насъ излишнимъ обиліемъ; но всѣ описанія Римскаго Сатирика носятъ на себѣ отпечатокъ его характера, суроваго и гнѣвнаго; Ювеналъ съ намбреніемъ увеличиваетъ по безобразію, которое хочешь сдѣлать для насъ отвращительнымъ; но пѣмъ самимъ, можетъ быть, уменьшаетъ и нашу къ себѣ довѣренность; Кантемиръ умбреннѣе и безприсрастяѣе: онѣ описываетъ то, что видитъ и какъ видитъ; онѣ смѣшитъ чаще, нежели Ювеналъ, и почти никогда не печаливаетъ бесполезнымъ изображеніемъ отвращительныхъ ужасовъ. И въ самыхъ планахъ своихъ Кантемиръ имѣетъ болѣе сходства съ Ювеналомъ, нежели съ Горациемъ: характеръ послѣдняго есть непри-

нужденность и разнообразіе; характеръ Ювенала порядоѣ — такой же порядоѣ находимъ и въ Кантемировыхъ планахъ: ешьли, на примѣрѣ, Саширикъ начинаешъ разсуждашъ, по уже во все продолженіе Саширы не перемѣняешъ тона, и переходишъ безъ великихъ скачковъ ошъ одной мысли къ другой; начиная изображашъ характеры или описывашъ, онъ вводитъ васъ, шайъ сказашъ, въ галерею поршрешовъ, разсавленныхъ въ порядѣ, и показываешъ ихъ одинъ за другимъ: все это, върошно, могло бы произвести нѣкоторое однообразіе, когда бы Саширикъ не имѣлъ истинно стихотворнаго слога, не оживлялъ своихъ разсужденій картинами и не былъ живописецъ превосходный.

Въ стихахъ его нѣтъ никакого опредѣленнаго размѣра: шайна спопосложенія не была еще въ его время ошрыша Рускимъ. Саширы всѣ вообще писаны стихами, изъ шринадцаши слоговъ состоящими; каждый оканчивается хореемъ. На примѣрѣ:

о — о о о — о — о — о — о
 Наскучило уже мнѣ жить въ господскомъ *дажѣ*,
 о — о о о — о — о — о о — о
 Гдѣ щасныѣ людей расшешъ на слабой *соложѣ*!
 (*Сатира пятая*).

Одно посланіе и Лирическія Пѣсни писаны одинадцаши - сложными стихами и съ римами чрезъ стихъ. На примѣрѣ:

Что завтра будетъ, искашь не крушися;
 Всякъ настоящій день даръ быть щитая
 Себѣ полезенъ, и инымъ пошцимся
 Учинишь, выше наслѣдство жадаа.

О прочемъ помыслъ Ошцу всемогущу
 Ославъ, Кошорый съ облакъ устремляетъ
 Перуны грозны и бурю ревуцу;
 Тучу въ пріятно ведро обращаетъ.

Пѣснь II.

Въ прешней Пѣсни послѣ прехъ одиннадца-
 ти - сложныхъ стиховъ слѣдуетъ четвер-
 тый шести-сложный. Мы выпишемъ ея всю:

Того вы мужа, что пріятна зреше
 Лицемъ, что въ сладкихъ словахъ, клянясь Не-
 бомъ,
 Дружбу сулишь вамъ, вы, друзья, бѣгите!
 Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.

Если бы сердце того видѣшь можно,
 Виднобъ, сколь злобна мысль, хощь мянся правя
 Того пошупки, и сколь ошорочно
 Свои шайшь нравы.

Помочи въ нуждахъ ошъ него не ждише,
 Одному шолько онъ себѣ радѣешъ;
 Обязашъ службой себѣ не ищише,
 Забывашъ умѣешъ.

Что у другаго въ рукахъ ни увидишь,
Лишьно чрезмѣрно въ рукахъ твоихъ бытъ чаешь,
И беспокойнымъ сердцемъ по завидишь;
Все себѣ желаешь.

Когда вредитъ кто, кому лишь сможешь,
Вредитъ безъ всякой бѣдному причины;
Сильно въ несчастье впадшему поможешь
Доспичь злой кончины.

Ни старость честна, ниже святость сана,
Ни слабость пола языкъ обуздаши
Его не можешь; вся суть имъ поправа;
Всѣхъ облакъ пятнаши.

Кому свое съ нимъ щастіе благое
Не дало знашься, тошь хуль убѣгаешь.
Божіе имя щадитъ онъ Святое,
Что Бога не знаешь.

О Царю небесъ, иже управляешь
Тварь всю, Твоими созданну руками!
Почто въ немъ наши язвы продолжаешь?
Просимъ со слезами.

Пусти нань быстры съ облакъ Твои стрѣлы,
Законоломцамъ скованны въ погибель,
И человѣчскъ радостенъ родъ цѣлый
Узритъ его гибель.

Кантемиръ написалъ еще нѣсколько Басенъ
и Эпиграммъ. Чпобъ заключишь пріятнымъ
образомъ, мы выпишемъ его прекрасное По-
сланіе къ своимъ стихамъ, написанное въ
подражаніе Гораціеву :

— о — о — о — о — о — о — о —
 Скученъ вамъ, стихи мои, ящикъ, десять цѣ-
 лыхъ

Гдѣ вы лѣшѣ поскучете въ пѣни за ключами;
 Жадно воли просите, льстите себѣ сами,
 Чшо примешѣ весело васѣ всякѣ гостей весе-
 лыхъ,

И взлюбилъ, своей ища пользы и забавы;
 Чшо много и вамъ, и мнѣ доспанете славы.
 Жадно волю просите, и ваши доуки
 Нудяшѣ меня дозволяшѣ шо, чшо вредно, знаю,
 Намъ будешѣ; и не хощя, вошѣ ужѣ дозволяю
 Свободу. Когда изъ рукѣ пойдете ужѣ въ руки,
 Скоро вы раскаешесь, чшо сносишѣ не знали
 Темношы, и чшо себѣ лишно вы ласкали.

Славы жадность, знаю я, многимъ носѣ разбила:
 Пока въ васѣ цвѣшѣ новости лесной не увя-
 нешѣ,

Народѣ, всегда къ новости лакомѣ, чшйшѣ васѣ
 спанешѣ,

И умнымъ понравится голой правды сила.
 Паль ли шощѣ цвѣшѣ? Большая часть чшущихъ
 васѣ присудилъ,

Чшо продержосный мой умъ въ васѣ безпутно
 блудилъ.

Безспройнымъ злословіемъ назовушѣ васѣ смѣло,
 Хощѣ гораздо разнишѣя злословіе гнусно

Ошѣ стиховѣ, кои злой нравѣ пяпнаюшѣ ис-
 кусно,

Злонравнаго охраня имя весьма цѣло.

Меня межѣ бодливыми причисляшѣ быками;
 Мало кто склоненѣ смотрѣшѣ чистыми глазами.

Другіе, чшо въ шакомѣ я трудѣ упраж-
 нялся,

Ни возрасту своему приличномѣ, ни чину,

Хулишь спанушь; годенъ всякъ къ похулкѣ
 причину
 Сыскашь, и не пощадишь того, кой спарался
 Прочихъ пороки опкрышь. Спанеше напрасно
 Вы внушаешь, и доводишь словомъ своимъ ясно,
 Чшо молодыхъ лѣтъ плоды вы не уцербили
 Ни малаго мнѣ часа къ другимъ дѣламъ нужнымъ;
 Чшо должностъ моя всегда нашла мя досужнымъ;
 Чшо полезны иногда подобныя были
 Людямъ спихи. Лишній часъ, скажушь,
 имѣшь шрудно,
 И спихи писашь всегда дѣло безразсудно.

Зависшь васъ пошевели, найдешъ, чшо я
 новыхъ
 И древнихъ окралъ шворцовъ, и чшо вру по Руски
 То, чшо по Римски давно ужъ и по Французски
 Сказано краснѣе. Не чудно сѣ, гошовыхъ
 Сшиховъ, чаешъ, здраваго согласна сѣ закономъ
 Смысла, мѣрны двѣ шпроки кончишь шѣмъ же
 звономъ.

Когда ужъ засаленымъ вдругъ вамъ время
 пройдетъ,
 Подъ пылью, моли на кормъ кинушы, забышы
 Гнусно лежашь спанеше, въ одинъ свершокъ
 свишы,
 Иль сѣ Боею, иль сѣ Ершомъ; и наконецъ дой-
 дешъ
 (Буде пророчешва духъ служишь мнѣ хопъ
 мало)
 Вамъ рокъ обвершѣшь собой иль икру, иль сало:
 Узнаеше вы погда, чшо поздно ужъ сѣши
 Боишся рыбка, когда въ сѣшь уже попалась;
 Чшо, сколь ни сладка своя воля имъ казалась,
 Не безъ вреда своего презирающъ дѣши

Совѣты опцовскіе. Въ рѣчахъ вы признайте
Послѣднихъ моихъ любовь къ вамъ мою. Про-
щайше.

Ж.

IV. С М Ъ С Б.

Козы кормилицы на островѣ Маль- пѣ.

Египетскому Царю Псамметиху, пишешъ Геродотъ, вздумалось узнать по опыту, ка-кимъ языкомъ спанушъ говоришъ двое дѣтей, воспитанныхъ внѣ общества и никогда неслыхавшихъ голоса человеческого.

Приказано было нѣкопорому пасуху вскормишъ двухъ младенцовъ, неговоря передъ ними ни слова, и пошомъ донести Царю, какими звуками начнушъ извѣсняясь юныя сдѣшворенія.

Въ древнія времена пасухи были знатные чиновники при дворахъ царскихъ, и можешъ бышъ равнялись нынѣшнимъ Оберъ-Шшамейстерамъ. Подъ ихъ вѣдомствомъ состояли богатые доходы царскіе, получаемые онѣ многочисленныхъ стадъ пасущейся скотины. Велхозявшные Паптріархи были пасухи и *смирры*, или пасухи княжескаго до-

споинства. Въ Гомеровой Одиссеи Еммеіосъ, *божественный пастухъ* — такъ величаетъ его самъ пѣнопѣвецъ — представляеть важное лице при дворѣ царя Иеакскаго.

Египетскій пастухъ, или можеть быть начальникъ паспуховъ, взявши дѣшей, заперъ ихъ въ опдѣленной жижинѣ, и приводилъ къ нимъ дойную козу, копорая служила для нихъ и кормилицею и шоварищемъ.

Долгое время дѣши оставались безгласными. Напослѣдокъ, по прошествіи многихъ мѣсяцовъ, малютки выучившись ползашъ и ходишъ, когда опекунъ пришелъ навѣсмишъ ихъ, протянули къ нему свои ручки, и просящимъ голосомъ закричали: *векосъ, векосъ!*

Пастухъ шотчасъ донесъ о томъ Государю. При дворѣ начали доискивашъ и спрашивашъ какъ у своихъ, такъ и у чужестранцовъ, какому языку принадлежишъ слово *векосъ*, и что оно значишъ? Открылось, что на Фригійскомъ языкѣ значишъ оно *хлѣбъ*. Тогда Египетской Монархъ объявилъ (въ-рояшно далъ указъ Академіи наукъ, изъ общества жрецовъ соспоявшей), что надлежишъ почишашъ Фригійской языкъ первоначальнымъ или природнымъ языкомъ человѣческимъ.

Не скорбе ли подумашъ можно, что дѣши бляніемъ кормилицы своей, а не нашурою научены произносишъ *векосъ*? Кто какъ хочешъ, пускай такъ и судишъ; а я при семъ случаѣ расскажу чипашелямъ другую исторію, слышанную мною отъ нѣкопорого духовнаго Коммандора Мальшійскаго ордена.

На островъ Мальшѣ, куда стекается множество народа изъ странъ восточныхъ и западныхъ, учрежденъ былъ прекрасной воспитательный домъ для младенцовъ, оставляемыхъ своими родителями. На передней сторонѣ его видна была значительная надпись: *Infantium incoluntati*. Въ ономъ домѣ принимаемы были несчастные младенцы всѣ безъ извѣстїя; ихъ клали въ ящикъ, копорой по звону колокола вверхъ поднимался. Въ числѣ приносимыхъ дѣшей были и законнорожденные; ибо отъ чрезвычайной плодородности женщинъ и отъ кротости правленія жили до того размножились, что на пространствѣ, имѣющемъ въ окружности 21 часъ бѣды, людей считалось *ста пятьдесятъ тысячъ*. Многие изъ просолюдимовъ, при всемъ обилїи способовъ къ пропитанію семейства, по безсовѣстности уклонялись отъ долга кормить дѣшей своихъ, и обременяли ими правительство.

Въ семъ воспитательномъ заведенїи держали кормилицъ, когда можно было сыскать ихъ; въ прошивномъ же случаѣ вмѣсто женщинъ употребляли козъ, копорыхъ цѣлыя стада паслися на утесахъ, и копорыя исправляли должность кормилицъ. Да и мудро ли? развѣ Юпитеровой кормилицею не была коза Амалея, вынѣсіящая на небѣ въ числѣ созвѣздій?

На каждую козу доставалось по два младенца. Возвращаясь съ пастбища, козы прямо бѣжали въ комнаты къ дѣшамъ, и пошчасъ начинали кормить ихъ молокомъ своимъ.

Странно, что сіи рогащія кормилицы никогда не ошибались въ распознаванїи дѣшей и

всегда исправно удовлетворяли ихъ нуждамъ. Когда на примѣрѣ одно дитя уже насытилось, а другое кричало; кормилица оставя первого, перебѣгала къ другому и подавала ему шишку. Я всегда бывалъ распротоганъ до глубины сердца, говорилъ старой Коммандорѣ, видя столь нѣжныя попеченія живошнаго о человѣкѣ; по должности моей и по препорученію отъ начальства часто осматривалъ я сей воспитательной инстипушъ, и каждой разѣ прославлялъ всеблагое Провидѣніе, которое для гордаго, но слабого при рожденіи властелина шварей предназначило бытъ питательницею столь низкое живошное.

Козьи питомцы большею частію удавались лучше женскихъ. Когда выходили они изъ подъ присмотра своихъ рогашихъ кормилицъ и причены бывали къ опряжности; въ то время правительство начинало приготавливать ихъ къ тому, чтобы сдѣлались они полезными членами общества. — Вошъ что слышалъ я отъ стараго Коммандора!

Въ прочемъ самъ я видѣлъ примѣры, что живошныя, совершенно разнородныя и по естеству своему непріятельныя между собою, питающъ другъ друга. У одного пріятеля моего была гончая сука, кошорая не только питала молокомъ своимъ маленькаго оленя, но и оброчала его отъ другихъ собакъ, когда онѣ нападали на сего усыновленнаго ею малюшку. Я видѣлъ также кощенка, кошорому сука дозволяла сосать свою шишку,

Повсюду Нашура благошворительна для безпомощныхъ шварей; только человѣкъ, ис-

порченный худымъ воспишаніемъ и служащій идолу своекорыстія, поштупаешъ несправедливо.

Случилось мнѣ видѣть рисунокъ въ Райналевыхъ сочиненіяхъ, если не ошибаюсь, представляющій Нашуру въ видѣ прекрасной женщины, которая держитъ у груди своей маленькаго негра и благаго младенца; она плачетъ и закрываетъ себѣ лицо; близъ нее бѣлые колонисты побоями заставляющъ несчастныхъ негровъ работашъ. Можно ли равнодушно сморѣть на сію картину!

Изъ Нѣмецк. Журн.

Московскія записки.

На сихъ дняхъ скончался въ Москвѣ Надворный Совѣтникъ Василий Пепровичъ Ивановъ. Съ 1780 года по нынѣшній 1810, слѣдовательно въ продолженіе 30 лѣтъ, непрерывно исправлялъ онъ съ величайшимъ постоянствомъ званіе Издашеля Вѣдомостей Московскихъ, въ которыхъ всѣ политическія спашья были переводимы или сочиняемы имъ. Онъ былъ человѣкъ почтенный по своему характеру, миролюбивый, добродушный, услужливый. Главное занятіе его состояло въ изданіи Вѣдомостей Московскихъ; сверхъ того занимался онъ и переводами книгъ. Университетъ сожалѣетъ объ немъ, какъ о чловѣкѣ прудолюбивомъ, который всегда былъ почемъ въ исполненіи возложенной на него обязанности, и который, отъ долговременнаго навыка, умѣлъ исполнятъ ее лучше и скорѣе, нежели

другіе: онѣ зналъ нѣскольکو языковѣ и имѣлъ многіа основательныя свѣденія. Семейство лишилось въ немѣ добраго отца, а знакомые любезнаго и пріятнаго собесѣдника.

В.

~~~~~

Письмо къ Издателямъ.

Я радовался, читая въ издаваемомѣ вами Журналѣ нѣскольکو извѣстій о добродѣтельныхъ поступкахѣ любезныхъ соотечественниковѣ нашихъ, и въ то же время крайне сожалѣлъ, что самѣ не могѣ сообщить вамѣ ничего подобнаго. Нынѣ открылся мнѣ случай удовольствовать моему желанію. Покорнѣйше прошу васѣ, Милостивые Государя, сдѣлать Героя моего подвиги извѣстными чрезѣ ваше Изданіе, ежели найдете вы ихѣ того достойными.

Описываемый мною Герой есть С. Пешербургскій 3й гильдіи купецѣ, Максимѣ Алексѣевичѣ Алексѣевѣ; но онѣ не всегда принадлежалѣ къ сему сословію, а былѣ и въ самомѣ дѣлѣ Героемѣ. Вошѣ его исторія въ короткихъ словахѣ :

Онѣ родился Вологодской Губерніи, Сямской волости, въ деревнѣ Сухолжинѣ, и когда пришелѣ въ совершенный возрастѣ, то по очереди отданѣ былѣ въ рекруты и взятѣ въ мапросы. Это было въ 1774 году. Начальники, видя въ немѣ ревность къ службѣ, разпорочность, неуспрашимость, произвели его въ сержантской чинѣ. Наконецѣ за поврежденіемѣ ноги онѣ не могѣ болѣе продолжати службы.

Хотѣли отпустить его Офицеромъ; однакожъ онъ отказался отъ сей почести, остался въ прежнемъ своемъ званіи, и по увольненіи пошелъ съ Христовымъ именемъ на свою родину, надѣясь отпашокъ дней своихъ провести въ ней съ большею пріятностію. Но увидѣвъ совершенно шому прошивное, увидѣвъ и пріемъ неблагоприятный и разныя прищѣсенія, отправился обратно со слезами и съ сокрушеннымъ сердцемъ въ Пешербургъ. Тамъ Господь помогъ ему — какъ будто нарочно для того, чтобы доставить случай опустить недоброжелателямъ его благодѣніемъ. Максимъ Алексѣевичъ служилъ въ Пешербургъ у купцовъ прикащикомъ, и отдавая получаемое отъ нихъ жалованье въ шоръ, нажилъ черезъ нѣсколько времени довольно хорошее состояніе. Онъ женился на крестьянкѣ, которой досталось въ наслѣдство послѣ одного Лейбкампанца тридцать душъ; но помѣстьемъ своимъ пользовался не долго — не продалъ его по словамъ закона въ шесть мѣсяцовъ, а опустилъ всѣхъ крестьянъ на волю. Потомъ, входя въ разные подряды, умножилъ свои доходы; и занялся въ купечество. Стараясь во всю свою жизнь дѣлать добро, онъ считалъ первѣйшимъ удовольствіемъ освобождать содержащихся въ шюрмахъ за долги, уплачивая пребуемую съ нихъ несчастныхъ сумму. Послѣдній поступокъ его — я говорю послѣдній потому, что это случилось на сихъ дняхъ — состоялъ въ слѣдующемъ: Онъ выкупилъ у нынѣшняго помѣщика деревню Сухолжино за четырнадцать тысячъ рублей, и крестьянъ, поступившихъ съ нимъ такъ недружелюбно, опустилъ въ *вольные землящцы*. Въ воздаяніе же себѣ за такую милость взялъ съ нихъ обязательство

вещи порядочную и презвую жизнь. Не знаю, сохраняшѣ ли крещьяне сіе условіе; но вѣрно знаю, что поступки подобныхъ описанному мною случаяшся весьма рѣдко. Честъ имѣю бышь и пр.

Вологда. 1 Марша, 1810.

Николай Остололовъ.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Нѣкошорые изъ Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ Миниспровъ перемѣнили свое назначеніе: Г. Тайный Совѣтникъ, Баронъ Спрогановъ, прежде бывшій полномочный Миниспръ при Гишпанскомъ Дворѣ, опозванъ для упошребленія по другимъ дѣламъ; мѣсто его засупилъ находившійся въ Касселѣ чрезвычайнымъ Посланникомъ, Г. Генералъ-Майоръ Князь Репнинъ, кошораго званіе возложено на Г. Дѣйствительнаго Каммергера Яковлева, бывшаго Миниспромъ въ Студгардѣ, куда опшравляется Г. Баронъ Мальшицъ, Тайный Совѣтникъ. Мѣсто Г. Тайнаго Совѣтника Бибикова, находившагося при Дворѣ Неаполишанскомъ, займетъ Г. Тайный Совѣтникъ Давыдъ Алепеусъ въ качествѣ чрезвычайнаго Посланника.

Ф р а н ц і я.

Для пребыванія Двора въ продолженіи весны назначенъ Компіень. Принцъ Нюшательскій долженъ прибышь въ Вѣну 2го Марша; 4го Марша Принцесса Марія Луиза, невѣста Еге Величества Императора Наполеона,

произнесѣтъ торжественное опреченіе отъ всѣхъ правъ на наслѣдство Австрійскаго Престола; а 5 го будетъ совершенно бракосочетаніе во имя Наполеона; 8 го должно послѣдовать отбытіе Ея Высочества, а 13 го надлежитъ ей уже прибыть въ Браунау, на границу Австріи. Супружескій договоръ, за подписаніемъ Императора Наполеона, былъ привезенъ въ Вѣну 14 Февраля Флоретомъ, Австрійскимъ Секретаремъ Посольства, и ратификація Императора Франца отправлена была немедленно въ Парижъ съ Кабинетъ - курьеромъ Байеромъ. Всѣми приготовлениями для принятія Высокой невесты въ Парижъ, гдѣ будутъ даны по случаю бракосочетанія блестящіе праздники, занимается Королева Неаполитанская. Ея Величество встрѣтитъ Принцессу Марію въ Страсбургѣ и будетъ провожать ее въ Компіень, гдѣ Его Величество, Императоръ Наполеонъ, намѣренъ ее дожидаться. Увѣряютъ, что Королева Неаполитанская наименована Обергофмейстериною Дома новой Императрицы. —

Засѣданіе Сената 20 Февраля ознаменовано слѣдующимъ важнымъ постановленіемъ :

Первый титулъ. О присоединеніи Римской области къ Французской Державѣ. Римская область навсегда присоединяется къ Франціи, и будетъ составлять одну изъ главныхъ ея частей; она должна состоять изъ двухъ Департаментовъ: *Римскаго и Трапезенскаго.* Городъ Римъ есть второй во всей Имперіи. Меръ города Рима присутствуетъ при возшествіи на престолъ Императора. И онъ и Депутаты Рима занимаютъ первое мѣсто послѣ Мера

и Депушановъ Парижскихъ. Императорскій Принцъ имѣеть титулъ и пользуется всѣми почестями *Короля Римскаго*. Императоръ, послѣ своего коронованія въ Парижѣ, долженъ быть *исторично* коронованъ въ Римѣ. Городъ Римъ будетъ имѣть особенныя привилегіи.

Второй титулъ. О томъ, что Императорскій престолъ не зависитъ ни отъ какой власти на землѣ. Никакое постороннее владычество не должно быть во внутренности Имперіи соединено со властію духовною. Папы получаютъ Папское достоинство только подъ присягою, что они никогда не будутъ помышлять объ опмѣненіи чепырехъ предложеній, принятыхъ въ Духовномъ соборѣ 1632 года и долженствующихъ быть общими для всѣхъ Католическихъ церквей Имперіи.

Третій титулъ. О свѣтскомъ бытіи Папъ. Въ разныхъ провинціяхъ Имперіи назначены будутъ для Папы резиденціи: одна необходимо должна быть въ Парижѣ, другая въ Римѣ. Папа получаетъ два миліона дохода съ помѣстьевъ, находящихся въ разныхъ же провинціяхъ Имперіи. Издержки на содержаніе Кардинальскихъ Коллегій окупаются на опчещѣ Императора.

Четыре предложенія, о которыхъ сказано выше, суть слѣдующія: і. е. Ни Пепръ, ни его наследники не получили отъ Бога никакой земной власти, ни по-

средственной, ни непосредственной. 2 е. Галликанская Церковь согласуется съ Соборомъ Констанскимъ, который объявляетъ всякой Вселенскій Соборъ превышающимъ Папу во власти духовной. 3 е. Правила, обычаи, обряды, принятыя въ Королевствѣ и въ Церкви Галликанской, должны оспастыся неизмѣняемыми. 4 е. Опрежденія Папы во всемъ томъ, что касается до вѣры, тогда только положительны бытъ могутъ, когда утвердишь ихъ Церковь.

И с л а н і я.

Герцогъ Беллуно (Викторъ) вступилъ въ Севиллу, а Генералъ Себастьяни въ Гренаду. 9 и 8 Корпусы заняли Бургосъ и Валладолидъ, откуда, соединившись съ 6 корпусомъ, они пойдутъ въ Португаллю. Инсуррекціонная Юнта находится на островѣ Леонъ. Чиновники, ее составляющіе, собираются въ Америку. По однимъ извѣстіямъ, они вступили въ переговоры, а по другимъ, взяты уже подъ стражу.

15 Марта.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 7. А П Р Ъ Л Ъ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Османъ и Замбри.

(*Восточная сказка.*)

Одинъ престарѣлый Персїянинъ при концѣ безпорочной жизни безпокоился о участи дѣшей своихъ, которыхъ оставлялъ почти нищими, безъ всякаго покровительства. Старшему минуло уже двадцать лѣтъ; его называли Османомъ; а Замбри, меньшей, былъ двумя годами моложе своего брата.

Наступила послѣдняя ночь старца; но онъ менѣе занимался мучительною болѣзнію своею, нежели мыслями о горестномъ состояніи покидаемыхъ имъ сиротъ. Вдругъ слышится ему тихій, прїятный голосъ; кто-то говоритъ: „Не спрашайся ничего, доброй спарецъ; я буду покровителемъ твоихъ

дѣшей; умирай спокойно! я принесъ имъ полезные дары. Принявъ ихъ отъ меня, они должны разлучиться, но черезъ нѣсколько времени они опять будутъ вмѣстѣ. „Пріятный запахъ, яркой свѣтл., подобной сѣннѣю мѣсяца, наполнили хижину; глазамъ изумленнаго спарца представился образъ юноши, привлекательный, воздушный — то былъ его благошворный Геній; онъ положилъ дары свои на постель умирающаго, и скрылся.

Старикъ призываетъ своихъ сыновей, велитъ имъ зажечь лампаду; описываетъ свое видѣніе и показываетъ дары благодѣтельнаго духа. Молодые люди увидѣли золотую, весьма блестящую коробочку и письмо, запечатанное печатью. „Приблизься, Османъ, сказалъ старикъ, ты спаршій, тебѣ выбирать первому.

Османъ, ослѣпленный блиспаніемъ коробочки, выбралъ ее, а бѣдной Замбри принужденъ былъ довольствоваться преспымъ запечатаннымъ письмомъ. Старикъ обнялъ дѣшей, благословилъ ихъ и умеръ спокойно, подобно чловѣку, засыпающему въ обвѣщаніяхъ надежды.

Оплакавъ искренно добраго опца, и отдавши послѣдній долгъ праху его, братья захошѣли испыщать, какую пользу могутъ

принесли имъ подарки духа. Османъ открылъ свою коробочку и увидѣлъ, что она была наполнена сахарными лѣпешечками разнаго цвѣта и величины. Спранной подарокъ! подумалъ онъ, разсмащивая коробочку. Вдругъ видя на крышкѣ ея слѣдующую надпись: *всякой разъ, когда ты съѣшь одну изъ сахарныхъ лѣпешечекъ, въ воображеніи твоёмъ родится поэма, совершенная по плану, важная, или пріятная, или забавная по содержанію и слогу — словомъ, ты превзойдешь всѣхъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ Персидскихъ.*

Османъ былъ самолюбивъ: обладаніе такимъ сокровищемъ вскружило ему голову; мечты о будущемъ богатствѣ и славѣ наполнили его воображеніе.

Увидя подарокъ, сдѣланный брату, Замбри не сомнѣвался, чтобы въ его письмѣ не заключалась какая нибудь чудесная шайна. Срываетъ печать, и что же? Какъ выразишь его удивленіе и горечь! Замбри читаетъ слѣдующее: *Записка о составленіи шербета.* Въ нѣсколькихъ строкахъ описано было средство, еще неизвѣстное сластолюбивымъ Азіатцамъ, дѣлать сиропъ, котораго одна капля могла придать пріятнѣйшій запахъ и вкусъ шербету.

Османъ въ восхищеніи; Замбри плачетъ. Османъ желалъ бы не разлучаться съ братомъ; но онъ помнилъ приказаніе духа: обнялись, поплакали, распались. Старшій пошелъ въ Багдадъ, гдѣ ученые и стихотворцы украшали Дворъ Калифа. Бѣдной Замбри покинулъ опеческую хижину, не взявъ ничего съ собою, кромѣ *записки о составленіи шербета*. Онъ опдался на произволъ случая, которой не рѣдко такъ же хорошо управляетъ нами, какъ и благоразуміе.

На пуши своемъ въ Багдадъ Османъ сбѣлъ нѣсколько сахарныхъ лѣпешечекъ, и въ головѣ его заключалось болѣе полдюжины проэмъ превосходныхъ. Прихдишь въ Багдадъ, и очень скоро узнаешь, что не одни дарованія ведутъ къ славѣ; что нужно имѣть и нѣкоторую извѣстность. Османъ ищетъ знакомства ученыхъ и свѣтскихъ людей; но вездѣ встрѣчаетъ онъ эгоистовъ, занятыхъ собственными дѣлами и удовольствіями. Какъ явиться ему въ свѣтъ? Въ званіи Поэта? Но Поэтовъ великое множество при Дворѣ и въ городѣ: они будутъ ему мѣшати. Требуется у нихъ совѣта? Но они всѣ его соперники. Просишь о нихъ похвалы? То же, что просишь сокровища у скупяго. Люди, славные вкусомъ, не осмѣливаются первые произнести похвалу, опасаясь повре-

дипшъ своей славы; свѣшскіе люди молчатъ, ожидая ихъ приговора; а невѣжды, увѣренные, что порицаніе неоспоримый знакъ разборчивости, браняшъ все безъ пощады. Сверхъ того поминупно выходятъ новыя книги, и ихъ шакъ много, что всѣ переспали уже и читашъ. Османовы списки вышли въ свѣшъ; но во множествѣ произведеній такого же рода они даже не были и замѣчены.

Бѣдной Османъ прожилъ чепыре или пять лѣтъ въ Багдадѣ, не заслуживъ ничего иного, кромѣ одобренія людей мудрыхъ, неимѣвшихъ никакого кредита, именно потому, что они были истинно мудрые. Онъ начиналъ уже перяшь надежду; но шакъ какъ онъ опустошилъ болѣе половины своей коробочки, то ему и удалось наконецъ обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ знашныхъ и свѣшскихъ людей. Въ городѣ начинающъ говорить, что Османъ человекъ съ дарованіемъ. Надобно признать, паланшы бывающъ иногда въ пренебреженіи; но сдѣлавшись извѣстными, они вознаграждаются всеобщимъ уваженіемъ за несправедливость цѣлой націи. Знакомства людей съ дарованіями менѣе для нихъ самихъ, нежели изъ щеславія. Частно и зависть старается заманишь ихъ въ свои сѣти, надѣясь ихъ сдѣлать своими орудіями. Такимъ образомъ въ цѣ-

ломъ Багдадѣ начали кричать о сочиненіяхъ Османа. Всѣ хопяшѣ имѣшѣ ихъ; всѣ ихъ читающѣ; сравнивающѣ съ произведеніями лучшихъ Спихотворцевъ, не для того, чѣобы возвысиль Османа, но для того, чѣобы унизиль людей, копорыхъ слава начинала уже спановишѣся обременительною; и бѣдной, забышой Османъ, вдругъ опѣ совершенной неизвѣстности и нищеты перешелъ къ богатству и славѣ!

Калифъ захотѣлъ увидѣшѣ великаго человека и имѣшѣ его при своемъ Дворѣ. Османъ осыпанъ милостями. Чѣо день, по новая похвальная Ода Калифу; ни одинъ еще Поэтъ не прославлялъ его такъ искусно и шонко; а Калифъ любилъ похвалы шонкія.

Такія достоинства, а особливо такое щастіе, скоро возбудили зависть во всѣхъ спихотворцахъ и придворныхъ. Самые ревностные почишатели Османовыхъ дарований опасались, чѣобы онъ не зашмилъ ихъ, и рѣшилишѣ низпровергнушь человека, копорому сами же помогли взойши слишкомъ высоко.

Одному поэту, злѣйшему врагу Османа, поручено было написать саширу на Калифа, копорую условишѣся обнародовать подъ именемъ любимца. Съ эшаго времени избранъ

ной испишель не опшодилъ опѣ Османа и не переспавалъ осыпашъ его знаками дружества и похвалами.

Одинъ разѣ Османъ чипзалъ въ присушствіи Калифа новую поэму. Злоумышленникъ, споявшій подлѣ, него хвалилъ съ жаромъ; взглянувъ нечаянно на полъ, увидѣлъ онъ одну изъ лѣпешечекъ, которую Османъ уронилъ въ жару декламаціи. Злодѣй поднялъ ее безъ всякаго намѣренія, и положилъ въ ротъ.

Лѣпѣшечка произвела свое дѣйствіе: стихотворецъ почувствовалъ внезапное вдохновеніе, побѣжалъ изъ залы и принялся сочицашъ свою сапиру. Онъ самъ не могъ надивиться своимъ способностямъ: стихи ничего ему неспоили; колкія выраженія раждались подѣ перомъ его сами собою. Въ нѣсколько минутъ онъ написалъ самую злѣйшую и припомъ оспроумнѣйшую сапиру.

Онъ долго въ неизвясимомъ воспоргѣ перечипывалъ новое свое произведеніе, и съ торжествомъ показывалъ его знакомымъ своимъ. Сапира приняла съ рукоплесканіями; нашли въ ней неподражаемой слогъ Османовъ. Подписались подѣ его почеркъ — наконецъ сапира ходилъ по рукамъ.

Подымаются страшный ропотъ. Сатиру читаютъ самому Калифу, и Калифъ, ужасно разгнѣванный, повелѣваетъ лишить Османа всего имѣнїя, и выгнать его, одѣлаго бѣднымъ рубищемъ, изъ Багдада. Османъ, пораженный такимъ неожиданнымъ ударомъ, не можетъ найти словъ къ своему оправданїю. И кто бы услышалъ гласъ невинности между неисповымыми воплями клеветы?

Онъ долго скипался, проситъ одаенїя; иногда благошворительность проспирала къ нему руки, но чаще безчувствїе и жестокость опровергали его просьбы. Однажды, при наступленїи ночи, приближается онъ къ прекраснѣйшему загородному дому, освѣщенному яркими огнями. Радостныя восклицанїя мѣшались въ немъ съ звуками инструментовъ: все возвѣщало праздникъ. Между шѣмъ нашли на небо пучи, загремѣлъ громъ, и рубище бѣднаго Османа взмокло отъ проливнаго дождя.

Онъ приближается къ дому, надѣясь, что его на минушу укроютъ отъ непогоды. Невольники, замѣтивъ несчастнаго, спросили у него съ угрюмостью: чего тебѣ надобно? — „Прошу защиты отъ грозы, куса хлѣба и клочка содомы, на которой могъ бы я опдохнуть!“ — Не дадутъ ничего! щасливой пущь! — „Сжалъсь надо

мною! . . . Посмотрите, какой сильной дождь! . . .“ — Отойди! гонимый, не размуцай присущствіемъ своимъ нашего праздника!

Османъ хотѣлъ уже удалиться; но въ эту минуту явился хозяинъ дома. Онъ кликнулъ невольниковъ, приказавъ имъ принести несчастнаго и снабдить его всѣмъ нужнымъ. „Горе человеку, сказалъ онъ, который смотритъ равнодушно на бѣднаго, и не смягчается его прозъбами! горе богачу, отказывающему брату своему въ кускъ хлѣба! Оподохни, бѣдной странникъ; да низпослетъ тебѣ Пророкъ сладостный сонъ и забвеніе всѣхъ печалей! — О Небо! воскликнулъ Османъ, что я слышу! . . . Это . . . это голосъ Замбри! — „Замбри! Но развѣ ты его знаешь?“ — Великій Пророкъ! знаю ли я его! . . . Онъ братъ мой! — „Ты мой братъ? воскликнулъ Замбри, эгошь голосъ . . . эти черны, обезображенные спраданіемъ . . . о! тебѣ узрю себя! . . . Османъ! братъ мой! мы спяль вмѣстѣ!“ Онъ не могъ продолжать. — Османъ, пораженный внезапною радостію, упалъ къ ногамъ его безъ чувствъ.

Османа перенесли въ богатоубранную комнату, и скоро привели его въ память. Замбри велѣлъ одѣть его въ великолѣпное

плашье, и потомъ привелъ въ залу, гдѣ находились всѣ его гости. Послѣ ужина Османъ разсказалъ ему свои приключенія: онъ описалъ быстрой переходъ свой отъ крайней бѣдности къ величайшей славѣ и богатству, зависъ своихъ враговъ, и потомъ свое паденіе „Но ты, любезной Замбри, прибавилъ онъ, какимъ средствомъ дошелъ до такого блестящаго состоянія! Прекрасной домъ, полна невольниковъ, великолѣпные уборы. . . .“ — Всѣмъ этимъ я обязанъ *залискѣ о составленіи шербета*, опивчалъ Замбри, улыбаясь. Выслушай мою исторію:

„Разспавшись съ побою, я пошелъ въ Тифлисъ. Я не искалъ ничего, кромѣ средства доставать шрудями свой хлѣбъ. Прихожу въ гостиницу, въ которой богатѣйшіе изъ обитателей Тифлиса собирались пить шербетъ, и прошу хозяина, чпобы онъ принялъ меня къ себѣ въ услуженіе. Онъ посмотрѣлъ на меня съ презрительнымъ видомъ, и велѣлъ мнѣ идти со двора. Хозяинъ этой гостиницы не первой опказалъ щасію.

„Еще въ двухъ или трехъ гостиницахъ было опказано мнѣ съ такимъ же презрѣніемъ. Не зная, чпо начать, вошелъ въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ посшоялыхъ до-

мовѣ, въ кошорый заглядывали изрѣдка одни просполоудимы. Хозяинѣ эшаго дома назывался Мегдадомѣ; онѣ принялъ меня къ себѣ. Тушѣ соспавилѣ я одну бушылку напишка по запискѣ, полученной мною опѣ духа, и скоро увидѣлъ, что народѣ началѣ спешашься полпами къ геспинницѣ моего хозяина. По всему Тифлису разнеслась молва о Мегдадовомѣ шербешѣ, и Мегдадѣ началѣ наживашь деньги.

„Онѣ имѣлъ прекрасную дочь; она миѣ понравилась, и я осмѣлился спребвашь ея руки. Но такѣ какѣ я никому не опкрывалѣ шайны шербеша, что Мегдадѣ и не зналъ, что былѣ обязанѣ своимѣ богатспвомѣ миѣ. Онѣ опвергнулъ сѣ презрѣнїемѣ мое предложенїе, и выгналѣ меня изѣ своего дома. Мегдадѣ не первой указалѣ двери щасшїю.

„Имѣя нѣсколько денегѣ, я упошребилѣ ихѣ на то, чтообы завешпи лавку въ одномѣ изѣ Тифлїйскихѣ публичныхѣ садовѣ. На прекрасныхѣ берегахѣ Кура постпавилѣ я палашку, убранную просто, но со вкусомѣ, въ кошорой и продавалѣ шербешѣ свой мимоходящимѣ. Скоро забыли о Мегдадѣ и всѣхѣ другихѣ Тифлїйскихѣ геспинницахѣ, и начали покупашь шербешѣ въ моей палашкѣ. Вездѣ говорили о Замбрїевомѣ шербешѣ; на всѣхѣ праздникахѣ пошчивали Замбрїевымѣ

шербешомъ. Со всѣхъ сторонъ спекался ко мнѣ народъ, и я принужденъ былъ поспавить палашку въдесятеро больше прежней, и убрать ее гораздо великолѣпнѣе.

„Въ печенги года нажилъ я множество денегъ; перешелъ въ городъ, и накупилъ множество разныхъ поваровъ. Я составилъ великое количество того благодѣтельного напитка, кошорому былъ обязанъ всемъ моимъ имѣнiемъ, и разослалъ его во всѣ Персидскiе города. Небо благословляло всѣ мои предпрiяшiя. Прекрасная двадцатилѣтняя женщина, вдова одного богатаго купца, увидѣла меня, и полюбила. Я не могъ быть нечувствительенъ къ ея прелестямъ. Мы признались другъ другу во взаимной любви, и соединились: супружество наше есть одно изъ щасливѣйшихъ.

„Мы купили эшотъ домъ, и проводимъ здѣсь льшо съ нѣкошорыми искренними друзьями, раздѣляя наши радости; онѣ ихъ увеличивающъ.

„Сколько разъ, любезной мой Османъ, я думалъ о тебѣ! Въ самые веселые часы мсей жизни я говорилъ: гдѣ братъ мой? въ какихъ спранахъ живетъ Османъ? Я думалъ, что подарокъ благодѣтельнаго духа долженъ былъ обогатить тебѣ и прославить; но теперь вижу, что самое простое искус-

ство скорбе можешъ доставить намъ щасіе и богатство, нежели великія дарованія. И я имѣлъ нѣкопорыя непріятности по шоргамъ своимъ; и у меня были завистники: иногда поддѣлывали мои шербешъ; но обманы всегда опкрывались, и заговоры моихъ соперниковъ только увеличивали мою славу. Наконецъ я узналъ, что гораздо скорбе можно удовлетворить чувственность, нежели умъ, и люди, которые спорятъ о достоинствѣ хорошей книги, согласно хвалятъ вкусное блюдо, или пріятной напитокъ.“

Такъ говорилъ доброй Замбри. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы ушѣшить Османа. Братья не разсавались болѣе, и благодаря запискѣ, какъ дѣлать шербешъ, они долго пользовались удовольствіями, доставляемыми богатствомъ, спокойствіемъ духа и дружбою.

Съ Французскаго ва.

Путешествіе Невинности на островъ Цилтеру.

Есть островъ — обитель счастья. Гдѣ? спросите вы. Не знаю; на картѣ мѣсто его не означено. Говорю по преданію. Тамъ — на этомъ острове — царствуетъ вѣчная тишина, воздухъ всегда пріятенъ, небо спокойно и ясно, времена года не измѣняются; одни Зефиры благовонными крыльями зыблютъ поверхность свѣтлыхъ водъ, шипящихъ по свѣжему дерну, и никогда обитатели сей неизвѣстной страны не вѣдаютъ бурь, производимыхъ стихіями. *Невинность*, царица сей восхищительной имперіи, не имѣетъ прона; она владычествуетъ надъ сердцами своихъ подданныхъ, которые обожаютъ ея могущество, и вѣрность къ прелестной владычицѣ почитаютъ первымъ своимъ благомъ. При ней молодая Эрминія проводила въ спокойствіи дни своей жизни, *свиваемые изъ злата*. Но опроверженіе таинственной судьбы возмутило *Невинность*: любимицѣ ея угрожала вдали опасность. Эрминія, какъ сказала Судьба, должна увидѣть *Цилтеру*, и нѣсколько времени провести на семъ островѣ, оспана будучи на произволъ собственной воли! счастье жизни ея зависитъ отъ вѣрности къ своимъ законамъ. *Невинность* вздохнула; но Судьба уже подписала приговоръ — нечего было дѣлать. По сча-

спію не дане никакого предписанія на счешь пупешествія Эрминіи: и *Невинность* могла дѣлать, что ей было угодно: она рѣшилась проводить Эрминію, и еспьли можно предохранить ее отъ опасностей въ шаковой землѣ, которая и самой Царицѣ была извѣстна только по слуху; надобно здѣсь замѣнить, что слухи о Циперѣ были во всякое время очень дурные.

Такимъ образомъ Эрминія, съ полною довѣренностію къ *Невинности*, которой наспавленіямъ всегда она повиновалась, готовишя безъ всякой боязни оставишя щасливый островъ. Но чего и бояшяся! покровительница ея съ нею. Приходяшя на берегъ моря, славнаго кораблекрушеніями, и обманчиваго шишиною поверхноспи, свѣтлой и гладкой какъ стекло. Знашяшяе изъ корабельщиковъ: *Удовольствіе*, *Нѣга*, *Любопытство*, *Случай*, начали съ великою услужливостію предлагать имъ корабли свои, убранные великолѣпно, для пупешествія въ Циперу. Но царица *Невинность*, не удостоивъ ихъ никакого вниманія, подошла съ Эрминією къ одной спарушкѣ, называемой *Должностію*, которая сидѣла призадумавшись въ маленькой бѣдной лодкѣ, и ожидала пассажировъ.

Вы не будешя раскаявашя, милосшивыя Государыни, сказала *Должность*, что

предпочли бѣдную лодку мою пышнымъ кораблямъ: я знаю всѣ подводные камни, которыми окружена Ципера, и еще ни разу не случилось, чтобы лодка моя приспавала поврежденная къ берегу.

„Но для чегожь, добрая спарушка, спросила Эрминія, лодка своя такая маленькая? Насѣ прсе, и не смотря на шо, намъ очень шѣсно!“ —

Лодка моя очень еще велика, опѣвчала спарушка, по шому малому числу пассажировъ, которыхъ мнѣ перевозить удается: я и не помню, чтобы мнѣ случилось когда-нибудь принимать на нее двоихъ въ одно время. — Сшли, опчалили, поплыли; волны шумѣли подѣ рулемъ, лодка летѣла шпрѣлою, а за лодкою нѣсколько изѣ шѣхъ богатыхъ кораблей, которые Эрминія, вѣроятно, предпочла бы маленькому челноку *Должности*, когда бы не сопутствовала ей *Невинность*: и скоро увѣрилась она, что выборъ ихъ былъ самый благоразумный. Начали свирѣпствовать бури *Подозрѣнія*, *Ревности* *Взыскательности*, *Нелюбви*. Маленькая лодка, благодаря искусству веслу спарушки, приспала невредимо къ берегу; а пышные корабли всѣ до одного разбились о камни, которыми усыпаны берега Циперы: многіе изѣ путешественниковъ погибли

въ волнахъ; а тѣ, которые спаслися отъ попопленія, вышли на берегъ совершенно нищими.

По берегу раздавались жалобные вопли сихъ несчастныхъ. Одинъ кричалъ: мое спойсвѣе ушонуло; другой: честь моя разбилась въ дребезги о камень; прешій: здоровье мое проглотила морская собака; четвертый: разумъ мой оспался на мѣли. И пересчитавъ нельзя всего того, что эти бѣдныя путешественники разсказали. Но вошъ бѣда: *Невинность*, будучи отъ природы чрезвычайно жалосплива, хотѣла утѣшить нѣкоторыхъ, заговорила съ ними, и въ эту минушу поперяла изъ глазъ Эрминію, которая была оплучена отъ нее спбснвшеюся полпою. Такова была воля Судьбы: чтобы представила добродѣтель Эрминіи во всемъ ея свѣтѣ, она хотѣла подвергнушь ее спрогости опыта. Эрминія очутилась при входѣ въ одинъ пѣниспый лѣсокъ, находившійся не подалеку отъ моря. Тутъ увидѣла она прекраснаго младенца, который плакалъ, протягивалъ къ ней руки, и звалъ казалось ее на помощь. Эрминія, пронувая до глубины сердца, приближается къ прелестному младенцу; онъ указываетъ ей пальцемъ на одного юношу, который усиливался вырвать спрѣлу, вонзившуюся глубоко въ его сердце. Эрминія

бѣжитъ къ нему на помощь, прикасается къ стрѣлѣ и сама ранена, и стрѣла ошъ всѣхъ усилій изпоргнувъ ее изъ раны только что углубляется въ сердце. Эрминія, не понимая своего чувства, находишь въ немъ шайную прелесь; но скоро душа ея наполняется смятеніемъ; она восклицаетъ, омашириваясь съ безпокойствомъ: гдѣ ты, моя покровишельница, *Невинность*? для чего ты со мною разлучилась? какимъ волшебствомъ заведена я въ это мѣсто? и слезы бѣжали изъ глазъ ея ручьями.

Медоръ — такъ называли молодого человека, раненнаго стрѣлою — бросается къ ея ногамъ, опираетъ ея слезы, проситъ, чтобы она сказала, какимъ средствомъ можешь онъ возвратитъ ей покойствіе.

Ахъ! воскликнула Эрминія, для меня уже нѣтъ спокойствія; я потеряла свою подругу, милую *Невинность*! — безъ нее не могу быть щаслива. Я должна, непременно должна съ нею соединиться.

„Ахъ, Эрминія! сказалъ Медоръ, для чего не можешь ты раздѣлять со мною этого удовольствія, которое нахожу въ швоемъ присутствіи? Вспутивъ на берега Цитеры, я самъ, подобно тебѣ, всего лишился; но одинъ пріятный взоръ швой всему замѣна, и шеперь единственное для меня благо

любишь Эрминію, говоришь ей: люблю! и чистишь въ глазахъ ея подобное моему чувству. Ахъ, милый другъ! позабуди свою подругу; воспоминаніе объ ней будетъ справою нашего щастія. Ты меня любишь, это возвращаетъ мнѣ прелесть твоего сердца. Предайся безъ страха сладкому сему чувству; забудемъ и людей и Природу въ спокойномъ убѣжищѣ сего лѣса!“

— О Медоръ! отвѣчала Эрминія, что ты мнѣ предлагаешь? Не могу припворяться; люблю себя, и чувствую, что эта любовь дороже для меня жизни. Но измѣнишь, для любви къ тебѣ, моей владычицѣ — невозможно! Вѣрь, другъ мой, что наше щастіе никогда не будетъ совершеннымъ, еслии я хотя на минушу ее забуду. Намъ надобно разлучиться — я пойду искать мою подругу — а богамъ оставимъ пещись о нашемъ соединеніи.

„Ты хочешь удалиться, Эрминія! воскликнулъ Медоръ; ты хочешь моей смерти! По крайней мѣрѣ позволь мнѣ тебѣ сопустпивовать; будемъ искать *Невинность* вмѣстѣ.“

Нѣтъ, Медоръ! сердце мнѣ говоритъ, что вмѣстѣ мы никогда съ нею не встрѣтимся — проси! И она удалась. Между тѣмъ и *Невинность*, мучимая безпокойствомъ, искала Эрминію.

Амуръ ушѣшался ея мученіями : они были давно въ ссорѣ ; но Циперскій богъ усердно желалъ помириться съ владычицею щасливаго оспрова. Онъ приближается къ своей непріятельницѣ и говоритъ ей съ прищворнымъ удивленіемъ : вѣришь ли мнѣ глазамъ ! эшо ты, *Невинность* ? Какая судьба завела тебя въ Циперу ? Мы уже шакъ давно невидались , что я съ шрудомъ тебя узналъ въ лицо !

Обманщикъ, сказала *Невинность*, тебѣ ли жаловаться ! Съ шого бѣдшвеннаго дня , въ которой вздумалось тебѣ сдѣлать моими соперниками *Сладострастіе*, *Нелюбимство*, *Кокетство*, я не имѣла духу пощѣпить швою Циперу. Вспомни шо щасливое время ; въ которое мы дружелюбно царшвовали надъ сердцами, и признайся, что слава швая очень упала гдѣ нашего разрыва.

„Не стану себя оправдывать. Но развѣ не лзя исправить сдѣланнаго зла ? развѣ искреннимъ своимъ примиреніемъ не можемъ заглавить шѣхъ нещасій, которыя причинило наше несогласіе людямъ ? Согласись меня простишь , и я боюсь всемъ, что есть свяшо , что старое будетъ по старому.“

Ахъ , Амуръ ! сказала *Невинность*, можно ли положишься на швои ялпывы ? и мо-

гу ли довольствоваться простымъ извиненіемъ, когда обиды, сдѣланныя мнѣ шобою, безчисленны? Сколько сердецъ шы у меня похишилъ! и нынѣ развѣ не шы разлучилъ меня съ любезнѣйшею изъ моихъ воспитанницъ?

„Ахъ, *Невинность* несправедливая! шы судишь, какъ обыкновенно судяшъ въ свѣтѣ. Сколько разъ *Суелность*, *Корыстолюбіе*, *Ревность* обольщали преданныя шебъ сердца? Не ужели шы въ самомъ дѣлѣ увѣрена, что большая часть изъ шѣхъ союзовъ, которыми шы оскорбляешься, были составлены Амуромъ? Спыдись, *Невинность*! Я думалъ, что мнѣ стоишъ сказать только: *виноватъ*, и все кончено; шеперь вижу, что надобно оправдываться по формѣ, приводишь доказательства и свидѣтелей. Ты полагаешься на Галашею; она шебъ измѣнила, и шы на меня хопѣла жаловаться Юпишеру, а виноватъ былъ Плупусъ. Я и не слыхалъ о шомъ договорѣ, который она заключила съ однимъ Директоромъ шаможни: ее поранило золото; а шы хопѣла, чтобы Юпишеръ изломалъ Амуровы спрѣлы. Камилла, послѣ разлуки съ шобою, перемѣнила болѣе десяти любовниковъ, но она никогда меня не знала; желаніе одержать верхъ надъ Клименою, съ шопорою она споришъ о красотѣ, и всегда водишъ за собою цѣлый

полкъ въздыхателей — вопль спрасть Камиллы. Виноватъ ли я, что Камилла сумасшедшая? Подобныхъ примѣровъ милліоны. Я уже сказалъ тебѣ, *Невинность*, что желаніе мое помириться съ побѣю самое искреннее. На какихъ условіяхъ, еще разъ спрашиваю, согласишься ты меня простишь ?

„Сердце предсказываетъ мнѣ, что я буду обманута; но такъ и бышь, Амуръ! въ послѣдній разъ вѣрю себя своему неспоянству. Вопль мое условіе: Хочу, чтобы съ нынѣшняго дня всѣ ты, которые для любви нарушаютъ мои законы, были презираемы своими любовниками . . . Согласись, и я забываю прошедшее!“

Согласенъ, и отвѣчаю тебѣ за будущее. Съ нынѣшняго дня всякой союзъ любви, не освященный *Невинностію*, будетъ непродолжителенъ, а споянство любовниковъ будетъ свидѣтельствовать непорочность красавицъ. Начнемъ съ Эрминіи. Не хочу записаться: она имѣла уже свиданіе съ тѣмъ, котораго любишь; мы испытаемъ ее, и ты сама удостовѣришься, достойна ли еще тебя Эрминія.

По гласу Амура собираются всѣ красавицы, населяющія Циперу. Онъ осыпаетъ ихъ всеми дарами Грацій, и велишь пе-

слушнымъ ему. Зефирамъ ввѣсти Эрминію и Медора въ эту школу прелестницъ. Эрминія видяшъ Медора, но въ ту же минуту глазамъ ея представилася *Невинность*; и она спремилася въ ея объятія.

Остановись! сказала *Невинность*: поспоянство Медора должно бытъ доказательствомъ, что ты еще меня достойна.

Эрминія останавливается и ожидаетъ въ смятеніи своего приговора; но сердце говоритъ ей, что она смущается напрасно. И въ самомъ дѣлѣ Медоръ, увидя Эрминію, забываетъ о красавицахъ, которыя сначала ослѣпили его взоры; онъ бросается къ ея ногамъ и произноситъ клятву любить ее вѣки.

Съ того дня Амуръ неизмѣнный другъ *Невинности*. Любовникъ довольный спавшишя любовникомъ непоспаяннымъ; а наслажденія поспоянства вкушаяшъ только шъ, которыхъ любовь неразлучна съ *невинностію*.

Съ Французскаго, В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣснь Свободѣ,

*Писанная къ Н. Н., по случаю даннаго
имъ на сіе повода.*

Оплотѣ прошиву злыхъ гоненій,
Стражѣ мира, здравія, забавѣ;
Вождемъ къ славѣ, масть изобрѣшеній!
Молю, къ шопамъ швоимъ приравѣ,
Да дѣшской пѣсни лепешанья
Въ вину пѣвицѣ не вмѣнишь,
И слуха шы не ошвращишь
Ошѣ лирнаго ея бряцанья!
Не чшишь мню доблесть шѣмъ швою;
Себѣ въ опраду я пою.

Тебя, о дарѣ Небесѣ, Свобода!
Мой шихій гласѣ не вознесетѣ;
Твой гимнѣ — спокойствіе народа,
Которой длань швоя блюдетѣ.
Орлица какѣ неоперенныхъ
Пшенцовѣ лелѣшетѣ подѣ крыломѣ,
Такѣ сладкимѣ усыпляя сномѣ,
Твоею сѣнью осѣненныхъ
Хранишь, благая! чадѣ своихъ,
Головя радости для нихъ.

Не сшѣны, шканями убранны,
Не златомѣ кованный нарядѣ,
Не чаше дивно изваянны,
Не мраморныхъ героевъ рядѣ,

Не гласы мусикійски спройны,
 Не грань заморскихъ хрусталеи,
 Не блески голубыхъ огней,
 Не водъ паденія невольны
 Творяшъ блаженство для людей:
 Оно естъ даръ руки швоей!

Къ себѣ приникнувши безлечно,
 Убогій, окончавъ шруды,
 Со днемъ прешедшимъ скоропечно
 Забывъ и нужды и бѣды,
 Спишъ крѣпко, сладко на соломѣ;
 Онъ не смущается мечшой,
 Что вдругъ прервушъ его покой;
 Нѣшъ спражи на дворѣ, ни въ домѣ,
 Но нѣшъ равно въ нихъ и власпей:
 Самъ *власть* онъ въ хижинѣ швоей.

Ни Волжскихъ, ни Донскихъ, ни Днепрскихъ
 Къ нему на столъ не спавяшъ рыбъ;
 Ни пряныхъ винъ Токайскихъ, Рейнскихъ,
 Ни сахарныхъ, замерзлыхъ глыбъ;
 Укругъ простаго, чорна хлѣба,
 Спяжаннй за свои шруды;
 Кувшинъ сосѣдственной воды,
 Даръ щедраго къ убогимъ Неба,
 Супъ брашна дня ему всего;
 Но онъ шѣмъ сышъ — они его.

Онъ къ нимъ печешъ, когда алкаешъ,
 И гладъ ихъ сладкими шворишъ;
 Онъ бодрствуетъ, когда желашъ;
 Склонясь ко сну, спокойно спишъ.
 Работъ онъ власпенъ для избранья,
 По силамъ предаенся имъ;
 Здоровье не разлучно съ нимъ,
 Бывъ плодъ шруда и воздержанья:

Веселіе въ его душѣ ,
 Когда шы съ нимъ, и въ шалашѣ.

Но если часъ онъ дѣлѣ досужный
 Богъ въ благости пошлетъ ему ,
 И гость, съ шобой одной содружный,
 Гость милый сердцу и уму ,
 Воображеніе крылашо ,
 Спускаясь онъ горникъ обласшей ,
 Со сзизиками грядущихъ дней
 Не перлы дастъ ему , не злато ;
 Но къ пѣнью въ немъ сооритъ гласъ :
 Сугубо онъ блаженъ въ шощъ часъ !

Онъ не скорбитъ, что водомеша
 У ногъ не видишь чисшыхъ водъ ;
 Что яркаго полудней свѣта
 Гранишный не скрываетъ сводъ,
 Красы поддѣльныя явленьемъ
 Не возбуждаешъ къ пѣснямъ духъ ;
 Возсвѣвъ въ шѣни на мягкій лугъ ,
 Доволенъ онъ ручья печеньемъ ;
 Когдажъ его и не найдешъ ,
 Онъ пѣсни въ скорби не превешъ.

Обильная въ красахъ Природа
 И скуднаго равно очамъ
 Премѣны шѣ же кажешъ года ,
 Въ какихъ являлась богачамъ.
 Онъ ризы изъ цвѣшовъ сопканны ,
 Горъ крышмя вершины льдомъ ,
 Пернатыхъ разноцвѣшный сонмъ ,
 Ручьи, въ долинахъ разліянны ,
 Пожашы класы, злаки пашвѣ ,
 Тѣжъ созерцаешъ безъ богапсшвѣ.

Покорствуя властей вѣдѣнью ,
Онъ скороно хранивъ не спуженъ ;
Онъ сна опшоргидься по холмѣнью ,
Во срѣшенѣ зари грядешъ .
Зришъ , алыми ея перстами
Ведомый по востоку день ,
И скачущу за холмы шѣнъ ,
И со злыми какъ власа : и
Изъ огне - метныхъ Фебъ очей
Горящи искры льешъ струей .

Иль западъ усмотря багровый ,
Скользнувшій съ горъ послѣднй лучъ ,
Цвѣшъ рѣкѣ и поля пурпуровый ,
Иль бьющй въ дебрѣ слыща ключъ ,
Восторгъ въ душѣ онъ оцущая ,
Возсѣсть захочешъ на холму ;
Нейдешъ съ поклономъ ни къ кому ;
Тобою бывъ ведомъ , драгая !
Возсядешъ , и за лунный видъ
Приснавамъ пощлиивъ не даривъ .

Иль въ сердцѣ возлюбя Науки ,
Возмнишъ себя имъ посвятивъ ;
Ты выборомъ не свяжешь руки ,
За плугомъ не пошлешь ходивъ ;
Не дашъ ему челна для шканей ,
На мѣсто кисти , иль рѣзца ;
И не сорвешъ съ главы вѣнца ,
Даръ юный усыпя заранъ .
Не любишь въ маски шы радишь :
Съ побой всякъ по , чѣмъ долженъ бышь .

Себя побой ограждая ,
Невщонъ , Коперникъ , Галилей ,
Объявъ вселенну въ край изъ края ,
Царяшъ до вышнихъ областей *

Изъ шучь перуны изпоргаюяѣ,
Законѣ на тяжестѣ пишушѣ шѣлѣ,
Даюшѣ движенію предѣлѣ,
Мірамѣ пуши опредѣляюшѣ,
И въ вѣки свѣшлы письмамена
Передаюшѣ ихѣ имена.

Тобою разумѣ возмужалый
Природы въ шайнства проникѣ;
Тобой мужаяся, и малый
Не рѣдко дѣлался великѣ.
И самыя шобой Декарты,
Умчавшисѣ съ вихремѣ средѣ планетѣ,
Намѣ кажушѣ испинну сквозѣ бредѣ.
Ты мышцы укрѣпила Спарты,
Тобой бывѣ Россѣ руководимѣ,
И естѣ и былѣ непобѣдимѣ.

Я мрачныхѣ стѣнѣ своихѣ, шемничныхѣ,
Вѣ которыхѣ шы одна со мной,
Часовѣ вѣ шеченье шрехѣ-годичныхѣ,
Какѣ другѣ присупшшвовала мой;
На свѣшлу не смѣню неволю,
И блескомѣ злаца и честей
Не соблазню души своей.
Безѣ ропоша на скудну долю;
Вѣ убожештѣ глаза смежу;
Но цѣль на выю не взложу.

Тебя мнѣ Богѣ далѣ вѣ сошзозненіе
Моихѣ скудельныхѣ, малыхѣ силѣ;
Тобой вѣ благое Царѣ правленіе (*),
Меня закономѣ оградилѣ.

(*) Великая ЕКАТЕРИНА изданіемѣ Указа о
вольности Дворянства, которой шу же
имѣешѣ силу и при благихѣ Ея Преемникахѣ.

За груди злаша взгроможденна
Не уступлю одной мечшы,
Которой, управляешь ты,
Съ которой я средь золь блаженна,
Которою и нуждѣ и бѣдѣ
Я скорбный изглаждаю слѣдѣ

— а — а.

С Т И Х И

*На смерть Даниловой, ланцовщицы
С. Петербургскаго Императорскаго
Театра (*).*

Вспорую Душеньку, или еще прекраснѣй,
Еще, еще опаснѣй,
Межь Терпсихориныхъ любимицѣ усмотрѣвѣ,
Венера не могла сокрышь жестокой гнѣвѣ;
Съ мольбою къ Паркамъ приснула,
И насѣ — *Даниловой* лишила.

К.

С. Петербургъ.

(*) Она представляла *Психею* въ славномъ балетѣ: *Амуръ и Психея*.

Пѣснь Араба надъ могилою коня.

Сей другъ, кого и въ шрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одрѣ песковъ пустыни-
ныхъ палъ!

О пушникъ! со мною спенанья дѣли!
Царь быстраго бѣга простертъ на земли!
И воздухомъ брани уже онъ не дышитъ!
И грознаго ржанья пушины не слышитъ!
Въ стремленьи погибель его нагнала;
Бонзенная въ выю, дрожала шрѣла!
И кровь благородна струею (жжала,
И влагу пошона струя юбаграла!

*

Сей другъ, кого и въ шрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одрѣ песковъ пустыни-
ныхъ палъ!

Убійцу сразила моя булава;
На прахъ отдѣлена скапилась глава;
Желѣзо вкусило напитокъ кровавый,
И шрупъ измѣваетъ въ пустынѣ безъ сла-
вы!

Но спитъ онъ, со мною лѣтавшій на брань!
Три крапы воззвалъ я: сопутникъ возстань!
Воззвалъ — безотвѣщенъ — угаснула сила,
И бранныя кости одѣла могила!

*

Сей другъ, кого и въ шрѣ въ поляхъ не обгонялъ,
Онъ спитъ — на зыбкій одрѣ песковъ пустыни-
ныхъ палъ!

Съ того незабвенна погибели дня
И солнце не свѣтитъ съ небесъ для меня!
Забылъ о побѣдѣ, и въ мышцѣ нѣтъ силы,
Брожу одинокій, задумчивъ, унылый;

Теменя доселѣ драгіе края
Уже не опчизна — могила моя!
И мкою дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры и куща священна!

*

Сей другѣ, кого и вѣстрѣ въ поляхъ не обгонялѣ,
Онѣ сплхѣ — на зыбкій одрѣ песковѣ пустыни-
ныхъ палѣ!

Въ часѣ зноя и жажды, скакалѣ онѣ со мной
Ко древу прохлады, къ спруѣ ключевой;
И Мавра топшали могущи коныша;
И грудь ошѣ прошивныхъ была мнѣ защита!
Мой вѣрный соратникѣ въ бою и шрудахѣ,
Онѣ, бодрый при первыхъ денницы лучахѣ,
Спрѣлюю, покоренѣ велѣнію длани,
Леталѣ на свиданье любви и брани.

*

О! другѣ, кого и вѣстрѣ въ поляхъ не обгонялѣ,
Тѣ сплхѣ — на зыбкій одрѣ песковѣ пустыни-
ныхъ палѣ!

Ты видѣлѣ и Зару — (блаженны часы!) —
Сокровище сердца и чудо красы!
Уста вѣроломны шебя величали,
И нѣжныя длани хребтѣ швой ласкали!
Ахѣ! Зара какѣ серна спыдлива была,
Какѣ юная пальма долины цвѣла;
Но Зара пришельца плѣвилась красою,
И скрылась . . . былѣ вѣренѣ лишь ны предо
мною.

*

Сей другѣ, кого и вѣстрѣ въ поляхъ не обгонялѣ,
Онѣ сплхѣ — на зыбкій одрѣ песковѣ пустыни-
ныхъ палѣ!

О спутникъ! шоскуешъ швой другъ надъ по-
бой!

Но скоро, покрышы могилой одной,
Мы вкупѣ воздремлемъ въ жилищѣ опрады!..
Надъ нами повѣшѣ дыханье прохлады!
И скоро, при гласѣ великаго дня,
Изъ пыльнаго гроба испоргнувъ меня,
Величественъ, гордый, съ безсмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься сшезю.

Ж.

О т р ы в о к ѣ

изъ Делилевой Поэмы: Сады.

Священные лѣса! благословляю васъ!
Ужь къ шрепешу людей гремящій Барда гласъ
Теперь не потрясетъ волшебныхъ вашихъ сѣней;
Одна задумчивость во мракъ мирныхъ шѣней,
Въ уединеніи развѣсистыхъ лѣсовъ,
Одна веселая вспрѣчаетъ насъ любовь.
Вершепы мрачныя! храмъ ужасовъ священныхъ,
Убѣжище пѣвцовъ, восторгомъ вдохновенныхъ!
Подъ вашу шѣнь спѣшу, чтобъ нѣжною рукой
Въ васъ шѣсно сочетать убранство съ про-
стотой;
Искусствомъ новой видъ дашь прелести при-
родной —
И вмѣстѣ сохранишь вашъ милый видъ, сво-
бодной.

Лѣса всѣ образы готовы принимаешь;
Но украшая ихъ, спрашншесь искажать.
Смощрише: шамъ древа раскинулись шапрами;
Тамъ блѣдные лучи прокрались межъ листьями;

Здѣсь свѣтъ сражается съ пріятной тем-
ношю;
Здѣсь челами древа склонились надъ водой;
Здѣсь разбѣрались онѣ, вѣтвями помагающѣ,
Какъ будто издали другъ друга призывающѣ;
Взлѣвъ вмѣстѣ, вошлѣ онѣ другъ съ другомъ
обнялись —

И вдругъ какъ будто врозь опять ужь разошлись.
Природа намъ урокъ прекрасный и великій!
Но образу лѣсѣ природно-мрачный, дикій,
Бѣтъ сильныя черты пощипишесь сохранишъ
И мѣлочныхъ убранствъ ни гдѣ не помѣстишъ.
Единство, полноша, да будущѣ свято-чшимы;
Да будещѣ просѣ, великѣ сей лѣсѣ необо-
зримый!

Пощипишесь жинросшю своею удержишъ
На немъ величїя высокую печашъ.
Люблю сѣдые пни; хочу, чшобѣ воды яры,
Шума по рыбвидамъ, свергались вѣ крушюяры;
Осшавшѣ по лѣсамъ глубокіе слѣды
И времени и бурь и вѣтровъ и воды.
Пускай меня страшитѣ видѣ грозный скалѣ
висящихъ;
Осшавшѣ! Пущѣ вѣ мѣстахъ, величїемъ бле-
спящихъ,
Всѣ дышешѣ дикою и гордой красшюю.

Но что? Мракѣ пустыни намъ ужасовѣ
виной!

Сей ужасѣ шайное жшщѣ вѣ обществѣ влеченъе,
Воздвигнишѣ вѣ лѣсу вы храмѣ благошворенъя;
Недужный вѣ нѣмѣ елей, бездомный кровѣ
найдѣтѣ —

И пустыня какъ рай предѣ вами разцвѣтѣтѣ.

Бывающѣ бури Царствѣ, порывы шѣ на-
родны,

Вѣ которыѣ гражданѣ выбрасывающѣ волны

На чужеземный брегъ съ бреговъ опчизны ихъ;
Возможноль не скорбѣшь о нещасливцахъ сихъ?
Ахъ! плачьше, но своей хвалишесь судьбиной;
Нѣжнѣйшей всѣхъ другихъ въ садахъ своихъ
каршиной

Конечно будете обязаны вы имъ:

Ощдайте уголокъ въ лѣсу пришельцамъ симъ;
Чершогамъ хижины пропивоположите;
Спраннопримсшвомъ лѣсѣ пусшынный осва-
шите.

Хвалишесь, ешлы кѣ вамъ изъ опдален-
ныхъ мѣстѣ

Прѣдушъ опшельники, несущи тяжкѣй крестѣ,
Копорые дополь храмъ Божѣй украшали,
Сшраданья вольныя опѣ свѣша сокрывали;
Послѣдователи Рансея и Брюно,
Для насшоящаго умершнѣ давно,
Между раскаянѣмъ и сладкимъ упованѣмъ,
Вѣ мирѣ лучшѣй, вѣ горнѣй мирѣ усшремлены
внѣманѣмъ.

Молише сихъ опцовъ -- и дайше тихой кровѣ
Симъ гражданамъ небесъ подѣ сѣнѣю лѣсовѣ.

Молва расскажетѣ вѣ слухѣ о жишель-
ствѣ пришельцовѣ:

Со всѣхъ спшоронѣ шолпы женѣ, спшарцовѣ и
младенцовѣ

Свяшыхъ гостей шуда прѣдушъ посѣшшь;
Богашство нищешу прѣдетѣ навѣсшшь;
Веселье муки зрѣшь, гордыня зрѣшь смиренье.
Вы сами, полюбя лѣсовѣ уединенье,
Чершогѣ пышныя оставише для нихъ:
Прѣдете сладкой мирѣ вкусишь вѣ бесѣдѣ ихъ;
Разочаруете здѣсь сердце оболъщенно,
Мечшамъ и суешѣ мирской порабощенно;

Мірв низокв будешв вамв — шамв воздухв за-
Дыханіемв страстей — вашв лбсв для васв
раженв
священв ;
Тамв познакомитесь св суровымв воздержаньемв
Пустынножишелей, и св вбчнымв ихв мол-
чаньемв ;
Тамв покаяніе, чувств движуще рукой,
Васв встрышатв св заступомв, вв одеждв
гробовой ;
Оно заранбе могилу изрываетв,
И смерти не спрашасв, еє предупреждаетв.

Сходящу благодать почувствуетв земля!
За радость вашихв дней, за жатву, за поля,
Воздбты руки ихв кв Правителю вселенной —
И Богв, молитвв внявв безмолвной и усердной,
Небесной милости прельетв на васв лучи.
Когдажв запеплются надгробныя свбчи,
И ночи пишина обширная прервется,
И всемогущей мольбы на небо понесетса
Перерываемый, просяжный, тихій гласв,
Быть можетв гимны ихв распрогаютв и васв;
Завидуя слезамв, прольете слезы сами
Передв Христовыми Святыми олшарями;
И лбломв на землв, а духомв вв небесахв,
Возжете вичіамв хваления вв сердцахв —
И облесненів восторгв ликв иноковв моляцій.
Тогда лбсв примешв видв не столь уже грозній:
Необипаелость его вы населиев,
Умбря ужасы, безмолвье ожививв,
Вдругв наслаждаешесь лбсовв очарованьемв,
И щаспьемв добрыхв душв — святымв благо-
дбваньемв.

Воейковъ.

Моя тайна.

Вамъ чудно, отъ чего во всю я жизнь мою
Такъ веселъ? — Вотъ секретъ: *вчера* дарю за-
всню,

Покою *нынѣ* отдаю,
А *завтра* Провидѣнью.

Эпиграмма.

Напрасно говоряшь, что будто Полюдоръ
Чужіе всё списки читаешь;
Повѣрьше, эшо вздоръ!
Они его — онъ ихъ за деньги покупаешь.

Я вѣкъ тебя хвалю; ты вѣкъ меня ругаешь,
За что? Не знаю я, и ты того не знаешь!
Но вотъ что чудное у насъ съ тобой
въ судьбѣ:
Никшо не вѣришь намъ — ни мнѣ ни тебѣ!

В.

Когда я въ первой разъ узналъ тебя, Миронъ,
Ты былъ безъ денегъ и влюбленъ,
Не многими былъ знаемъ,
Но всѣми презираемъ.
Теперь завиднѣе жребій швой!
Теперь являешься предъ нами
Съ имѣніемъ, съ женой,
Съ крестомъ, съ рогами.

Роскошный столъ, богатый домъ,
Клеонъ, съ прекрасною женою ты имѣешь,
Ты шнагой хорошо владѣешь,
Извѣстенъ ты умомъ,

И все, что при Дворѣ блистаетъ,
Клеона посвящаетъ,
И всякъ служишь себѣ гошовъ;
Но естли бы при этомъ
Ты не имѣлъ роговъ —
Ты былъ бы зависти предметомъ.

П. Л. . . . черк.

Не плачь, Климена, свѣтъ болтаешь!
Ужь мужа своего съ оленемъ онъ равняетъ! —
Одиножды рога мѣняетъ въ годъ олень,
А мужъ свой каждый день!

Ө. И.

Исторія человека.

Родисься, живи и умереть,
Есть шикіе берега покинуть для волненья,
Борьшся съ бурями, вездѣ гибель зрѣшь,
И бросишь якорь свой у пристани заб-
венья!

В.

Къ Юліи.

Ахъ, Юлія! за чѣмъ прелестный, нѣжный
взглядъ
Въ сурозой обращаешь и мрачной шакъ казашься?
Напрасно, Ангелъ мой! себѣ лишь улыбаешься
И сердцемъ находишь шьму радостей, оспрадь!
Весна цвѣшущая должна ли быть унылой?
Должна ли милая желать угрюмой быть?

II. НАУКИ И ИСКУССТВА.

А Р Х Е О Л О Г И Я.

Сравненіе Ликургова законодательства съ Солоновымъ.

Древнѣйшая исторія Греціи, подобно исторіи всѣхъ странъ и народовъ, покрыта почти непроницаемымъ мракомъ. Очень мало найдется достоверныхъ сказаній о временахъ первобытныхъ; все представляется въ видѣ басень и вымысловъ, показывающихъ младенчество народа и неудовлетворяющихъ любителя исторической точности. Мало по малу неизвѣстность исчезаетъ; повѣсти о событіяхъ послѣдовавшаго времени имѣютъ уже видъ правдоподобія и самой даже достоверности. Около половины шестнадцатаго столѣтія до Рождества Христова Кекропсъ приплылъ изъ Египта къ Греціи и положилъ основаніе Афинамъ, которыя при немъ состояли изъ двѣнадцати отдѣленій (*tribes*), и которыя Тезей соединилъ потомъ въ одинъ городъ. Немного ранѣе, около 1600 лѣтъ до Христа, Лелеги, вышедшіе изъ Азіи подъ предводительствомъ Лелекса, посели-

лись въ Ланкедемонѣ. Почти за 1500 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, Кадмъ основалъ Фивы. Симъ премъ государствамъ, а особливо двумъ прежде наименованнымъ, принадлежишъ первенство въ Греческой испорїи, не по старшинству ихъ, но потому, что отъ нихъ наиболее зависѣла судьба другихъ областей. Сперва управляли Цари въ Афинахъ; но когда одинъ изъ нихъ, именемъ Кодръ, геройски пожертвовалъ собою за опечество, тогда сѣе шило, кошорымъ уже не захошѣли удостоить никого другаго, было уничтожено, а вмѣсто его учрежденъ санъ Архонта. Въ то время Греція состояла изъ многихъ небольшихъ областей, изъ коихъ каждая управляема была особымъ начальникомъ; но всѣ онѣ соединялись для общей обороны, или когда требовала того общая польза. При всегдашней взаимной враждѣ между собою, онѣ всѣ поднимали оружіе прошивъ общаго непріятеля. Разрушенная Троя служилъ доказательствомъ, сколь спрашны были соединенныя ихъ ополченія. Всѣ области сопряжены были единствомъ языка, вѣры и народной гордости, по внушенію коей Греки презирали всѣхъ иноплеменниковъ. Священнымъ почиталось у нихъ собраніе Амфикіоновъ, коего члены два раза ежегодно разсуждали въ Термопилахъ о выгодахъ Греція, произносили окончательные при-

говоры о нарушителяхъ вѣры и о всякомъ дѣйствіи нечестія, и рѣшили разные споры по сей часши. Въ прочемъ онѣ еще не имѣли никакихъ положительныхъ законовъ, которыми крайне нуждались, а особливо Спарта и Аѣины, какъ важнѣйшія передъ другими обласпи. Явились законодатели: въ Лакедемонѣ Ликургъ за 888 лѣтъ, и пошомъ въ Аѣинахъ Соловъ около 600 лѣтъ до Рождества Христова. Знаменитыя учрежденія сихъ законодателей; ибо дѣйствія оныхъ простирались не только на согражданъ, но и на другія Греческія обласпи, принявшія законы Ликурга и Солона. Прежде нежели сравнимъ оба законодательства, надобно сказать, въ чемъ оныя состояли.

Ликургъ не опмѣнилъ Царскаго достоинства; при Царяхъ оспалось право наследованія; они предсѣдали въ собраніяхъ, подавали голосъ прежде всѣхъ, и водили войска. Но власть ихъ ограничена была со вѣшномъ двадцати осми спарцевъ (*υεγετις*), опправлявшихъ должность свою, какъ и Цари, до самой смерти, и несѣсняемыхъ никакою постороннею властію. Они давали Царямъ повелѣнія во время войны, пропивались намрениямъ, клонившимся нѣ ушбсненію народа, помогали Царямъ, когда народъ слышномъ усиливался, сзывали всѣ со-

бранія и соспавляли изъ себя верховное судилище. Народъ не имѣлъ никаго гоучастія въ правленіи; члены сего сословія не могли бытъ государспвенными чиновниками; они раздѣлялись на Спаршанъ, Лакедемонянъ и Гелоповъ. Но чпобы нѣкоторымъ образомъ вознаградишь жипелей за такую прошивъ ихъ несправедливостъ, Ликургъ убѣдилъ и принудилъ гражданъ ошдать государспву все ихъ имѣніе, попомъ раздѣлилъ землю на равные учаспки для каждаго, выключая Гелоповъ, которые не имѣли никакой собственности; такимъ образомъ у дворянства ошпяшо излишнее богатство, а народъ переспалъ нуждашья. Но какъ распоряженія сїи были недостапочны для совершеннаго уничтоженія шеравенства, и для шого, чпоубъ ошличіе одной шолько заслугъ принадлежало; шо законодашель унизилъ цѣну монеты и ввелъ въ упопрбленіе желѣзные деньги, весьма неудобныя для сбереженія; ибо 10 минъ (около 12 палеровъ) надлежало везши на паръ воловъ, а чпобы спряшашъ ихъ, для шого нужно было бы опрошашъ цѣлую храмину. Столъ для всѣхъ гражданъ былъ общественной, и шолько бо-лѣзнь могла служишь извиненіемъ ошсущствія. Муцины бли въ особой храминѣ, и ежемѣсячно должны были взношишь опредѣленную сумму на покупку сѣбспныхъ припасовъ. За кушаньемъ говорили мало; за

короткими вопросами слѣдовали такіе же отвѣты. Желая пріучить дѣтей заблаговременно къ порядку и благочинію, Ликургъ предписалъ водить ихъ къ общественной прапезѣ. Дѣти безобразныя и слабого сложенія приносимы были въ пещеру горы Таргиса, и тамъ умирали; прочія воспитывались для государсва. До семи лѣтъ они жили въ домѣ родительскомъ, а съ того времени въ общественомъ заведеніи. Всѣхъ ихъ пріучали довольствоваться одинавою пищею, не пугаться въ попемкахъ, ходить босикомъ, спать на жесткой постелѣ, носить одинакое платье зимою и лѣтомъ, и никого изъ сверстниковъ своихъ не бояться. Въ годъ по одному разу сбкли ихъ у дѣянина жершвенника, запрещающаго имъ кричать, какую бы сильную боль дѣти ни чувствовали, и кто являлъ болѣе швердости при семъ испязаніи, тому отвѣ товарищей оказываемо было особое уваженіе. Случалось не рѣдко, что дѣти умирали отвѣ нобоевъ, и въ то самое время отцы увѣщивали ихъ терпѣливо сносить муку до послѣдняго издыханія. Чтобы пріучить дѣтей къ военнымъ хитроспямъ, дозволяли имъ красть; но кто былъ уличенъ, тотъ подвергался наказанію. Кромѣ сихъ постановленій, Ликургъ далъ еще другіе особенныя законы; напримѣръ: Спаршанцамъ не дозволялось отправлять какое - либо реме-

сло или художество, попому чино любовь въ опечесству долженствовала наполнять всю душу гражданина; ремесла же и художества предоспавлены были Гелопамъ. Онъ запрешилъ часпо предпринимать войну противъ одного непріятеля и преслѣдовавъ его по одержаніи побѣды. Военное время было для Спаршанъ выгоднѣе мирнаго; ибо они тогда пользовались большею свободою. Показавшій хребетъ непріятелю подвергался ужасному поношенію, которое могло бытъ опсрачено только знаменимымъ какимъ-либо подвигомъ. Запрещено было укрѣплять города стѣнами, для того чшобы сдѣлать швмъ Спаршанъ храбрѣе и проч. —

Солонъ учредилъ верховными правителями Архонтовъ. Онъ раздѣлилъ народъ на пять классовъ; однакожь только граждане шрехъ первыхъ имбли право подавать голоса и опсправлять должности въ республикѣ. Народъ въ собраніяхъ своихъ назначалъ чиновниковъ, рассуждалъ о дѣлахъ общесшвенныхъ, произносилъ судебные приговоры и разсмашривалъ шажбы, представленныя къ нему недовольными рѣшеніемъ другихъ судилищъ. Ареопагъ былъ учрежденъ еще прежде Солона; но при немъ получилъ онъ большую важность. Сіе судилище имб-ло обязанность наблюдать за исполненіемъ законовъ. Прежде въ члены Ареопага опре-

дѣлаемы были старшіе граждане, извѣстные по отличной честности; Солонъ узаконилъ засѣдать въ Ареопагѣ только первыя гражданами, кои были уже Архонтами. Судилище сіе почиталось священнымъ у Аѳинянъ. Въ немъ разсуждали въ пошмахъ, для того чтобы видимые предметы не препятствовали дѣйствию правосудія. Большой совѣтъ (βουλή), изъ четырехъ сотъ членовъ состоявшій, разсматривалъ дѣла и шажбы рѣшенныя въ Ареопагѣ, и пошомъ опсылалъ ихъ въ общее народное собраніе. Солонъ опредѣлилъ, чтобы принимающіе ни чьей спороны въ народныхъ преніяхъ объявляемы были за безчестныхъ, осуждаемы на вѣчное изгнаніе и лишаемы всего имѣнія. Дѣвицамъ и женщинамъ не дозволялось, какъ прежде было, выходить за мужъ съ приданымъ, для того чтобы не сдѣлать брака способомъ насыщать корыстолюбіе; невѣста могла принести съ собою только при платья и нѣсколько хозяйственныхъ вещей, самыхъ дешевыхъ. Прежде ни одинъ Аѳинянинъ не могъ оставить по себѣ завѣщанія, пошому что имѣніе принадлежало дѣшамъ. Солонъ дозволилъ и другихъ дѣлать участниками въ наслѣдіи. Ареопагъ долженъ былъ освѣдомляться объ упражненіяхъ каждаго гражданина, и праздныхъ наказывать. За худые поступки чиновника, имѣющаго участіе

въ законодательствѣ, назначена была смершная казнѣ. Ежели отецъ ни чему не выучилъ своего сына, шо сей не обязанъ былъ кормить его въ спарсши. Обѣ опцеубійствѣ Солонъ не далъ закона, предполагая сѣе преступленіе невозможнымъ.

Ясно, что каждой изъ сихъ законодательей имѣлъ въ виду особливую цѣль, къ доспигенію коея оба употреблили особливья распоряженія.

Намбреніе Ликургово было сдѣлать Спаршу воинспвеннымъ государспвомъ. Всѣ распоряженія его зависѣли отъ сего намбренія. Онъ показывающъ, что законодатель хотѣлъ сдѣлать людей болѣе воинспвенными, нежели счасливыми, и радоспное чувспво удовольспвія замѣнить совершеннымъ безчувспвіемъ: Любовь къ отечеспву долженспвовала бытъ въ Спаршнахъ господспвующею склонносшю; храбросп долженспвовала вознесши ихъ выше всѣхъ Грековъ. Мирныя добродѣтели, спкойспвіе духа, образованіе ума, изключены были изъ его плана. Ликургъ желалъ, что бы учрежденія еіо оставались на вѣки прочными. Главнсе правило его — удержанъ народъ и въ зависимоспи и въ довольствѣ. Ни Цари, ни народъ не должны были имѣть излишней власти: у однихъ шѣмъ опняша свобода посягать на справедливоспъ; отъ

обѣихъ споронъ удалены причины къ несогласіямъ. Даже воспипаніе содѣйствовало законодапелю къ достиженію предположенной цѣли; заранѣе оплучалъ онъ дѣшею отъ родипельскаго дома подъ предлогомъ, что онъ должны бытъ воспишываемы для опечества и принадлежать государству, а не родипелямъ.

Солонъ имѣлъ совсѣмъ другое намѣреніе: онъ хотѣлъ дать Аѣинянамъ законы не самыя лучшіе изъ всѣхъ возможныхъ, но самыя лучшіе изъ всѣхъ приличныхъ Аѣинянамъ. Онъ опказался отъ Царскаго дошпоинства, желая ввести форму правленія, на благоразумной свободѣ основанную. Онъ не опважился врачевать болѣзни государственнаго шѣла, кошорыя почишалъ неизлѣчимыми. Онъ не хотѣлъ подвергнуть народъ пришѣсненію, но шакже не хотѣлъ дать ему излишней свободы. Почши всѣ законы его опносились не къ войнѣ, но ко внушреннему спокойствію. Солонъ хотѣлъ сдѣлать республику швердою внушри, безошасною извнѣ, хотѣлъ сдѣлать ее просвѣщенною обласшію.

Сравнивши основанія одного и другаго законодателя, можно спросить: какія изъ нихъ были лучше, какія болѣе соопвѣшествовали предположенной цѣли? Тамъ учре-

жденія, открывающія намбреніе законода-
 шеля предохранить ихъ отъ перемѣнъ, отъ
 порчи попокомъ времени причиняемой; здѣсь
 законы, изобрѣтенные не для вѣчнаго су-
 ществованія, но приравленные къ об-
 щночеловѣческимъ. Тамъ распоряженія, кло-
 нящіяся къ тому, чтобы цѣлой народъ сдѣ-
 лать воинственнымъ, и слѣдственно прї-
 учить его къ завоеваніямъ; здѣсь приглаго-
 ляли онъ республику къ ощущенію вну-
 шренней силы и къ отраженію внѣшнихъ
 непріятелей. Законодатели существовали раз-
 ными путями. Чей же лучше? Солоновъ.
 Законодательство его безспорно имѣетъ
 преимущество передъ Ликургомъ.

Одно уже намбреніе Ликурга, сдѣлать
 законы свои навсегда непремѣнными, совсѣмъ
 несбыточно. Онъ путешествовалъ по раз-
 нымъ странамъ; конечно зналъ людей,
 слышалъ о государственныхъ превращені-
 яхъ, о перемѣнахъ въ образѣ мыслей и въ
 просвѣщеніи народовъ. Такой человекъ дол-
 женъ бы вѣдать и о томъ, что народъ по
 прошествіи нѣсколькихъ столѣтій на себя
 не походитъ, и что по сей уже причинъ
 для него надобны новые законы. Какъ же
 могъ онъ думать, чтобы законы его, не-
 смотря на превращенія, которыми необхо-
 димо надлежало случиться въ государствѣ,
 всегда оставались непремѣнными? Правда

что и Соловь желалъ сдѣлать прочными свои распоряженія — въ чемъ конечно и обвиняшь его никакъ не будешь — и Соловь взявъ клятву съ Афинянъ хранить ненарушимо законы его по крайней мѣрѣ въ продолженіе сна лѣтъ; не лзя утверждать однакожь, чтобы онъ думалъ, будто они процвѣщали будуще чрезъ многія столѣтія и никогда несоспарбюшя.

Ликургъ незаслуживаетъ ли порицанія за главную мысль свою, сдѣлать государство только воинственнымъ? Сія одна мысль уже показываетъ грубое, свойственное вѣку законодателя намѣреніе положить начало всегдашнимъ безпокойствамъ, смятеніямъ и военнымъ замѣшательствамъ, а внутреннюю пищину и счастіе домашнее оставить въ небреженіи. Напротивъ того Солоново прекрасное намѣреніе клонилось къ тому, чтобы доставить спокойство, утвердить благоденствіе, водворить науки и искусства.

Не лзя не удивляться, какъ народъ могъ перенести, когда Ликургъ сбѣснялъ права его и оппималъ у него почти всю власть, и какъ при самомъ началѣ не опвергнулъ такихъ распоряженій! Можешь быть только раздѣлъ земли на равныя части воспрепятствовалъ уничтоженію Ликуровыхъ законовъ. Сословіе народа веимѣло участія

въ гражданской службѣ: оно должно было предлагаема оуб Сената дѣла или одобришь, или отвергнушь съ законическою рѣшительностію, а ошнюдь не входить въ разсмотрѣніе оныхъ. Какая розница въ Солонѣ закондательствѣ! Аѣнскій народъ въ собраніяхъ своихъ рассуждалъ о дѣлахъ государственныхъ, назначалъ гражданъ къ опправленію должностей, и былъ увѣренъ, что ничего важнаго не сдѣлается безъ его воли.

Ликургъ раздѣлилъ народъ на три класса, и Гелотамъ, принадлежавшимъ къ послѣднему, въ удѣлѣ достались крайнее презрѣніе и неспособныя обиды. На нихъ лежала обязанность опправлять самыя низкія работы; ихъ наказывали публично и даже убивали. Солонъ раздѣлилъ народъ на пять классовъ, и хотя граждане, къ двумъ послѣднимъ принадлежавшіе, не могли бытъ опредѣляемы къ должностямъ, однакожь имѣли они право давать голоса въ собраніи.

Великаго упрека Ликургъ достоинъ за безчеловѣчное гспязаніе дѣпей, испязаніе, которое, сообразно предначерпанному имъ варварскому плану, дѣлало ихъ дикими, но воинспвенными.

Ясно, что Ликурговы учрежденія были грубыя и варварскія. Однакожь не дол-

жно во всемъ винить законодателя. Онъ жилъ почти за триста лѣтъ до Солона, въ то время когда большая часть умовъ покрыва еще была густымъ мракомъ, и когда едва только разсвѣтанье начинало въ нравственномъ мѣрѣ. Онъ первый въ народѣ всемъ сдѣлалъ опытъ къ составленію порядочнаго законодательства; было бы несправедливо опинимать у него и сіе достоинство. Въ его время все усстремлялось къ подвигамъ мужества, все одушевлено было храбростію; и такъ не удивительно, что законодатель предположилъ себѣ главнымъ правиломъ воинственное образованіе. Еслибъ онъ жилъ въ Солоново время, то можетъ быть твердый умъ его усстремлялся бы къ другой, благороднѣйшей цѣли.

Натурально, что оба законодательства имѣли великое вліяніе въ нравы, въ постепенное образованіе и въ судьбу народовъ, которымъ онъ принадлежали. Въ исторіи Спартанъ и Аѳинянъ видны слѣды вліянія сего въ свойства и въ дѣйствія обонхъ народовъ, всегдашнихъ соперниковъ между собою.

Спартанцы, по намѣренію законодателя своего, оспались воинственнымъ народомъ. Они имѣли у себя знаменитыхъ полководцовъ, покоряли обласпи, славились му-

жествомъ , безпрестанно искали предлоговъ къ войнѣ , и добивались верховнаго начальства надъ Греціею. Всѣ изящныя искусства, всѣ науки были чужды Спартанцамъ. Моглиль онѣ процвѣшашь , или даже возникнуть при непрерывныхъ дѣйствіяхъ военныхъ ? Не зная мѣры въ свойственной Грекамъ народной гордости, Спартанцы презирали всѣ города и области Греческія. Они спарались подавить возникающую силу въ земляхъ сосѣдственныхъ. Главная политика ихъ состояла въ желаніи, доведши Аѣины до совершеннаго изнеможенія, унизишь сїю республику , и сдѣлашь ее неспособною предпринять что-либо противъ Спаршы и другихъ Греческихъ областей.

Правда, что и Аѣиняне содѣлались наконецъ воинственнымъ народомъ. Аѣины долгое время были позорищемъ внутреннихъ несогласій ; и пакъ не удивительно , что мудрые законы не были свяшо исполняемы , и что прежніе раздоры возобновились , какъ только Солонъ удалился изъ города. Писиспратъ похитилъ верховную власть, и Солонъ, по возвращеніи своемъ ни важностію , ни силою краснорѣчія не могъ уже вопрошившись его намѣреніямъ. Скоро попомъ началась война противъ Персовъ , въ которой Аѣиняне имѣли дѣяшельнѣйшее участіе. Законы Солоновы спава-

лись въ небреженіи; но пому виною были тогдашнія обспояшельства.

Хошя законы Солоновы не укропили волненій полищическихъ; однакожь они были главною причиною водворенія наукъ и художествъ въ Аѣинахъ. Тамъ скоро полюбили Гомеровы пѣснопѣнія; тамъ процвѣла Трагедія; тамъ жилъ Анакреонъ въ счастливой безпечности. Кпо не восхищаетсѣ при воспоминаніи о томъ покровительствѣ, какимъ въ Аѣинахъ пользовались всѣ любознательные изслѣдователи истины, всѣ служители Музъ и Граціи? Человѣколюбивымъ законамъ Солоновымъ одолжена была Аѣшика славою своею и благоденствіемъ.

(Съ Нѣмецк.) М.

III. К Р И Т И К А.

Цицероново сочиненіе о Должностяхъ.

При имени древней лишературы сколько прекрасныхъ напомианій возбуждается

въ душѣ нашей! Невольнымъ образомъ пред-
ставляюща намъ мысли о величїи и со-
вершенствѣ; мы видимъ передъ собою тѣхъ
знаменистыхъ мужей, коихъ нѣкогда,
въ юношескомъ возрастѣ, въ минуты бла-
городнаго воспора, хощали имѣть своими
наставниками и образцами. О, еслибъ въ
училищахъ, гдѣ разбираютъ древнихъ пи-
сателей по правиламъ Грамматики, тща-
тельно извѣняли и тѣ правила, за ко-
торыя называютъ ихъ учителями вкуса и
нравственности!

Между ними Цицеронъ стоить на выс-
шей ступени. Творенїя сего великаго Писа-
теля заключающа въ себѣ все полезнѣй-
шее для насыщенїя алчнаго любопытства
юноши. Силою ума и дарованїемъ вознесшись
на верхъ почестей, онъ спасъ республику му-
жествомъ своимъ и красноречїемъ; потомъ,
когда власть самодержавїя досталась одному
властителью, училъ согражданъ своихъ прави-
ламъ любомудрїя. Въ писанїяхъ его содер-
жаша уроки добродѣтели для людей всякаго
возраста, и для начальниковъ и для подчи-
ненныхъ. Онъ не показалъ ни слабости, ни
унынїя при бѣдствїяхъ, постигшихъ его
во время несчастныхъ переменъ въ прави-
тельство; до самой кончины умѣлъ онъ
сохранить по же безпристрастїе, по же
любовь къ отечеству. Сподоль необычайное

еоединеніе швердосши , познаній , олыпноспи и искуссва писашь дѣлаешь Философическія сочиненія Цицероновы чрезвычайно прѣятными и вмѣстѣ полезными.

Цицеронѣ особенно силенѣ въ доказапельствахъ , когда предлагаешь о выгодахъ добродѣтельной жизни и о счастливомѣ состояніи челоѡвка, умѣющаго владѣть спрашьями, и когда говоритѣ о слабостяхъ и порокахъ, влекущихъ за собою стыдѣ и раскаяніе. Съ удивительнымѣ искуссвомѣ подбѣраешь онѣ примѣры къ своимѣ разсужденіямъ, и примѣры его почерпнушы изъ жизни знаменитѣйшихъ Римлянѣ ! Онѣ шого-шо, прочитавши Цицероновы шворенія, вы чувствуете въ себѣ болѣе силы, нужной для управленія самимѣ собою.

Сочиненіе *О Должностяхъ* (De Officiis) наиболѣе достопамятно по речательнѣю , какое оспавляешь по себѣ въ душѣ читателя : сильная дѣалектика, убѣдительное краснорѣчіе вдыхаютѣ въ нее чувство чести, правоты, любви къ отечеству. Здѣсь Цицеронѣ сравниваетѣ *честное* съ *полезнымъ*, и разсуждаетѣ о соперничествѣ сихъ двухъ пружинъ дѣяній челоѡческихъ; здѣсь входитѣ онѣ во все подробности жизни, неѡдаваясь однакожъ въ излишество многословія; здѣсь показывается

онѣ, какимѣ близкимѣ союзомѣ связаны между собою должності правоты и благоприличія. Написавѣ книгу сію для сына своего, тогда обучавшагося въ Аѣннахѣ, Цицеронѣ совѣщаетъ ему невѣришь ни Циникамѣ, ни даже Стоицикамѣ, которые говорили противѣ стыда и благоприсойности въ поступкахѣ. Сіи философы умсповали такимѣ образомѣ: что само по себѣ не естъ постыдно, шо можеть бышь произносимо словами и исполняемо на дѣлѣ въ присутствіи людей спороннихѣ.

Изѣ всѣхѣ авторовѣ, писавшихѣ о нравспвенности, никто лучше и съ большимѣ успѣхомѣ не изъяснилѣ согласія правилѣ здраваго разума съ общеспвеннымѣ порядкомѣ. Цицеронѣ прекрасно доказываетъ, что все вредное для цѣлаго общеспва гражданскаго не можеть бышь, хотя бы оно и казалось, для насѣ полезнымѣ. Здѣсь - шо открываеться великое преимущество Цицерона передѣ Сенекою: одинѣ основываетъ ученіе свое на правилахѣ разума, на самыхѣ началахѣ; другой спараетъ доказывать красивыми изреченіями и зашѣливими стоическими шребованіями.

Вѣ сочиненіяхѣ Цицероновыхѣ никогда не найдете напханушыхѣ заключеній; шруднаго вопроса никогда не рѣшишь омѣ

воскликаніемъ. Защищая , на примѣръ , священный законъ , повелѣвающій охранять общественный порядокъ , онъ спрашиваетъ , дозволяется ли иногда умѣренностію и честію пожертвовать общественному благу , и потомъ самъ же рѣшительно отвѣчаетъ *нѣтъ*. „Мудрый и добродѣтельный человекъ никогда не учинитъ дѣйствій поспыдныхъ и безчестныхъ ни для чего , ни же для блага своего опечесыва. Почему такъ ? Потому что опечесыво само того нехочетъ. Величайшая удобность состоитъ въ томъ , что никогда случится не можетъ такихъ обстоятельствъ , которые заставили бы честнаго человека для блага общественного рѣшиться на дѣло поспыдное и безчестное (*).“

Иногда кажется , что разныя должности одна другой противорѣчатъ , одна у другой оспариваютъ власть надъ нашими поступками. Цицеронъ въ краснорѣчивомъ сочиненіи своемъ подробно разсмаприваетъ , когда сіе могло бы случиться , и османивается здѣсь именно для того , что въ жизни человеческой не рѣдко бываютъ такія затруднительныя противоположности.

(*) *Sed haec commodius se res habet , quod non potest accidere tempus , ut intersit reipublicae quidquam illorum facere sapientem. Lib. 1. Cap. 45.*

Философъ нашъ беретъ для примѣра не маловажной проступокъ, но ужасное злодѣянїе. „Предположимъ, будшо знаешь ты, что отецъ твой обокралъ храмъ, и что онъ, сдѣлавъ тайно подземный ходъ, унесъ общественныя сокровища: долженъ ли ты объявить о томъ правительству? Ты сдѣлалъ бы великое преступленїе; напрошивъ того ты долженъ бы, еслибъ отца твоего обвиняли въ судѣ, даже всячески защищать его. Какъ! скажешь ты: а благо общественное, кѣ которое всему предпочипать надлежитъ? И я говорю всему; однакожь главнѣйшая польза общества состоитъ въ томъ, чшобы должности напуры были свяшо наблюдаемы, и чшобы любовь дѣшская не была нарушена. — А еслибъ родители мой посягнули на свободу согражданъ, еслибъ онъ измѣнилъ опечеству? Вотъ одинъ шолько случай, когда можно сдѣлать въ правилахъ должностей исключенїе. Постарайся употребишь всѣ способы къ ошвращенїю его отъ шакого дѣла. Еслижь не получишь успѣха; тогда предпочипи безопасности отца своего спасенїе опечеству (*).“

(*) *Obsecrabit patrem ne id faciat; si nihil proficiet, accusabit; minabitur etiam; ad extremum, si ad perniciem patriae res spectabit, patriae salutem anteponet falui patris. Lib. 3. Cap. 27.*

Сіе ученіе испекаешъ изъ правилъ, въ Римѣ господствовавшихъ. Святослапшвомъ, достойнымъ самыхъ жестокихъ испязаній, не разрушается составъ пѣла государственнаго; и для шого законъ Природы ешь въ семъ случаѣ законъ священный, ненарушимый. Но когда дѣло идетъ о поступкѣ, непосредственно угрожающемъ пагубою обществу, *regicidium republicae*; шогда сохраненіе онаго дѣлаешя уже первою должностію; ибо всѣ должности кляняшя къ соблюденію общественнаго благосостоянія. Съ сими - по правилами соглажаясь, Брутъ осудилъ на смерть дѣтей своихъ. Въ прочемъ болѣе удивляшя должно сему поступку, говоритъ Плутархъ, нежели хвалишь его; ибо въ немъ видимъ не шолько величія, сколько швердосши.

Третія книга *Должностей* Цицероновыхъ ешь вмѣстѣлице образцоваго умшпованія и краснорѣчія; доводы въ ней, непосредственно одни за другими слѣдующіе, подкрѣплены избранными примѣрами. Тутъ Римскій Философъ заставляешъ любить самыя шрогія должности и добродѣтели, и шипапель безмолвно повинуешя его власти.

Особливаго примѣчанія достойно, что древніе, подобно Цицерону шщательно наблюдавшіе сердце человѣческое, весьма хо-

рошо знали всѣ его пружины, и что при шакомъ спрогомъ нравоученіи они желали, чтобы власшь полишическая охраняема была любовію а не спрахомъ. „Любовь всего болѣе благопріятствуетъ верховной власши, говоритъ Цицеронъ, и ничего нѣтъ для нее прошивнѣе спраха. Никакая сила не можеть устоять прошиву всеобщей ненависти. Хотя нѣкоторые люди и утверждають, будто насильственная власшь непобѣдима; но шакое ученіе ихъ всегда будетъ бесполезно для благоустроеннаго общества.“

Разсужденіями о свящости присяги и о непреложной обязанности исполнять данныя обѣщанія, какія бы опасности ни предстояли, наполнены почти всѣ послѣднія главы шрепей книги. Здѣсь Цицеронъ съ благороднымъ, достойнымъ Римской души удовольствіемъ просбранцо повѣствуетъ испорцію Регула, кошорой лучше захошѣлъ возвращиться въ Картагену и подвергнушь себя мучительной смерти, нежели измѣнишь данному слову. Слѣдующій примѣръ, не менѣе поразительный, показываетъ также и свойство Римскаго народа.

„Трибунъ Маркъ Помпоній вошелъ съ доносомъ на Люція Манлія, сына Авлова, за то что сей удерживалъ при себѣ Дикша-

шорскую власть нѣсколько дней долбе опредѣленнаго времени. Онѣ обвинялъ Манлія еще и въ томѣ, что сынѣ его Тибѣ, послѣ принявшій имя Торквапа, по волѣ отца своего долженѣ былѣ жить въ деревнѣ и не имѣть съ людьми сообщенія. Юный Тибѣ, узнавши о доносѣ на отца своего, поспѣшъ поскакалъ въ Римѣ, и на разсвѣтѣ прибѣжалѣ въ домѣ Помпонія (*). Трибунѣ, когда ему доложили, сперва подумалѣ, что раздраженный Тибѣ пришелѣ къ нему съ жалобами на своего родителя. Помпоній немедленно вспаетѣ съ посипели, берещъ предоспорожность, чшобы никого небыло поспороняго и приказываетѣ допустить къ себѣ юношу. Предспавши передѣ Помпонія, Тибѣ поспѣшно обнажаетѣ мечъ свой и съ кляшвою угрожаетѣ умершвишь Трибуна, если онѣ неосвободитѣ Манлія. Успрашенный Помпоній произноситѣ кляшву; поспѣшъ идетѣ въ народное собраніе и объявляетѣ, что онѣ долженѣ прекрашшь дѣло по доносу — и Манлій освобождается. Такѣ свяшо въ тѣ времена держали свое слово (**)! “

Ни одно изѣ превосходныхѣ швореній, оставшихся намѣ отѣ древнихѣ, думаю,

(*) Дома начальспвующихѣ гражданѣ, а особливо Трибуновѣ, были во всякое время открышы для приходящихѣ.

(**) Cicero, Lib. 3. Cap. 21.

не равняеся съ сочиненіемъ *О Должностяхъ*, въ разсужденіи пользы, какую почерпашъ изъ него можетъ воспишывающееся юношество. Чинная книга сію, молодые люди научатся строгой нравственности, привыкнушъ ненавидѣть пороки и развращеніе, возлюбятъ добродѣтель, и станушъ уважать людей гоповыхъ на всѣ жертвы для непорочимаго сохраненія должностей своихъ. Цицеронъ писалъ для сына; слѣдовательно долженъ былъ употребить все краснорѣчіе и собрать въ одно мѣсто плоды размышленій своихъ и опытности. И такъ удивительно ли, что швореніе *О Должностяхъ* есть образецъ совершенства?

Знающіе Нѣмецкой языкъ могутъ читать Цицероновы *Должности* въ переводѣ *Гарве*, извѣстнаго Философа. На Французскомъ языкъ напечатано много изданій и разныхъ переводовъ; изъ числа ихъ особенно одобряется лѣтъ за десять передъ симъ изданный въ Парижѣ *Балланомъ де ла Баслидомъ*, которой такъ же перевелъ Цицероновы шворенія *О старости* и *О дружбѣ*. На Россійскомъ языкъ книга сія напечатана 1761 года въ С. Петербургѣ.

М.

IV. С М Ъ С Ъ.

О почтеніи Рускихъ къ бородѣ и волосамъ своимъ.

Можно; кажешся, суевѣріе раздѣлить на два рода: одно частное, а другое общее. Первое принадлежитъ одному какому-нибудь народу, одному обществу, одному человѣку; другое напропивъ есть принадлежность всего рода человѣческаго. Не мое дѣло изыскивать причины какъ частнаго такъ и общаго суевѣрія, и разсуждать о заблужденіяхъ; скажу только, что почтеніе къ бородѣ и волосамъ принадлежѣтъ ко второму роду суевѣрія.

У всѣхъ почти народовъ волосы были въ таковомъ почтеніи, что даже происходили кровопролитія за страшное оскорбленіе — вырванъ бороду. У Евреевъ волосы были нѣчто священное. Оставя другіе народы, скажемъ что-нибудь о Рускомъ.

Славяне, до принятія ими Христіанской Вѣры, сколько уважали свои волосы, что приносили оныя въ жертву богамъ и думали, что сіе жертвоприношеніе гораздо имъ пріятнѣе, нежели пучныя спада и плоды земные. Несчастіе спарались они отъвративъ, приходя къ Перуну съ обстриженною головою и бросая свои волосы въ огонь, передъ нимъ горящій. Голова Перуна была серебряная, а борода и усы золотые: одно это обстоятельство

ство означаетъ уже какое-то уваженіе Славяно-Руссовъ къ волосамъ. Они сполько почитали бѣгину: *Золотую бабу*, чшо ништо не дерзалъ пройти мимо ея капища, не вырвавши волоса изъ головы или бороды своей.

Ташищевъ говоритъ, что Князья Рускіе и Бояре, будучи язычниками, поспригали своихъ дѣшей, когда совершалось имъ семь лѣтъ, ш. е. когда оканчивался первый возрастъ, и праздновали съ веселіемъ торжественный день посприга. Такое обыкновеніе осталось и по принятии вѣры Христіанской. Исторія много разъ упоминаетъ о поспригахъ Княжескихъ дѣшей.

Въ Лѣтописяхъ мы находимъ, что „Великій Князь Всеволодъ III, учинивъ поспригу сыну своему Юрію 1192 года Апрѣля 25 дня, погожъ дня и на коня его посадилъ, и *была во Владимірѣ радость великая.*“ Далѣе читаемъ, что въ 1213 году Князь Константинъ Всеволодовичъ съ великимъ торжествомъ *постригъ* Василька и Всеволода, изъ которыхъ первому было чешыре, а второму три года. Сына В. К. Іоанна Васильевича Георгія по прошествіи семи лѣтъ поспригали со спрѣлами и на коня посадили (*), и проч.

(*) Польскіе Историки рассказываютъ, что при Попелѣ II жившій въ Крушвицѣ земледѣлецъ Пясѣ угостилъ въ домѣ своемъ двухъ незнакомыхъ пришельцовъ свищиною и медомъ, приготовленными къ празднованію *постригъ и наиженевнія* сына его. По смерти Попела, котораго загрызли мыши, Пясѣ избранъ въ Князи 842 года, и былъ родоначальникомъ многихъ Государей.

Изд.

Петръ Великій, подражая другимъ Европейскимъ Государямъ, повелѣлъ всѣмъ обрить свои бороды. И *Шениз*, первой изъ подданныхъ Рускаго Царя, явился предъ лице его 1700 года выбранный; *Шереметевъ* вшорой, а за нимъ все войско послѣдовало примѣру Государя и Бояръ его. Руской бородачь по Имянному Указу Петра I непременно платилъ въ казну пеню за то, что не брилъ бороды своей. Смолрише, какъ все переменяется. За сто лѣтъ проклятіе гремѣло противъ брѣющихъ бороду; теперь надобно купить за деньги дозволеніе бытъ съ бородою. „Кто не похочетъ бритъ бороду и усы, съ пѣхъ брать (выключая поповъ и діаконовъ): съ служилыхъ чиновъ и приказныхъ по 60 рублей съ человека въ годъ, съ госней по 100 рублей, съ торговыхъ и посадскихъ по 60 рублей, съ посадскихъ прешней шляпъ, боярскихъ людей, ямщиковъ, извозчиковъ и церковниковъ по 30 рублей и давать имъ знаки изъ Земскаго Приказа.“ 16 Января 1705 года. Кромѣ того каждый крестьянинъ съ бородою бдущій въ городъ, или изъ городу, платилъ въ казну по одной копейкѣ. Тогда начался ропотъ въ раскольникахъ; они швердо спюяли за свои бороды: „Какъ! говорили старообрядцы, мы-де съ бородою составляемъ образъ и подобіе Бога; а безъ нее на что мы будемъ похожи? Лучше хопимъ поспрадать, нежели обрить свои бороды.“ Они приводили въ доказательство праваго своего дѣла старопечатныя книги, въ кошорыхъ будто находилъ ся, что Святые Мученики *Антоній*, *Іоаннъ* и *Евставій* поспрадали за свои бороды.

Всѣ старанія обратишь ихъ на пупъ истинны ошались безуспѣшны. *Димитрій* Рс-

стовскій сочинилъ цѣлую книгу о бородобрити-
нѣ, въ которой онъ доказываетъ имъ не-
лѣпость ихъ понятій о волосахъ, и увѣще-
ваетъ ихъ оставить грубое свое заблужде-
ніе (*). Но кто ихъ увѣритъ? Нашлись изъ
нихъ такіе бородати, кои писали Рѣчи про
баба. Петръ Великій повелѣлъ выбить боро-
дозную монету: на одной сторонѣ изображенъ
былъ носъ съ усомъ, а на другой надпись —
Луквеня и годъ. Такія монеты, яко дозволеніе
носить бороду, раздавали всѣмъ раскольни-
камъ; но сія насмѣшка не помогла; они швер-
до спояли за свои бороды и теперь хранятъ
ихъ, яко вѣницу. ока своего.

Петръ Кааайдовичъ.

А н е к д о т ѣ.

Сочинилъ книги: *la Religion ancienne
et moderne des Moscovites* рассказываетъ слѣ-
дующее происшествіе, которое онъ выдаетъ
за справедливое: „Англійской посланникъ при-
ѣхалъ въ Москву и привезъ съ собою большую
обезьяну; которую онъ нарядилъ въ свою
ливрею. Однажды она забралась въ разтворенную
церковь, которая находилась противъ самага
дому Посланника. Лукавый звѣрь по своему обы-
кновенію началъ шумить, взлѣзъ на столъ
и опрокинулъ многіе Образы, висѣвшіе на стѣ-
нахъ, однимъ словомъ сдѣлалъ страшное раз-
зореніе. Спросила церковный, слыша шумъ, вѣ-
гаетъ въ церковь и видитъ обезьяну въ ли-
врѣ Англійскаго посланника. Онъ потчасъ

(*) Она напечатана въ Москвѣ 1714 года, въ 8.

запираешъ двери и спѣшишь увѣдомить Папріарха о семъ приключеніи. Папріархъ, распаленный гнѣвомъ, извѣщаетъ о семъ Царя, и пошчасъ отправляютъ въ церковь стрѣльцовъ, вооруженныхъ копьями, чтобъ взять подъ спражу *осквернишаго доми Божій*. Стрѣльцы нашли обезьяну (которую они признавали за человѣка) на жертвенникѣ, занимающуюся своею роботою; они приказывали ей сойти, угрожали побоями; но сколько ни говорили, не могли принудить ее къ повиновенію; а обезьяна по своему обыкновенію *оскаляла зѣбы*, что привело одного стрѣльца въ такой гнѣвъ, что онъ, бросившись на обезьяну, ударилъ ее нѣсколько разъ по спинѣ. Разъяренная обезьяна, будучи сильна и крѣпка, спрешельно бросилась на него и шакъ ладно его оппопчивала, что, не взирая на защищеніе стрѣльцовъ, онъ уналъ за-мертво. Между шѣмъ прочимъ удалось съ великимъ трудомъ схватить обезьяну; ее связали и пошацили шакимъ образомъ въ шюрьму при спеченіи великаго множества зришелей. Дѣло дошло до шого, что самому посланнику надобно было опасаться, чтобъ его шакже не изуродовали, какъ и обезьяну, ешьлибъ онъ не испросилъ себѣ *охранительной грѣхаты*. Бояре и купцы доложили Царю, что надѣлавшій столько разоренія въ церкви не человѣкъ, а звѣрь, пойманный въ Воспощной Индіи и попомъ сдѣлавшійся ручнымъ. Посланникъ обѣщалъ вдвое заплашить убышки, причиненные обезьяною, но все это не могло оправдаться ее; ибо Папріархъ на всѣ сіи причины отвѣчалъ, что хошьбъ онъ былъ звѣрь, или дьяволъ воплощенный — но все долженъ умереть, ибо осквернилъ церковь Божию. И шакъ несчастнаго звѣ-

ря связаннаго и обремененнаго оковами вѣчили по всему городу и наконецъ казнили (!!!)“ Авшоръ говоритъ, что записки къ сочиненію своей книги онъ получилъ изъ рукъ самыхъ вѣрныхъ — Жидовскихъ.

*

Нѣкогда въприсутствіи Папы Урбана VIII, говоритъ *Красицкій* въ описаніи жизни *Сербіевскаго* славнаго Польскаго Лирическаго Стихопворца, рассказывали одно происшествіе, недавно случившееся, что одинъ сумасшедшій отецъ сполкнулъ своего сына въ рѣку Тибръ, а собака, увидѣвши это, бросилась въ воду и выпатила его на берегъ жива и невредима. Сербіевскій тотчасъ сочинилъ два стиха, въ копорыхъ онъ описалъ все сіе происшествіе такимъ образомъ :

Projicit in Tiberim puerum pator, at canis
effert.

Nic gerit officium patris, at ille canis.

Т. е. Отецъ сполкнулъ мальчика въ Тибръ, а собака его на берегъ выпатила. Отецъ постыжился какъ собака, а собака какъ отецъ.

*

Можешь быть не всё знающъ причину одной Малороссійской пословицы : *На злодію и шапка горитъ*. Я расскажу быть, копорую и самъ слышалъ отъ другихъ. — Въ одной Польской деревнѣ случилось нѣкогда смершобійство. Злодѣй такъ умѣлъ *схоронитъ концы въ воду*, что не только отвратилъ отъ себя всякое подозрѣніе своихъ поварищей, но и заставилъ ихъ сомнѣваться въ возможности сыскашь когда-нибудь убійцу. *Крѣпзь* или Священникъ той деревни употребилъ слѣдую-

щее средство узнать преслупника, Онъ собралъ прихожанъ своихъ въ церковь, приказалъ имъ молиться; а самъ увѣщевалъ, чтобъ виновный признался, говорилъ имъ о страшномъ судѣ, о пользѣ покаянія, о Божіемъ милосердіи и даже обѣщалъ убійцѣ прощенія отъ Бога и отъ людей. Ничто не помогло. Всѣ молчали. Ксѣнзъ прибѣгнулъ наконецъ къ хитрости. Онъ приказалъ имъ *надѣть шапки* и стоя на колѣняхъ молиться Богу. Устрашенные и удивленные кресъяне надѣваютъ шапки, сшановяшся на колѣни и всѣ читаютъ молитвы. Вдругъ Ксѣнзъ обращается къ народу и кричитъ спрашнымъ голосомъ: *Смотрите, православные Христіане! у злодѣя горитъ шапка!* — Нещастный обѣими руками схватилъ себя за голову и самъ открылъ свое преступленіе, . . .

*

Евгеній Булгаръ, Архіепископъ Славянскій и Херсонскій, сочинилъ на книгу докшора Гютри: *Dissertations sur les antiquités de Russie* шесть Греческихъ стиховъ слѣдующаго содержания: „Плушархъ сдѣлалъ ибкогда сравненіе „Героевъ Греческихъ съ Римскими; *Гютри* открываетъ теперь *сходство* древнихъ Грековъ „съ Рускими въ ихъ происхожденіи, правахъ, „обычаяхъ и проч.; но вопѣ кака *разница* между сими народами: *Одичъ возстаетъ, а другой упадаетъ (увы!) болѣе и болѣе.*“

Петръ Калайдовичъ,

Б е з д ѣ л к и.

Большая разница *умѣть разговаривать и крично говорить*. *Людоръ*, на примѣрѣ, человекъ умный, одаренный удивительною памятью, навыкомъ наблюдать людей, и опмѣнною способностію пріятно извѣсняясь, хотя и много говоритъ, но мало разговариваетъ. Онъ Эгоистъ въ бесѣдѣ: говоря безпрестанно, онъ мало занимается разговоромъ другихъ; не ждетъ отъ собесѣдниковъ своихъ ни возраженій, ни отвѣтовъ на свои слова; а просто *говоритъ*, потому что ему пріятно говорить. *Геоганъ* запрошивъ, имѣя такія же способности, болѣе любитъ *разговаривать*. Онъ ищетъ въ бесѣдѣ взаимной пользы, и передавая другимъ мнѣнія, наблюденія, знанія свои, онъ ждетъ отъ нихъ того же. — Гдѣ *Геоганъ*, шумъ разговоръ оживленъ, и представляющъ пріятную разнообразность мыслей и чувствъ; гдѣ *Людоръ*, шумъ общесства кажется сборищемъ слушающихъ оратора — иные слушаютъ съ пріятностію, другіе зѣваютъ или отъ скуки, или упомленные вниманіемъ.

Какое преимущество имѣющъ передъ литераторами другихъ земель наши молодые люди, посвятившіе себя Музамъ? Всё, что уже на другихъ языкахъ истощено, на нашемъ еще покажется новымъ; и для того Руской молодой авторъ сверхъ пріятности, которую онъ надеется принести соотечественникамъ своимъ, можетъ имѣть въ виду и большую отъ трудовъ своихъ пользу; но должно признаваться съ сожалѣніемъ, что и самые шѣ изъ нашихъ авторовъ, которые одарены опличивъ-

шими способностями, слишком мало радятъ объ успѣхахъ нашей литературы. Ежегодно выходитъ множество новыхъ книгъ — переводовъ болѣе, нежели сочиненій — но въ библиоотеки наши мало, или совсѣмъ ничего не входитъ хорошаго. А какъ мало книгъ, истинно полезныхъ для образованія языка Рускаго! Не стыдно ли, что мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной хорошей Грамматики, и что по сію пору никто не подумалъ о составленіи Лексикона *Синонимовъ* (единозначущихъ словъ)? Желательно бы было, чтобы нѣсколько людей знающихъ и опытныхъ въ нашемъ языкѣ, посвятили труды свои на изданіе такихъ книгъ. Польза ихъ неоприцаема.

*

Эта спашья должна быть опроверженіемъ предыдущей. Вы жалуешься на недостатокъ хорошихъ Рускихъ книгъ (сказалъ мнѣ N. N.). Напрасно! Дѣло въ томъ, что онѣ мало намъ извѣстны. Спросите у любова книгопродавца, онъ иззовѣтъ вамъ пѣту прекрасныхъ, въ кошорыхъ *нѣжность и чувствительность видны на каждой строкѣ*. На примѣръ, на сихъ дняхъ попалась мнѣ въ руки книга, вовсе неизвѣстная, но достойная лежать на столѣ каждаго любителя Словесности. — Какая? — „Загляните въ *Оттѣнки моего сердца?*“ — Я заглянулъ, и винюсь на колѣняхъ въ своемъ невѣжествѣ передъ нашими авторами. Слѣшу сказать нѣсколько словъ о этой чудесной книгѣ въ пользу читателей Вѣспника. *Оттѣнки моего сердца!* Мнѣ кажется, что послѣ одного названія можно было бы замолчать: оно одно можетъ дать поняшіе о красотахъ книги; но не могу лишиться себя удовольствія хвалить то, что достойно по-

хвалѣ. Посвященіе эпои книги, выраженное въ чешырехѣ буквѣхъ и въ шрѣхѣ почкахѣ, кажетсѣ мнѣ необыкновеннымъ вдохновеніемъ Генія. Неизвѣстный Авторъ просто написалъ: *Телѣтъ*, и поставилъ три почки; онъ даетъ уму, воображенію и сердцу читателей пріятный трудъ отгадать всё то, что сіи Мистическія почки могутъ значить. — Тутъ найдете вы стихи и прозу (чего же больше?). Въ стихахъ нѣжныя чувства; живописныя картины, какъ на примѣрѣ;

Бьютъ часы — и сердце скажетъ:
Надо къ миленькой спѣшитьъ;
Камердинеръ мой прикажетъ
Мнѣ карету заложить.
Я съ опчаяньемъ кидаясь
Въ экипажъ голыый мѣтъ;
Въ грустныя мысли погружаюсь
И лечу къ драгой спранѣ;
Безъ приказу уже знаютъ,
Куда путь свой направлятъ,
Лишь опомнюсь — отворяютъ,
Выходите, говорятъ! и прочее.

Въ прозѣ истинное краснорѣчіе и разительныя Философическія мысли, какъ на прим. *Молодость есть легкій пухъ, малѣйшій дуновеніемъ подымается; или шумите, густыя, высокія сосны! и шумомъ своимъ извлеките изъ очей страдающаго слезу горести!*

Между многими прозаическими сочиненіями отличаются въ эпои книжкѣ Драмматическій опытокъ: подъ названіемъ *Памятникъ дружбы*; и еще: *Амалия*. — Вънѣ содержаніе перваго; какой-то молодой чело-

вѣкъ, послѣ пламеннаго разговора съ Природою, гдѣ онѣ краснорѣчиво призываетъ къ себѣ и молніи, вѣтры и громы, и черныя тучи, и проч. къ сожалѣнію всѣхъ чинапелей оканчиваетъ пистолетнымъ выстрѣломъ, которымъ оканчивается и его жизнь. Содержаніе Амалии такъ зашѣливо и занимательно, что я не осмѣливаюсь его здѣсь предсказать. Приведу лучше изъ эшаго опрывка нѣсколько строкъ; на прим. Амалия говоритъ: *не огромя музыка прославляла мое рожденіе, но нѣжный хоръ пернатыхъ воспѣвалъ первое раскрытіе очей моихъ. . .* Но полно, пора переспать; еслибы выписывать всѣ хорошія мѣста, находящіяся въ *Оттѣнкахъ моего сердца*, то надлежало бы просто переписать всѣ ібі справицы, которыя очень легко можно получить отъ книгопродавцевъ съ большею отъ нихъ благодарностію! —

II, . . .

~~~~~

Два письма къ Издателямъ.

I.

Санктль-Целтербургъ, 1810 го, 7 Марта.

Чинная издаваемый вами Вѣспникъ, неоднократно видѣлъ я съ сердечнымъ удовольствіемъ щедроты благошворителей чловѣчества къ несчастнымъ, между коими посредничество ваше было дѣломъ, заслуживающимъ не только отъ шѣхъ и другихъ, но и отъ всѣхъ чловѣколюбивыхъ истинную благодар-

ность. Если и въ С. Петербургѣ одно несчастное семейство, которое стоило вниманія благодѣтельныхъ душъ. Весьма много вы для него сдѣлаете, еслили помѣсите въ своемъ Вѣстникѣ исторію его несчастій, въ короткихъ словахъ вамъ мною теперь сообщаемую.

Нѣкто Поручикъ А. С. Горбуновъ, получившій знаки отличія во время разностпнаго продолженія 12 лѣтней воинской службы, имѣя отъ природы меланхолической характеръ, по несчастнымъ обстоятельствомъ сдѣлался боленъ — впалъ въ манію; и теперь находится въ домѣ общественнаго призрѣнія. Престарѣлая мать, жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей, составившіе его семейство, остались безъ помощи, безъ покровительства. Какъ жалко смотрѣть на ихъ слѣзы, проливаемые при бѣдственномъ положеніи добраго ихъ попечителя — живаго теперь мертвеца. Бывши издавна знакомымъ сему несчастному несчастливцу, я часто раздѣлялъ ихъ горести; не одинъ разъ самъ съ ними плакалъ при столь жалостной сценѣ, видя особливо небольшой ихъ достатокъ, — зная, что въ С. Петербургѣ съ ихъ имуществомъ скоро надобно будетъ остаться безъ куска хлѣба. При всемъ томъ однакожъ несчастная, такъ сказать, вдова, надѣясь на свое руководіе (она шьётъ шелками и золотомъ), не опчавалась въ пропитаніи своего семейства. Двигима матерними чувствами, она рѣшилась потомъ и кровію покупать хлѣбъ для своихъ малютокъ — рѣшилась собственными руками доставить своему семейству пропитаніе. И дѣйствительно цѣлые семь мѣсяцовъ послѣ своего мужа прилѣжными трудами дополняла семейственные недоста-

ки. Но, къ довершенію нещасній, прошекинаго Января случившійся въ самую глухую полночь пожаръ въ помѣ домѣ, гдѣ она съ семействомъ квартировала, лишилъ и послѣдняго ея имущества; къ большимъ еще сердечнымъ горестямъ меньшей ея сынъ сторѣлъ — вообразите ужасное состояніе матери! Нещасіе за нещасіемъ! горести за горестями! Въ весьма жалкомъ положеніи нашелъ я ее съ семействомъ на другой день у прежняго пріятеля мужа ея, не подалѣку жившаго, коююй изъ состраданія далъ сему семейству безденежно въ своемъ домѣ квартиру. Старуха, удрученная лѣтами и печалію, едва могла переходить съ одного мѣста на другое; малышки въ полуобгорѣлыхъ одѣяннѣяхъ, при первой встрѣчѣ, бросившись ко мнѣ, со слезами жаловались на случившееся съ ними; несчастная мать бѣдныхъ сихъ малышекъ приходила въ опчаяніе — упиала въ слезахъ. Лишеніе мужа, потеря сына, утрата всего послѣдняго имѣнія сильно поразили ея сердце. Ни совѣты, ни утѣшенія, ни прозбы мои — ни что не могло сохранить ея здоровья: отъ чрезмѣрной печали силы ея распростроились — она больна, и теперь еще въ постели. Доброй Медикъ — корешкомъ мой пріятель — по прозбѣ моей, равно и по собственному состраданію къ несчастнымъ, доставляешь ей лѣкарства на свои деньги; — теперь ей легче. Но каждое напоминаніе о прошедшемъ и каждая мысль о будущемъ бѣдствіи снова разправляютъ рану ея сердца и препятствуютъ совершенному ея выздоровленію. Сколько могъ, я пособилъ ей на первой случай; но болѣе — не въ состояніи. И не знаю, что съ ними будетъ, ежели шолько благодѣтельные

души не обращаешь на нихъ своего вниманія? Даже теперь, какія печальныя обстоятельства окружающъ это семейство! Надежда на выздоровленіе мужа пошеряна; мать его спаруха — слаба; жена — въ постели, да и по выздоровленіи едва ли сама по себѣ успѣетъ когда-либо поправить бѣдное свое состояніе; дѣти слишкомъ малы, чтобъ досматривать себѣ пропитаніе; благодѣтель ихъ, давшій имъ уголокъ въ своемъ домѣ, самъ человекъ семейственный и также небогатый; когда-нибудь, а можетъ быть и скоро, принужденъ будешь отказать имъ отъ своего дома. Во всемъ — во всемъ будущее имъ угрожаешь; — что съ ними будешь?

Сообщая сіе, пребываю и проч.

П. Замятинъ.

PS. Поручица А. И. Горбунова съ С. Пешербургѣ находишся и теперь въ домѣ серебряника Пепра Урведера, близъ самой церкви Спаса Преображенія на Липейной — это шотъ благодѣтель, который на первой разъ принялъ ее съ семействомъ въ свой домъ. Особы, желающія оказать вспоможеніе сему бѣдному семейству, могутъ адресоваться или прямо къ Поручицѣ Горбуновой, или къ вамъ, естли только сія комиссія для васъ, Милостивые Государи, необременительна.

II.

Я былъ одержимъ различными смертельными болѣзнями съ ряду при прошедшія зимы, а въ настоящую постигла меня жестокая гни-

лая горячка, которою лишенъ я былъ всѣхъ чувствъ и памяти. Въ такомъ положеніи находился я 21 день безъ всякаго движенія и безъ малѣйшей надежды; натура моя, будучи расслабленною, ни мало мнѣ не вспомоществовала, и меня почитали уже мертвымъ. Бывшій при мнѣ Медицинской чиновникъ, Гнѣ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ Карлъ Ивановичъ Роде, служившій долговременно въ арміи, и наконецъ Инспекторомъ во врачебной Екатеринославской Управѣ, оказавшій многочисленныя опыты своего искусства и человеколюбія надъ болящими, одинъ утѣшалъ мое опчаянное семейство и друзей моихъ; онъ увѣрялъ ихъ, что я еще съ ними не разстанусь; и подлинно его неусыпное стараніе и употребленные имъ мѣры возвратили мнѣ и память и жизнь.

Сей добродѣтельной человекъ, не взирая на старость лѣтъ своихъ и ежечасныя припадки, коимъ онъ подверженъ, не щадишь себя, для спасенія подобныхъ ему человекѣвъ; ему не препящиваетъ никакая суровая погода вездѣ навѣщать больныхъ, и къ излеченію ихъ прилагать такое стараніе, какое только свойственно чадолубивому отцу о дѣтяхъ. Онъ заслужилъ всеобщую отъ всего Екатеринославскаго Дворянства, не исключая и другаго сословія, довѣренность, любовь и уваженіе; онъ для всѣхъ безъ различія Чиновъ и сословія полезенъ и благопріятенъ; безпримѣрное его безкорыстіе не требуетъ ни отъ кого воздаянія.

Говорю вамъ о добродѣтели сего Почтеннѣйшаго Мужа (будучи въ особенноти облагодѣ-

дѣшельспвоанѣ имѣ и самѣ) для того, что не имѣю другаго способа возблагодарить ему; хочу только, чтобѣ мое чувствованіе сообщено было Почтеннѣйшей Публикѣ. Прибавлю здѣсь, что Господинѣ Роде, занимаясь изѣ одного чело-вѣколюбія пракшикою, опнимающею довольно у него времени, и будучи уже вѣ опспавкѣ, и вѣ слабости здоровья, не опказался по при-глашенію мѣспнаю здѣшняго Начальства бытъ Членомѣ вѣ опкрывшемся здѣсь по Высочай-шему повелѣнію оспенномѣ Комисіиѣ; пруды его и дѣшельность вѣ благопвореніи чело-вѣчесшву, сущѣ истинныя его награды.

Прошю васѣ, милоспивый Государь мой, помѣспнить это письмо вѣ Вѣспникѣ. Желая; чтобѣ и другіе люди уважали достойнаго Го-сподина Роде.

Павелъ Невѣровскій.

Дѣйствительный Статскій Совѣщ-никѣ, Екашеринославской Вице - Гу-бернашорѣ и Кавалерѣ.

Марша 8 дня, 1810 года.

Екашеринославъ.

NB. При семѣ письмѣ приложены были денги, *десять* рублей. Издатели Вѣспника просятѣ почшеннаго П. И. увѣдомить ихѣ, ка-кое упошребленіе должны они сдѣлашь изѣ сей суммы. *Изд.*

Н е к р о л о г і я.

Вѣлискѣ изъ лисьма изъ Кіева.

19 Марта.

Я сей часъ только возвратился отъ погорища печальнаго и прогашельнаго — отъ погребенія Губернатора здѣшняго, Панкрашьева. Народная наша пословица говоритъ: *Смерть охажетъ животы*; цокойный Пепрѣ Прокофьевичъ при жизни своей не избѣжалъ подлой клеветы; ядовитое жало злорѣчія оправляло безпорочную службу его: онъ умеръ — и не ошалося по немъ въ домѣ ни рубля. Надобно было сдѣлать подписку, чшобы собрать, чѣмъ предать шѣло его землѣ.

Съ этой стороны должно ошдаться здѣшнему Дворянству шу справедливость, чшо оно заслуживаетъ имѣть такого начальника, каковъ былъ Панкрашьевъ; не довольствуясь однимъ обрядомъ, копорый впрочемъ исполненъ былъ со всею пышностію, пристойною памяти Градоначальника, оно занимается шѣмъ, чшобы собрать между собою сумму денегъ, достаточную на обезпеченіе будущей судьбы сиротъ его, ошавшихся безъ всякаго способа къ пропитанію. Весь городъ былъ на погребеніи; и мнѣ казалось, чшо въ простомъ народѣ примѣшна была нѣкошорая жадностъ, видѣть брѣнные ошпаки челоуѣка, копорый, будучи 8 лѣтъ Губернаторомъ въ Кіевѣ, умеръ, не имѣя чѣмъ похоронить себя. Почтимъ, любезный другъ, память честнаго челоуѣка. Дай Богъ, чшобы у насъ не одинъ былъ такой Губернаторъ? — Но много ли таковыхъ на свѣтѣ!

У. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

3 го Марша читано было въ Сенатѣ слѣдующее посланіе отъ Императора Наполеона :
„Въ слѣдствіе поспѣшленія Имперіи, никакая свѣтская власть не можетъ быть сообразна съ духовною, почему и наименование Кардинала *Феша* преемникомъ Князя Примаса само по себѣ уничтожается. Мы желаемъ, однако изъяснить передъ цѣлымъ свѣтомъ, что мы знаемъ цѣнить по дружеству, которое многократно оказывалъ намъ Князь Примасъ, для чего разсудили заблаго разпространить границы его владѣнія, которое оныиъ будетъ имѣть титулъ *Великаго Герцогства Франкфуртскаго*; онъ будетъ управлять имъ до конца своей жизни. Но чтобы не оставилъ никакого затрудненія нащѣмъ наслѣдства, уступаемъ любезному сыну нашему Принцу Евгению Наполеону всѣ наши права на великое Герцогство Франкфуртское. Онъ вслушится по праву законнаго наслѣдника во владѣніе Герцогства по кончинѣ нынѣшняго владѣльца, Князя Примаса. Грамату нашу получите вы отъ нашего Архикацлера. Мы съ удовольствіемъ пользуемся симъ случаемъ, чтобы доказать наше уваженіе и дружество молодому Принцу, котораго мы сами руководствовали на поприщѣ бра-ни и правленія Государственнаго, и кошорый не только не подалъ намъ ни единой причины къ неудовольствію; но былъ напре-

„шивъ всегда примѣромъ благоразумія, почти
 „неестественнаго въ такія молодія лѣта,
 „и мужества, соединеннаго съ искусствомъ
 „опытнаго воина. Будучи возведенъ на степень
 „великаго Герцога Франкфуртскаго, онъ не
 „перестаетъ быть правителемъ Италіи: на-
 „ша довѣренность къ нему такъ же неизмѣнна,
 „какъ и его дружественное къ намъ расположе-
 „ніе.“ — При сей ношѣ приложенъ былъ актъ,
 котораго содержаніе слѣдующее: Французскій
 Императоръ, чшобы не ошсхавишь никакого
 подозрѣнія о его намѣреніи перенести непо-
 средственное владычество Франціи за Рейнъ,
 находить нужнымъ уступить всѣ права
 свои на великое Герцогство Франкфуртское
 Принцу Евгению Наполеону. Со дня кончины
 Князя Примаса вступаясь онъ во владѣніе
 Княжества, которое переходить по прямой
 линіи къ дѣшамъ его мужескаго пола, съ
 овершеннымъ исключеніемъ женскаго. Есль-
 лижъ по смерти Принца Евгенія не останеш-
 ся наслѣдниковъ мужескаго пола, или онъ,
 какъ Принцъ Италіи, будетъ призванъ вла-
 дычествовать Италіянскимъ прешоломъ, то
 опредѣленіе наслѣдства будетъ зависѣшь отъ
 Императора Франціи.

*

Въ Тюльери дѣлаются великія пригото-
 вленія къ бракосочетанію Императора. Боль-
 шая зала, въ которой высшавляются каршины,
 обращена будетъ въ Капеллу. Чепыре тысячи
 дамъ и столькожъ мушныны могутъ сморѣшь
 на шестивіе процессіи, сидя, во всю длину
 Музеума. Увѣряють, что Эрцгерцогиня Луи-
 за сперва остановишь въ замкъ Компіенъ,
 пошомъ пробѣдетъ въ С. Клу, изъ котораго

черезъ Булонскій лѣсъ и Елисейскія поля будетъ имѣть свой вѣздъ въ Парижъ. При ея пробѣздѣ сквозь Триумфальныя, для сего случая сооруженныя ворота, будутъ вручены ей ключи города Парижа. — Множество Императорскихъ каретъ отправлено уже къ ней навстрѣчу. Между ими находится одна дорожная, въ которой есть все, нужное для спокойнаго путешествія, шуалетъ, боевыя часы; посредствомъ пружины сидѣлки обращающагося въ покойную дорожную постель; внизу кареты сдѣлана печка, которая можетъ и согрѣвать и употребляема быть для варенія пищи. — Въ Компіенскомъ лѣсу пригошовлены три палашки. Молодая Императрица, увидя карету Императора, войдетъ въ одну изъ нихъ; по же сдѣлаетъ и самъ Императоръ; свиданіе между высокими Женикомъ и Невѣстою должно быть въ средней палашкѣ. —

✱

Въ слѣдствіе изданнаго 3 Марша Декрета, при каждомъ Маіоратствѣ непременно долженъ быть домъ, споющій по крайней мѣрѣ двугодоваго дохода съ Маіоратства; на изготовленіе такого дома дается десятилѣтній срокъ. Въ Парижѣ такіе дома, принадлежащіе Императорскимъ Принцамъ, будутъ называться *Palais* (дворецъ), а принадлежащіе другимъ Принцамъ, Графамъ и пр. *Hotel* (замокъ). —

Увѣряютъ, что мѣстопробываніемъ Императрицы Іозефины назначенъ Римъ и что Папа долженъ будетъ имѣть свою резиденцію въ Парижѣ; но и въ Римѣ будетъ находиться дворецъ Папскій; Конклавы должны быть въ Парижѣ, въ которомъ и знавшійшіе Кардина-

ды находишься будущь. Увѣряюшъ также, что мѣсто Каммергерихша засудитъ въ скоромъ времени верховный, новообразованный Государственный судъ въ Германіи.

А н г л і я.

9 Марта въ Palace Yard, обыкновенномъ мѣстѣ избранія, собрался, по предварительному приглашенію, совѣщъ избирателей Вестминстерскихъ, для опредѣленія нѣкоторыхъ предложеній касательно реформы Парламента. Господинъ Спурчъ между прочимъ сказалъ, что самъ Пишшъ, прежде своего соединенія съ Министерскою партіею, имѣлъ въ виду реформу Парламента, что онъ, послѣ сего соединенія увеличилъ долги Государственные, и что реформа, признанная въ 1780 необходимою, должна быть еще нужнѣе въ 1810, когда Государство находится въ кризическомъ положеніи. Собраніе опредѣлило, чтобы почтенный Лордъ Кохранъ и Сиръ Франсисъ Бурдешъ вручили Королю адресъ, а Нижнему Парламенту предсавленіе. Какъ въ шомъ, такъ и другомъ изображены причины, заставляющія Вестминстерскихъ избирателей требовать реформы Парламента. Прежде нежели адресъ и предсавленіе были утверждены собраніемъ, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ говорили рѣчи; самая замѣчательная естъ та, кошорая произнесена была Сиръ Франсисомъ Бурдешомъ. „Давно уже, сказалъ онъ, „нахожу необходимою сію реформу, о кошорой мы разсуждаемъ въ нынѣшнемъ нашемъ „собраніи. Случалось, что нѣкоторые изъ приверженныхъ къ царствующей системѣ развраща, спрашивали у меня: чего вы пре-

„буете? Ощвѣтѣ коротоковъ: нашихъ правѣ!
„(*Всеобщія рукоплесканія!*) Англійскій на-
„родѣ имѣетѣ такое же право на прѣтѣ вла-
„сти вѣ законодашельствѣ, какѣ и Англійскій
„Король на свою корону. (*рукоплесканія!*)
„Естьли они у меня спросятѣ: что шебѣ не
„нравитѣся? Я буду имѣ ошвѣчать: все шо,
„что дѣлаютѣ Министры! Прому позволенія
„у почтенныхъ слушателѣей напомнитѣ имѣ
„обѣ одной древней баснѣ. Одинѣ старикѣ
„сдѣлалѣ сѣ смертню договорѣ, вѣ слѣдствіе
„кошораго она не могла опнать у него жизни,
„не извѣстивѣ его предварительнѣ три раза.
„Смерть являешя; старикѣ и не думалѣ обѣ
„ней. — А договорѣ нашѣ, говоритѣ онѣ посѣши-
„тельница, гдѣ же предварительныя при из-
„вѣщенія? — Какѣ! воскликнуло страшилще,
„развѣ ты не слѣпѣ, развѣ ты не глухѣ, раз-
„вѣ ты не хромѣ? Развѣ это не извѣщенія?
„Чего шебѣ болѣе? (*всеобщія рукоплесканія!*)
„И наша нація, подобно старикѣ басни, кажегся
„давно должна обратишь вниманіе на прибли-
„жающіяся къ ней опасности? Сіи казармы,
„разсыпанныя по всей Англїи (вещь неизвѣ-
„стная нашимѣ предкамѣ) не говорятѣ ли
„намѣ вѣ слухѣ: берегитѣсь! свобода ваша гиб-
„нетѣ! А сіи Баспили, Богѣ знаешѣ для чего
„сущешвующія, развѣ не лзя ихѣ назватѣ из-
„вѣщеніями! А введеніе Нѣмецкихѣ войскѣ во
„внутренность Государства, развѣ это не из-
„вѣщеніе? А вся система правленія не есть-
„ли машина, соспавленная изѣ грабежа и хищ-
„ничества? (*рукоплесканія!*) Не всѣ ли мы
„знаемѣ что имянно тѣ; кошорые приличены
„во мздоимствѣ, находятѣ безопасное убѣ-
„жище вѣ этомѣ собранїи предшавишелей на-

„рода, гдѣ все поставлено въ цѣну и гдѣ не
 „сшудящя продавашь свою совѣсть передъ ли-
 „цемъ цѣлой націи. Чшо же касается до права
 „націи выбирать законнымъ порядкомъ своихъ
 „представителей, то не для чего вамъ гово-
 „ришь о его выгодахъ; нужно сказашь поль-
 „ко одно: эшо право принадлежитъ народу,
 „онъ долженъ пользоваться имъ неограничен-
 „но. Когда враги народа ушверждають, что ре-
 „форма Парламента не облегчитъ тяжесть на-
 „логовъ, обременяющихъ націю: то они имѣ-
 „ють передъ глазами одни только деньги,
 „единственно драгоценный для нихъ предметъ.
 „Естьли бы сія реформа сдѣлана была за двад-
 „цать лѣтъ, то вѣроятно, что нація была
 „бы избавлена отъ 550 милліоновъ долга и 14
 „милліоновъ ежегоднаго налога. Кто повѣритъ,
 „чшобы истинные представители народа мо-
 „гли согласишься на сіи гибельныя войны, въ
 „которыя мы завлечены были такъ безразсуд-
 „но? Я думаю, что въ нынѣшнемъ положеніи
 „націи можно сравнить шѣхъ, которыя спо-
 „рятъ о власши и мѣстахъ важныхъ, съ ма-
 „просами, спарающимися занявъ лучшей
 „уголокъ въ шаконѣ корабль, которой черезъ
 „минушу пошонетъ; что же касается до ино-
 „странныхъ войскъ, введенныхъ во внутрен-
 „ность Англіи, то я скажу откровенно: эши
 „союзники суть не иное что, какъ авангар-
 „дія Бонапартевыхъ легионовъ.“

30 Марта.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 8. АПРѢЛЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.
~~~~~

Картина Финляндіи.

*(Отрывокъ изъ писемъ Русскаго
Офицера.)*

Наконецъ и я видѣлъ страну близкую къ полюсу, страну Финляндію, соседнюю Гиперборейскому морю, гдѣ Природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣитъ только въ печеніи двухъ мѣсяцовъ, но гдѣ, также какъ и въ странахъ, благословенныхъ Природою, люди могутъ находить щастіе. Здѣсь повсюду земля кажется видъ опустошенія и бесплодія, повсюду мрачна, угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе 3хъ недѣль, зима царствуетъ въ печеніи 9 мѣсяцовъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени. — Куда ни обратишь взоръ, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды,

или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами своими высокія скалы, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; шамъ цѣлыя развалины древнихъ гранишныхъ горъ, обрушенныхъ, можетъ быть, подземнымъ огнемъ. Въ концѣ Апрѣля начинается весна. Снѣгъ таетъ пспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Бопническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе утесы, по берегамъ разсѣянные, начертываются длинными полосами на зеркалѣ водъ. На нихъ по черный вранъ вѣетъ свои гнѣзда, и въ часъ шумнаго вечера крикомъ своимъ вызываетъ бурю. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась какъ отъ сна! . . . . Видишь ли, какъ оно пѣнился? — Слышишь ли, съ какимъ глухимъ и пропаянымъ шумомъ разбивается о гранишныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурей и яросць волнъ? . . . Сосѣдніе лѣса повсюряютъ голосъ бури, и вся Природа являетъ ся въ ужасномъ разстройствѣ.

Лѣса Финляндскіе непроходимы — они распушъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаютъ. Деревья,

упадашя отъ руки времени, или отъ дуновенія бури, заграждають путь отважнѣйшему охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вершепахъ, пупникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плоскоядной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою все-сокрушающаго времени; или ревъ испочника, образованнаго сѣгомъ, который спрѣлой пропекаетъ по каменному дну между грозныхъ скалъ сѣраго гранита, быстро преодолагаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ своемъ печеніи деревья и камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огонь небесной, или трудолюбивая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, пни, испоргнушыя изъ употребы земной, съ глубокими корнями; обожженные скалы; дымъ возходящій густымъ чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все сіе образуетъ картину столь ужасную, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается, и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ оплогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуеетъ сочную и густую траву, распущую по берегамъ испочника.

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ они? — Гдѣ признаи ихъ

бышїя? Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или лучше сказать, сїи сыны дикихъ мрачныхъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Испорїя, начершавшая малѣйшїя собышїя спрагъ полуденныхъ и воспочныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера. Но существовали народы сїи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной Природы: они населяли сїи пещеры; пишались млекоомъ звѣрей; и полагали верхомъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ; изъ черепа кошораго пили кровь. Когда зима останавливала рѣки, сыпала иней и снѣга; когда воды превращались въ ледъ, и море являло видъ безмѣрной снѣжной пустыни: тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ логовищей своихъ и пролагали путь по морямъ Гипорборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирой и палицей, они идущъ войной на спада пустынныхъ чудовищей; сражающъ, побѣждающъ и учреждающъ изобильную тиранию! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные храбрости, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, они старающъ забыть опасность, въ звѣрскомъ изступленїи наполняющъ крикомъ безмолвные лѣса — и эхо повпоряещъ гласъ ихъ въ просиранной пустынѣ!

Но сїи пустыни, сїи непроходимые лѣса; сїи мрачные вершины, въ среднихъ вѣ-

кахъ повторали голосъ Скальда. И здѣсь Поэзія, сія утѣшительница смертнаго, рассыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укротила зѣврство жипелей. Разныя племена народовъ собрались воедино, сославили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая Природа приняла другой видъ.

Можетъ быть на сей скалъ, освѣщенной мрачными соснами, у подошвы копорой какъ скакертъ разширяющся воды озера; можетъ быть, мой другъ, на сей скалъ былъ воздвигнутъ храмъ Одена. Здѣсь Поэтъ любитъ мечтать о временахъ преждебывшихъ; здѣсь съ удовольствіемъ слушаешь иногда *голсъ бурь*, съ удовольствіемъ смотришь на облака, быстро пролетающія по мрачному горизонту, или (въ мечтаніи разумѣется)

Въ полночный часъ,
Онъ слышитъ Скальда гласъ
Прерывистый и томный.
Полкъ юношей безмолвный,

Склоняся на щипы, кругомъ его стоитъ.
Царь пѣсней, древній Скальдъ, мечшой одуше-
вленный,
Могилу указавъ, гдѣ прахъ Героя спитъ,
Лучами мѣсяца сквозь вѣшви освѣщенный,
Гласитъ и будитъ гулъ въ долину и лѣсахъ.
„Чья пѣнь, гласитъ Пѣвецъ въ священномъ
изступленъи,

Тамъ съ дѣвами плывешъ въ шуманныхъ обла-
кахъ ?

Се ты, о юноша, погибшій на сраженьи! —

Миръ праху швоему, Герой! —

Твоей сѣкирою спальной,

Низвергнушъ сильныхъ вождъ, пслики его раз-
бишы. , ,

Ты палъ на груди шблѣ

Ошъ шучи вражыхъ спрѣлѣ,

Палъ, Вишязъ знаменшый! , , .

И се ужъ надъ тобой,

О юноша - герой!

Посланницы небесны,

Вилхирин прелесшны,

Съ улыбкой на устахъ,

Съ копьемъ злшымъ въ рукахъ,

Пропяжнымъ хорошодомъ,

Со мѣсячнымъ восшодомъ,

Спустились въ облакахъ —

Невидимо спустились —

Коснулись — и вновь

Глаза швои ошкрылись;

Течешъ по жиламъ кровь

Чистѣйшаго Эфира.

Ты самъ, безплшный духъ,

Въ страны безвѣстны мира

Лешшь спрѣлой . . . и вдругъ

Ошкрылись предъ тобой шѣ радужны чершogi,

Гдѣ угошovali для сонма храбрыхъ боги,

При звукѣ горныхъ лирѣ,

Любовь и вѣчный пирѣ!

На злчныхъ берегахъ, среди прокладныхъ шбней,

Ты будешъ поражашъ шамъ скачушыхъ эленей

И быспроногихъ сернѣ.

Склонясь въ шбни на дернѣ,

Съ дружиною младою,

Тамъ арфой золошюю

Въ восторгѣ *Скальда* поешь
 О славѣ древнихъ лѣшъ.
 Поешь, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Ушѣхою блестящъ.
 Но вечеръ пришекаетъ —
 Часъ нѣги и прохладъ —
 Гласъ *Скальда* умолкаетъ,
 Замолкъ . . . и храбрыхъ сонмъ
 Идешь въ *Оденовъ* домъ,
 Гдѣ дочери *Веристы*,
 Власы свои душисты
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелестницы младыя,
 Всегда полунугія,
 На пиршесства гостямъ
 Обильны яшвы носятъ,
 И пишь умильно просятъ
 Изъ чаши сладкій медъ! . .

Здѣсь царство зимы. Въ началѣ Октябрия
 все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя ска-
 ла выказываетъ безплодную вершину, иней
 падаетъ въ видѣ пушистаго облака, и де-
 ревя, при первомъ упреннѣ морозъ
 блестя радугю, отражаютъ солнечные
 лучи пыячью прѣшныхъ цвѣшовъ; но солн-
 це, кажется, съ ужасомъ сморщивъ на
 опустощенїя зимы: едва явится, и уже по-
 гружено въ багровою шуманъ, предвѣспинивъ
 сильной спужи. Мѣсяць, въ печенїи всей
 ночи, изливаетъ серебряные лучи свои, ко-
 торые преломляясь образуютъ круги. Мрач-

ная, ужасная картина! — Все тихо и порожественно! — Все мертво и печально! — Робкая лань пробирается въ чащу, опряся съ себя иней и снѣгъ. Спадаю щеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ на мшистыхъ еляхъ — и всякой шагъ спранника слышенъ въ снѣжной пущынѣ.

Но и здѣсь Природа улыбается (веселой, но крапкой улыбкой): когда снѣги распаяли опъ шеплаго лѣшняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ ушекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ; тогда, мой другъ, Природа примѣшно выходитъ изъ спягоспнаго, мертваго сна. Осимняя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ расшительной силы примѣшенъ. Сегодня все мертво, наупріе все цвѣшетъ, все благоухаетъ. Лѣшніе дни и ночи особенно пріятны. День предшештвуетъ бываетъ обильною росю. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ блескѣ на концѣ озера, въ туманной дали. Пущынные пшцы радосно сопрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и игу; рѣзвья бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь молодыхъ березъ, растуцихъ на опломѣ берегу. Все тихо, все порожественно въ сей первобытной Природѣ! Большія

рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между шѣмъ канъ мѣлкіе жипели влажной стихіи играютъ спадами у подошвы угрюмыхъ скалъ, или близъ песчаного берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи умираютъ на граничныхъ скалахъ. Тысячи насѣкомыхъ (минушны жипели пуспыни) ! по плаваютъ на поверхности озера, по кружатся между камышей и развѣсистыхъ ивъ. Спада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей лепятъ въ соседнее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ среди озера привѣтствуютъ вечернее солнце. Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пуспынѣ. Но какой предметъ для кисти живописца рашный спанъ, расположенный на сихъ скалахъ, освѣщенныхъ густыми соснами, когда лучи мѣсяца проливаются на упруженныхъ рашниковъ и скользятъ по блестящему мѣталлу ружей, сложенныхъ въ пирамиды ? Какой предметъ для живописца и сіи великіе огни, здѣсь и шамъ разладенные, вокругъ копорыхъ воины шоплятся въ часъ темной и холодной полуночи ? Эшотъ лѣсъ, хранивчій безмолвіе можетъ быть опъ созданія міра, вдругъ оживляется присушествіемъ шумныхъ полковъ. Войско разположилось; все приходитъ въ движеніе : нуки зазженной соломы, переносимые изъ

одного мѣста въ другое, пылающіе коспры хвороспа, древнѣе пни и цѣлыя деревья, внезапно заженныя, опѣ кошорыхъ густой дымъ восходитъ медленно къ небесамъ; однимъ словомъ, движеніе ратныхъ снарядовъ, ржаніе и топотъ коней, блескъ оружія, и смѣщенные голоса воиновъ: все сіе предсавляетъ картину новую и разительную! Вскорѣ гласы умолкаютъ; огонь пылающихъ коспровъ попухъ; ратники почивли, и прежнее безмолвіе водворилось — изрѣдко прерываемо оно шумомъ пущыннаго водопада, или прощажнымъ откликомъ часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ. Мѣсяцъ, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ безмолвный спань,

Теперь всякой шагъ въ Финляндіи ознаменованъ произшествіями, копорыхъ воспоминаніе и сладоспно и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ леги, и вопѣ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбитъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эти уединенные креспы вдоль песчаного берега, или вдоль дороги, эшопѣ рядѣ мотилъ въ спранахъ чуждыхъ, опдаленныхъ опѣ родины, кажѣтся, говорятъ мимоидущему воину: *и тебя ждетъ побѣда . . . и смерть!* Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы или оставленную бапарею, или древній замокъ, кошораго гоцической оспрыя

башни возвышающся надъ мрачнымъ лѣсомъ; или передовой непріятельскій лагерь, или вызженный мостъ, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно пропекшихъ — пагубныя слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагается на оплогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбарь бросалъ свои мрежи; иногда видишь рвы, бапарею, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина, Разипельная прошивуположнось! —

К. В. . . . . овь

Сонъ Клеандра.

(Начало, услѣхи и перемѣны Философiи, древней и новѣйшей.)

Всегда, мудрый Смердисъ, подвергалъ я сужденію швоему нѣкопорые опыты мои о Философiи; но ни одно изъ моихъ размышленій о предметѣ семъ не имѣло шполь важныхъ слѣдствій, сколько сновидѣніе, предсшавившееся мнѣ въ нынѣшнюю ночь.

Я занятъ былъ нѣкопорыми мыслями о происхожденіи священныхъ обрядовъ и о томъ, съ какимъ намѣреніемъ усшановлены они въ честь Веспы, богошворимой въ видѣ

огня и земли. Мнѣ хотѣлось сообщить оныя шибѣ, почтенный Смердисѣ. Но столько прудности предсавилось моему разсудку, что я совершенно опчаялся побѣдить ихѣ, и въ такомѣ состоянїи легѣ въ постель. Мнѣ надлежало бы бояться необыкновенныхѣ дѣйсствїй опѣ сего размышленїя, споль продолжительнаго и пруднаго; однакожь я заснулѣ очень скоро.

Воображенїе, оживленное легкими упренїими мечтами, опкрыло мнѣ въ сновидѣнїи то, чего разумѣ мой, при всѣхѣ усилюхѣ, не могѣ бы постигнуть. Я легко извясню первую часть сего сновидѣнїя: она кажется очевиднымѣ слѣдствїемѣ размышленїй, которыми я былѣ занятѣ. Я увѣренѣ, что отношенїя и смыслѣ второй его части будутѣ ясны для просвѣщеннаго швоего ума; но для меня шущѣ много есть непонятнаго, и я думаю, что душа моя въ одно и то же время была движима воспоминанїемѣ прошедшаго и пророческимѣ вдохновенїемѣ будущаго. Мнѣ снилось, что въ одно мгновенїе я былѣ перенесенѣ подѣ спѣны Коринѣа (*), въ долину, на коей возвышался храмѣ богини Веспы. Онѣ имѣлъ видѣ круглаго зданїя; огромные поршїи примыка-

---

(*) Въ семѣ городѣ находился храмѣ, посвященный Веспѣ.

лись къ нему со всѣхъ сторонъ свѣта. Концы сихъ поршиковъ касались храма: они представлялись лучами огромнаго круга, котораго средоточіемъ былъ храмъ.

Поршики сіи поддерживались прекрасными колоннами самаго проспаго ордена; никакія бесполезныя украшенія ихъ не обременяли. Взору моему представилась безчисленная толпа людей, удивляющихся наружности храма, въ который я вошелъ чрезъ восточныя врата (*); хотя и всѣ другія врата храма были опшверсны для принятія жертвъ отъ желающихъ войти въ него; но мнѣ казалось, что чрезъ восточныя вступало болѣе поклонниковъ.

При вступленіи моемъ въ поршикъ встрѣтился я съ однимъ спарцемъ; онъ по какому-то преимуществу и уваженію, которое каждой извѣялялъ ему, казался мнѣ первосвященникомъ храма. Морщины покрывали лице его; но благородная важность поступковъ, величественная его физіономія, внушали къ нему пошшеніе. У него былъ въ рукѣ жезлъ, которымъ обыкновенно здѣшніе геомешры черпашъ на песокъ фигуры. Число при, названое *совершенною*

(*) Астрономія и Физическія науки получили свое начало на востокѣ.

гармонією, вышишо было по краямъ одежды его, кошорая, развѣваясь, опкрывала изумленному моему взору золотое бедро.

Я узналъ въ немъ Пифагора. Онъ принялъ меня ласково и просилъ за собою сѣдывать. Сей почтенный мужъ, замѣшивъ, что такая неожиданная съ его стороны ласка привела меня въ нѣкоторое замѣшательство, и что я боялся спрогоспи поспановленій, коимъ Пифагорейцы должны были себя подвергнушь, увѣрилъ, что я уволенъ опъ молчанія, которое онъ налагаетъ на учениковъ своихъ, и ободрилъ меня позволеніемъ говорить съ нимъ свободно.

Приближаясь къ срединѣ храма, увидѣли мы великое множество астрономовъ Халдейскихъ (*), Египетскихъ жрецовъ, Финикійскихъ мореплавателей и Персидскихъ Маговъ — они приносили жертву богинѣ. Между сими послѣдними, я мечталъ, что вижу одного, подобнаго себѣ, почтенный Смердисъ!

Богиня предспавлена сѣдящею (*) для изображенія постоянства: одною рукою дер-

---

(*) Въ семъ свидѣніи изображенъ ходъ Философіи опъ самыхъ опдаленныхъ временъ до нынѣшнихъ.

живъ она факелъ, другою чашу — первое показываешь, что огонь есть основаніе системы Природы; другое, что она, какъ Божия Философіи, пребуешь непрерывныхъ жертвоприношеній; ибо Философія есть благороднѣйшее занятіе умственныхъ способностей человека. Неугасаемый, священный огонь пылалъ на жертвенникъ, предъ нею поставленномъ. Шестъ жрицъ, медленнымъ плясаніемъ своимъ изображали паинсвенныя фигуры. Путеводитель мой сказалъ мнѣ, что онъ подражающъ движению шблв небесныхъ.

Проходя далѣе во храмъ, я предложилъ Пифагору нѣсколько вопросовъ о древности сего зданія и обрядахъ, въ немъ совершаемыхъ. Я самъ воздвигъ его, опивчалъ мнѣ онъ, и всѣ шб, кои хотя нѣсколько содѣйствовали успѣхамъ въ знаніяхъ Природы, могущъ бытъ введены въ него.

Возвращаясь къ воспочному портику, я удивился, увидѣвъ множество людей въ Греческой одеждѣ: они имѣли тайной разговоръ съ Египтянами (**), и особенно съ однимъ

(*) Всѣ сіи символы заимствованы изъ древности.

(**) Известно, что Греческіе Философы посѣщали Египетъ для пріобрѣтенія знаній въ школѣ жрецовъ.

изъ нихъ, остановившимся подлѣ храма; онъ держалъ подъ рукою книгу. Мы сказали, что его называютъ Гермесомъ - Тризмегистомъ.

Потомъ я увидѣлъ ихъ у вратъ западныхъ; они приближались къ Богинѣ для принесенія ей жершвы. Первой былъ Фалесъ (*). Пифагоръ привѣтствовалъ его съ шибмъ уваженіемъ, какимъ обязанъ ученикъ учищелю. Фалесъ излилъ на жершвенникъ полную чашу воды и угасилъ огонь. Жрицы ужаснулись; но сіе происшествіе не имѣло никакихъ непріятныхъ слѣдствій для Философа. Уваженіе къ великимъ заслугамъ его было защитою страннаго мнѣнія, которое онъ поддерживалъ съ такою твердостью ума. Фалесъ почишалъ воду началомъ всего.

За нимъ слѣдовалъ Анаксименъ (**), и Метонъ (***) . Первой возложилъ на жершвенникъ солнечные часы, другой календарь. Пифагоръ принялъ дары сіи съ особенною признашельностію, и я примѣтилъ въ нихъ различныхъ явленійхъ, быстро одни за другими слѣдовавшихъ, что жершвы;

(*) Фалесъ имѣлъ ученикомъ своимъ Пифагора.

(**) Анаксименъ сдѣлалъ въ Греціи первые солнечные часы; онъ опдалъ ихъ въ Спарту.

(***) Метонъ жилъ при началѣ Пелопонисской войны; онъ сочинилъ первый календарь.

приносимыя опытною Философією, имѣя болѣе уваженія, нежели жертвы Философіи умозрительной.

Попомѣ приближился Демокритѣ (*), въ сопровожденіи какого-то челоуѣка, котораго я не зналъ ни по имени, ни въ лице. Подошедъ къ Богинѣ, онѣ бросилъ на жертвенникѣ горсть песку. Все собраніе возропшало, и онѣ поспѣшъ удалился съ своимъ ученикомѣ. Я еще болѣе чувствую опвращенія къ ученику (**), нежели къ учишелю, сказалъ Платонъ. Его система атомовъ нелѣпа; онѣ презираешъ боговъ, и не смотря на собсивленную свою воздержность, одобраешъ въ другихъ всѣ пороки сладострастія; самѣ пишаешъ быліемъ, и позволяешъ неумѣренное употребленіе мяса.

Явился Анаксаторѣ (***) . Хотя онѣ и не признаешъ божества Мипіры, но воз-

---

(*) Демокритѣ, уроженецъ Абдерскій, прославившійся своею системою атомовъ. Онѣ не вѣрилъ въ бышіе Бога, и извѣялъ произхожденіе міра случайнымъ соединеніемъ атомовъ неразрушимыхъ и одаренныхъ движеніемъ.

(**) Эпикурѣ проповѣдовалъ сладострастіе, но жилъ умѣренно. Ученики его всѣ вообще опшичались необузданностью нравственныхъ правилъ своихъ.

(***) Онѣ перенесъ Фалесову Философію изъ Милета въ Аѣины. Между учениками его на-

дасть ей починаніе болѣе искренное; не жели самой преданной ей изъ Маговъ, находящихся въ воспочномъ поршиѣ.

На западномъ поршиѣ я увидѣлъ Сократа (*). Онъ, удляясь, бросилъ на насъ, по обыкновенію своему, насмѣшливой взглядъ. Съ нимъ были двое изъ его учениковъ (**). Первой послѣдовалъ за нимъ; но вшорой, прошедши нѣсколько; оставилъ его и возвратился въ храмъ. — Товарищъ звалъ его назадъ; укорялъ, но онъ не послушался. Одежда на немъ была пышная; поступь, осанка, движенія, все было искусственное; во всемъ обнаруживалась важность, почти театральная. Множество людей окружило его, они сѣвши изъявишь ему свое почтеніе.

ходилъ и Периклъ, котораго непріатели обвиняли Анаксагора въ вольнодумствѣ, утверждая, что онъ исключилъ солнце изъ числа боговъ, и называлъ его массою пламенной матеріи. Анаксагоръ бѣжалъ въ Лампсаку и тамъ избавилъ себя отъ смерти.

(*) Сократъ презиралъ Физическія науки; нравственность была предметомъ его наблюденій:

(**) Ксенофонъ и Платонъ. Первый всегда былъ привязанъ къ Сократу, и упрекалъ Платона въ опсупленіи отъ правилъ общаго ихъ учителя; они имѣли великое опъращеніе одинъ отъ другаго:

Я съ удивленіемъ замѣтилъ одно-
го изъ его учениковъ (*): самоувѣришель-
ность изображалась на лицѣ его; разгово-
ры показывали въ немъ живость необык-
новенную и великой умъ. Ошполкнувъ
грубо своего учителя, доказывалъ онъ, что
именно болѣе права на общее одобреніе.
Такая гордость; думалъ я; можетъ возбу-
дить негодованіе. Случилось совсѣмъ напро-
тивъ: въ спорымъ особеннымъ, ему поль-
но приличнымъ образомъ разсужденія при-
влекъ онъ вниманіе и похвалу слушающихъ,
которыя столько произвели шуму; что
Пифагоръ оскорбился. Слава Богини, ска-
залъ онъ, пребудетъ почтительнаго безмол-
вія, а не споровъ и пусныхъ софизмовъ (**).
Онъ съ угрозами говорилъ, что вышлетъ
ихъ изъ храма; если они не будутъ по-
койны. Тотъ; къ кому особенно относился
упрекъ сей, хотѣлъ идти и присоеди-
нися къ Сократу. Поговоривъ между шѣмъ
съ нѣкоторыми Геометрами; онъ уже уда-
лялся; но Пифагоръ удержалъ его и пред-
ставилъ чепыремъ своимъ ученикамъ (***);

(*) Аристотель во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ
держится правилъ, противныхъ Платоновымъ.
Платонъ былъ учителемъ Аристотеля.

(**) По мнѣнію Канцлера Бакона, образъ раз-
сужденія послѣдовавшихъ Аристотелевыхъ
много препятствовалъ успѣхамъ наукъ.

(***) Акріонъ, Тимей, Архитасъ, Еврипъ.

которые ему открыли всё шайнства Философии. Тогда онъ вышелъ и не являлся болѣе.

У западнаго портика число обожателей Богини, казалось, возраспало наждую минушу. Нѣкоторые являлись, имѣя при себѣ раздѣленные часши живошныхъ и распеній; иные несли росписи звѣздъ; другіе сферы, и всё сіи дары были посвящены Богинѣ.

Между шѣми, которые прохаживались съ бѣлыми жезлами и часпо оспанавливались для изображенія фигуръ на землѣ, и опланилъ неизвѣснаго мнѣ мужа: въ одной рукѣ держалъ онъ цилиндръ, а въ другой блокъ; проходя мимо насъ, сказалъ онъ: дайше мнѣ мѣсто для утвержденія рычага, и я попрашу вселенную (*).

Спустия немного времени, я увидѣлъ другаго (**): посшупь его была благородна, наружность пріятна; онъ имѣлъ на головѣ лавровой вѣнокъ. Его маншя, необыкновеннаго покроя, прикрѣплена была къ лѣвому плечу и небрежно развѣвалась. Всё встрѣчавшїеся съ нимъ оспанавливались, чшобъ дать ему свободной пущь, и съ нешерпѣливо-

(*) Слово Архимеда.

(**) Юлій Кесарь преобразовалъ Календарь.

спію замѣтали, кого избъ всей многочислен-
ной толпы зрителей удостоились онъ благо-
склоннаго вниманія; но онъ говорилъ только
съ Мешономъ; потомъ приблизился къ
жертвеннику, возложилъ на него новой ка-
лендарь и удалился.

Между тѣмъ какъ я хотѣлъ изъяс-
нить Пиеагору мое удивленіе, все собраніе
изчезло, и я остался одинъ (*).

Проспирая взоры свои къ долину, я
увидѣлъ новой храмъ, и рѣшился шуда ит-
ти. Вождь мой спарался удержашь меня
отъ эшаго. Не вѣрь, говорилъ онъ, заблуж-
деніямъ черни. Храмъ, въ кошоромъ пы-
шперь находишься, пріобрѣшешь уваженіе
пшпомштва; а сей новый будешь скоро раз-
рушенъ.

Приблизившись къ храму, съ великимъ
трудоу пробрался я сквозь толпу, его
окружавщюу. Онъ былъ посвященъ Вешь,
богшворимсй въ видѣ земныхъ произведе-
ній. Дерновой жертвенникъ возвышался
предъ Богинею; она и здѣсь шакже пред-
ставлена сѣдящею. Семь жриць, шанцуи,
окружали кумиръ; но фигуры, ими изобра-

(*) Когда система Пшоломезва сѣблалась все-
общею, шо всѣ маѣнія древнихъ пришли въ
упадокъ.

жземья (*), споль мало имбли порядку и правильности, что я не могъ не сдѣлать объ этомъ замѣчанія одному изъ окружавшихъ меня. Первосвященникъ, распорядившій сими танцами, услышалъ мои слова и извѣдиль нѣкошорое неудовольствіе; но мнѣніе мое было подкрѣплено какимъ-то Государемъ (**), иршедшимъ изъ опдаленныхъ странъ запада, кошорой обвѣдиль всенародно, что ешлы бы съ нимъ совѣщовались о поспроченіи храма и распорядженіи танцовъ, по все сіе было бы расположено гораздо лучше.

Поклонникъ самой благочестивый былъ Сашрапъ Вавилонской (***), сопровождаемый множесшвомъ Арабовъ: всѣ они единодушно преданы были первосвященнику и его Богинѣ;

Въ эту минушу предспавилсѣ мнѣ чело-вѣкъ весьма необыкновенный, одѣтый въ бѣлую маншю и подпрясанный веревкою. Покровъ упалъ съ головы его — и я увидѣлъ чело-

(*) Пшоломеева система міра. Пшоломей, славный Географъ и Астрономъ Александрійскій, жилъ во времена Антониана Философа,

(**) Альфонсъ, Каспильскій Король, кошорый извѣснѣвшимъ ему Пшоломееву систему сказалъ: *Ествли бы Творецъ міра посоветовался со мною, то я предложилъ бы Ему гораздо простѣйшую систему.*

(***) Альмананъ, Вавилонскій Калифъ, велѣлъ перевести на Арабскій языкъ Пшоломеевы сочиненія.

блестящее наподобіе полированной мѣди (*). Онъ съ величайшею почностію разсмотрѣлъ всѣ части храма, и не хотѣлъ слушать наставленій, копорыя ему давали. Посупокъ сей возбудилъ ненависть и удивленіе. Въ одной рукѣ имѣлъ онъ граненые кристаллы различныхъ видовъ, въ другой опломки минералловъ разнаго рода. Приближаясь къ жертвеннику, сказалъ онъ, что желаетъ надосугѣ позабавиться обрядами и жипростію, посредствомъ копорыхъ жрецы прельщаютъ обожателей Богини, чтобы умножить число ихъ (**).

Такая свобода разговоровъ доставила ему много непріятелей. Они спарались удерживать его близъ воротъ и не допустили до узнанія тайнствъ храма. Въ сію минушу услышалъ я великой шумъ, въ которомъ могъ различить сіи слова: онъ колдунъ, чародѣй, обманщикъ. Многие люди, одѣтые подобно ему, были разсѣяны въ полѣ для того, чтобы его злословишь; они

(*) Монахъ Баконъ имѣлъ гений изобрѣшательный и смѣлый въ вѣкѣ невѣжества и грубости. Народъ почиталъ его волшебникомъ; онъ писалъ о Химіи, Опшикѣ и проч. Вѣроятно, что онъ первый изобрелъ порохъ. Баконъ нѣсколько вѣрилъ Аспрологіи.

(**) Аспрологія родилась отъ ложной Аспрономіи; она была источникомъ самыхъ недѣльныхъ суевѣрій.

не щадили своего искусства и чернили его предъ всѣми. Нѣкоторые показывали негодование ; другіе , почитая его въ самомъ дѣлѣ чародѣемъ , хотѣли съ нимъ говорить ; они обременяли его вопросами и изъявляли желаніе шайно учиться у него чародѣйству. Онъ защищалъ себя , и упребилъ все , что только опъ него зависѣло , чтобы изъяснить и оправдать свои поступки ; но ему не хотѣли вѣрять.

Первосвященникъ пошчасъ приказываетъ одному изъ приближенныхъ своихъ , котораго , казалось , удостоивалъ онъ особенной благосклонности , наложить цѣпи на человека , возбуждавшаго къ себѣ столь великое вниманіе и нарушившаго благоговѣйное спокойствіе обожателей храма.

Исполнишель сего приказанія былъ одѣтъ въ богатое жреческое платье , и на поясъ своемъ имѣлъ связку ключей , вбропно опо всѣхъ дверей храма.

Я почувствовалъ сожалѣніе къ сему несчастному , и подошелъ къ нему съ тѣмъ , чтобы его утѣшить. Разговаривая съ нимъ , примѣшилъ я , что сей поступокъ сильно оскорбилъ его , и онъ пошчасъ обнаружилъ это въ угрозахъ. Клянусь Юпитеромъ , сказалъ онъ , что я знаю нѣкоторое горючее вещество , которымъ , если захочу , раз-

рушу храмъ сей до основанія, и въ его развалинахъ погребу и первосвященника и богиню. Неизвѣстные мнѣ особы освободили его отъ цѣпей, и онъ спремипельно побѣжалъ изъ храма съ однимъ человѣкомъ, котораго называли любимымъ его ученикомъ (*).

Немного спустя, услыхали спрашной прескъ въ куполѣ храма; большая часть собранія имѣла время спастись; храмъ разрушился, и не слышно стало болѣе ни о первосвященникѣ, ни о богинѣ.

Разсуждая о семъ происшествіи, я никакъ не могъ оправдать человѣка съ мѣдною головою, къ которому начиналъ прежде чувствовашь почти столько же почтенія, сколько къ моему другу съ золотымъ бедромъ. Я рѣшился никому не сообщать того, что онъ мнѣ сказалъ, и поспѣшно возвратился въ храмъ Пифагора.

Я удивился, увидѣвъ тамъ славнѣйшихъ Философовъ, которые прежде находились въ западномъ портикѣ (**). Многіе вступили въ храмъ чрезъ портикъ сѣверной. — Они были приняты оплочно. Одежда ихъ не похожа была ни на Греческую, ни

(*) Томасъ Бингей.

(**) Возстановленіе древней Философіи.

на Персидскую. Первой, вошедшій пуда (*), хваспался шѣмъ, что низпровергъ храмъ ложной богини, дабы обманурыхъ своихъ обожашелей привеспи къ поклоненію истинной Веспѣ. Онъ разсказалъ также, какимъ образомъ подвелъ подъ него подкопы и разрушилъ его основаніе — и я не подозрѣвалъ болѣе челоуѣка съ мѣдною головою.

Пиеагоръ принялъ его съ извѣщеніемъ живѣйшаго участія, и хотѣлъ раздѣлить съ нимъ должность первосвященника.

Слѣдующій за нимъ положилъ на жертвенникъ телескопъ (**); другой (***) съ видомъ горделивымъ означилъ на сводѣ храма движенія шѣлъ небесныхъ. Онъ хотѣлъ доказать Пиеагору, что оба поклоненія и древняго храма и новѣйшаго можно соединить вмѣстѣ; но сіе предложеніе было оштергнуто съ презрѣніемъ.

Четвертый (****) былъ въ одеждѣ воина. Онъ держалъ въ рукѣ двойной кубъ; за

(*) Коперникъ уничтожилъ систему Пполомея. Мнѣніе Пиеагора, что солнце находится въ средпочіи нашей планетной системы, служило основаніемъ и Коперниковой системы міра.

(**) Галилей изобрелъ телескопъ.

(***) Тихо - Брагова система соединяетъ Коперникову съ Пполомеевою.

(****) Декартъ былъ прежде солдатомъ, потомъ сдѣлался Философомъ. Онъ способ-

нимъ шло великое множество Химиковъ. Приближаясь къ жертвеннику, онъ грубо ошцолкнулъ много, копорой и самъ также поступилъ съ своимъ училемъ, онъ чего произошелъ споръ. Мнѣнія зрителей раздѣлились; но Философъ-воинъ, имѣя Геометровъ на своей сторонѣ, казалось, бралъ преимущество въ спорѣ. Они оба были равно славобливы, равно чувствительны къ похваламъ и кришикъ ихъ окружавшихъ.

Вдругъ вошелъ человекъ чрезъ сѣверный портикъ (*); онъ порицалъ мнѣніе того и другаго. Я узналъ, что онъ въ свѣмъ опечесствъ занималъ высокія мѣста, и среди великихъ трудовъ и важныхъ публичныхъ должностей, побуждаемый обширнымъ своимъ и дѣятельнымъ Геніемъ и увлеченный собственнымъ желаніемъ, нашелъ время заняться науками и изученіемъ Философіи. Онъ также хотѣлъ принести жертву Богинѣ.

Удаляясь, онъ подалъ Пифагору начертаніе учебнаго порядка, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго разпространенія познаній человеческихъ.

ствовалъ къ уничтоженію заблужденій и славы Аристотеля, Геометрія его и теперь уважаема.

(*) Канцлеръ Баконъ былъ предшественникомъ истинной Философіи.

Слѣдовавшій за нимъ имѣлъ видъ скрытой. Онъ держалъ въ рукѣ пневматическую машину (*). Разговоръ его съ Пиеагоромъ о начертаніи, поданномъ предшественникомъ его, былъ самой жаркой. За нимъ шла многочисленная толпа. Многіе изъ нихъ несли машины и новые инструменшы. Между ними я опличилъ двухъ человекъ (**); они, приближившись къ одной изъ Веспалокъ, бывшихъ внѣ храма, представили ей пять прислужниковъ и золотое кольцо.

Человекъ, послѣ нихъ вступившій въ храмъ, имѣлъ весьма странную фигуру и два крыла на спиѣ (***). Приблизясь къ жертвеннику, онъ бросилъ споль вѣжной взглядъ на одну молодую Веспалку, чшо зрители не могли воздержаться отъ смѣху. Онъ самъ увидѣлъ, чшо въ важныхъ поступкахъ его всѣ замѣтили какую-то забавную странность. Между тѣмъ люди, которые лучше его знали, увѣрили, чшо онъ досто-

---

(*) Боиль слѣдовалъ съ успѣхомъ Баконовой методѣ въ изученіи Экспериментальной Философіи; онъ началъ писать Исторію воздуха и изобрелъ пневматическую машину.

(**) Гигиенъ и Кассини открыли пятерыхъ спутниковъ и кольцо Сатурна.

(***) Епископъ Вилькинсъ былъ увѣренъ, что можно найти искусство лешать. Онъ хотѣлъ непременно со временемъ открыть дорогу въ луну.

енѣ бысть принятѣ съ честию въ число обожашелей Богини.

Тогда явилось другое лицо, обратившее на себя взоры и удивленіе всего собранія. Похвалы, отдаваемые его дарованіямъ, принималъ онѣ съ такою скромностію, копорая совершенно обезоруживала зависть и крипнику. Всѣ Геометры шли къ нему на вспомоу. Онѣ особенно опличилъ одного изъ нихъ (*), и безпреспанно повпорялъ, что многимъ былъ ему обязанъ; шолько шѣ два Философа, копорые передъ симъ спорили, съ неудовольствіемъ на него смощрѣли. Эшо обстоятельство соединило ихъ, и они вмѣстѣ вышли.

Когда явился Геній Сѣвера, шо Пиеагорѣ просилъ его взять свое мѣсто; ибо онѣ одинѣ достоинѣ былъ занять оное. Сей великій мужъ скромно опказался опѣ эшой чести, и изъясилъ желаніе раздѣлишь воздаваемые ему похвалы съ однимъ изъ своихъ друзей, копорому онѣ былъ обязанъ мудрыми наблюденіями, и копорой показалъ великое усердіе къ изученію Наукъ.

Топчасѣ послѣ сего Пиеагорѣ принялъ съ особеннымъ почтеніемъ какого-шо человека (**), копорой предспавилъ ему маг-

---

(*) Исаакъ Невтонѣ особенно уважалъ Эвклида.

(**) Докторѣ Галлей. См. его *Теорію магнитна и воздуха*.

шипъ и козій мѣхъ, наполненный воздухомъ; попомъ къ ногамъ Богини положилъ онъ кристальную призму и маятникъ (*). Спашуя Богини наклоненіемъ головы одобрила сѣи жершвы — огонь оживился на жершвенникѣ и сдѣлался блиспашельнѣе.

Я увидѣлъ Сократа въ шолпѣ его окружавшихъ, и подошелъ къ нему, желая спросить, какая причина принудила его возвратиться въ храмъ, мимо вопората онъ прежде прошелъ съ презрѣніемъ. Всѣ испишны, ошвѣчалъ онъ мнѣ, соединены между собою. Сей великій мужъ науку о Природѣ возвелъ на такую спешень совершенства, что я ожидаю ошъ того великой пользы и для Философїи нравшвенной.

Вв* эшу минушу я пробудился. Чшо означаетъ сѣ сновидѣніе, почщенный Смердисъ? — Можетъ бышь оно еспь или дѣйспвіе случая, смѣшивающаго всѣ воспоминанїя о шрошедшемъ, или пророческое вдохновенїе, ошкрывающее мнѣ будущность.

С. . . . Смирнѣе.

(*) Здѣсь разумѣются его ошкрытія и великій законъ шягошвнїя.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ХІ Тибуллова Элегія изъ 1 книги.

(Вольный переводъ.)

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ, и
спрѣлы?

Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
Невинный миръ, и въ адъ открылъ обшир-
ный путь!

Но онъ виновенъ ли, когда на ближнихъ грудь
За злою въ бѣшенствѣ желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей пустынныхъ имъ сражаемъ? —

Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ свяшой
Изъ буковой коры межъ ушвари простой,
И столъ былъ ошягченъ избыткомъ сель-
скихъ брашенъ:

Тогда не знали мы щиповъ и твердыхъ башенъ,
И пасырь близъ овецъ спокойно засыпалъ!
Тогдабъ и дни мои я радостями считалъ!

Тогдабъ не чувствовалъ невольно препешанья
При гласѣ бранныхъ трубъ . . . О щещныя
мечпанья!

Я съ Марсомъ на войнѣ! бышь можешь лукъ
шугой

Нашянушъ на меня пернашою спрѣлой. . . .

О Боги! сей ударъ вы мимо пронесите!

Вы, Лары отчески! онъ гибели спасите!

О вы, хранившие меня въ пѣни своей,

Въ безопасности злою онъ самыхъ юныхъ
дней!

Не постыдишеса, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня, и пылью покровенный,

Въ жилищѣ праощевѣ уединенѣ сиюишѣ !
 Не знали смершныѣ ни злобы, ни обидѣ,
 Ни кляшвѣ нарушеннхѣ, ни почешей, ни злата,
 Когда священный ликѣ домашняго Пелата
 Еще скудельный былѣ на пепелищѣ ихѣ!
 Онѣ благодашенѣ намѣ, когда изѣ чашѣ про-
 стыхѣ

Мы учинимѣ предѣ нимѣ обильны возліанья,
 А на власы его, въ знакѣ мирнаго вѣнчанья,
 Возложимѣ мы вѣнки изѣ миршовѣ и лилей;
 Онѣ благодашенѣ намѣ, сей мирный Богѣ полей,
 Когда на празднествахѣ, въ дни Майскіѣ веселы,
 Въ кругу дѣшей своихѣ, орашай пресшарѣлый
 Опресноки ему священны принесешѣ;

А дѣвы красныя изѣ улья чистый медѣ.
 Спаситежѣ вы меня, ошеческіѣ боги,
 Ошѣ копій, ошѣ мечей! Вамѣ дарѣ несу убогій:
 Кошницу полную Церериныхѣ даровѣ,
 А въ жершву сей овенѣ, краса моихѣ луговѣ!
 Я самѣ, увѣнчанный и въ погу облеченный,
 Явлюсь на ушріѣ предѣ вашѣ олшарѣ священный —
 Пускай народовѣ бичѣ, неистовый Герой,
 Обрызганѣ кровію, за Марсомѣ идешѣ въ бой;
 А мнѣ — коль благосли я сей ошѣ васѣ до-
 стюинѣ —

Пускай о подвигахѣ своихѣ расскажешѣ воинѣ,
 Сѣ друзьями юности сидящій за столомѣ,
 Пусть рашный спашѣ чершишѣ чашѣ проли-
 сыхѣ виномѣ! —

Почшо же вызывашѣ намѣ смершѣ изѣ царства
 шѣни,
 Когда въ подземный домѣ вездѣ равны спупени?
 Она, какѣ шапѣ въ ноци, невидимой спопой,
 Но быштро, въ слѣдѣ идешѣ повсюду за шобой.
 Она низводитшѣ насѣ въ шѣ мрачныѣ вершпы,
 Гдѣ лаетшѣ адскій несѣ, гдѣ Фурій свирѣпы

И кормчій въ челнокѣ на Спиксовыхъ водахъ,
Тамъ шбней блбдннй полкѣ шолпишся на бре-
гахъ,
Власы обозжены, и впалы ихъ ланишы! . . .

Хвала, хвала шебѣ, орашай домовишнй!
Твой вечерѣшѣ вѣкѣ средѣ щаспливой семьи.
Ты самѣ вѣ шбни дубравѣ пасеши спада свои;
Супруга между шбмѣ шрапезу учреждаеши,
Для умовенья ногѣ сосуды нагрѣваеши
Сѣ кристалною водою. О боги! еслибѣ я
Узрѣлѣ еще мои родишельски поля!
У свѣшлаго огня сѣ подругой молодою
Ябѣ юность вспомянулѣ за чашей круговою
И были и дѣла давно прошекшихъ дней!

Сынѣ неба! свѣшлый мирѣ! шы самѣ среди полей
Вола дебелаго ярмомѣ шпягощаеши,
Ты благоданш свою на нивы проливаеши,
И вѣ опческій сосудѣ, наслѣдїе сыновѣ,
Лїешѣ багрлннй сокѣ изѣ Вакховыхъ даровѣ.
Вѣ дни мира острый плугѣ и зашупѣ намѣ.
священны;

А мечѣ, кровавый мечѣ, и шлемы оперенны
Снѣдаеши ржавчина безмолвно на стѣнахѣ.
Орашай изѣ лѣсу шамѣ бдешѣ на волахѣ
Сѣ женою и сѣ дѣшми, виномѣ развеселеннй!
Дни мира! вы любви игривой посвященны!
Подѣ знаменѣ сл воюемѣ сѣ красотой.
Ты плачешѣ, Ливїя! во побѣдитель швой,
Смотри — смиренно самѣ колѣна преклоняеши.
Любовь коварная украдкой подступаеши,
И вотѣ уже межѣ васѣ размолвившихѣ сидиши!
Пусть молнїя боговѣ безщадно поразитѣ
Того, кто красоту обидѣлѣ на сраженнй.
Но щаспливѣ шопѣ, кто могѣ вѣ минутномѣ
изступленнй

Вбнокъ на волосахъ каштановыхъ измятъ,
 И поясъ невзначай у дѣвы разорвашь!
 Щасшливѣ, при крашѣ щасшливѣ, когда одни
 угрозы
 Изпоргли изъ очей любви безцѣнны слезы!
 А пы, взлелѣянный межъ юпій и мечей,
 Бѣги, кровавый Марсѣ, ошѣ нашихъ олшарей!

Константинъ Балюшковъ.

Даръ Одена.

Однажды грозный богъ Оденъ
 Явился юному Эльвену,
 И храбрый, въ предешѣ приведенъ,
 Склонилъ чело къ его колѣну.
 И рекъ Оденъ: швоей я храбрости въ бояхъ —
 Спокойной, хладной — былъ свидѣшель;
 Не разъ, въ признашельныхъ нещасшнаго сле-
 захъ,
 Твою чиналъ я добродѣшель;
 Ты пушнику и медъ и пиво наливалъ;
 Твой мирный домъ вдовы и сираго обипель;
 И кляшвы данныя хранишель,
 Ты олшарей ея свяшыхъ не осквернялъ.
 Въ дорогѣ спужа насшигала,
 Въ мѣха рука швоя нагаго облекала.
 Наградою тебѣ обязанъ я давно:
 Желанье объяви, исполнится оно! —
 „Всегда желаньемъ безразсудно
 Мы слабые тебя дерзали оскорблять:
 Награду мнѣ избрашь
 Прошу я самага Одена правосудно!“
 — Получишь первое изъ благъ! —

Въ шотъ самой день мечи сверкнули на холмахъ:
Эльвенъ къ сраженью поспѣваетъ,
И первая стрѣла Эльвену грудь пронзаетъ;
Онъ палъ — онъ кончилъ дни съ улыбкой на
устахъ.

П. Л. . . чезъ.

Прости — къ моей родинѣ.

Прости въ послѣдній разъ, родимая дубрава,
Злая колыбель невинности моей! . . .
Гдѣ дружба, гдѣ любовь, гдѣ милая забава
Мнѣ улыбались весеннею зарей! . . .

*

Прости, священный дубъ, краса долинъ роди-
мыхъ,
Свидѣтель радостей питомца твоего! . . .
Увы! онъ ихъ лишенъ! лишенъ сихъ дней ща-
спливыхъ!
Лишь горѣшь мершвая оспалась для него! . . .

*

Уже твой нѣжный другъ, сужденный злой
судьбою
Лишь слезы сиротства на чуждой сторонѣ,
Не будешь болѣе съ вечернею зарёю
Бесѣдовашъ съ тобой въ безпечной тишинѣ.

*

И въ полночь — мѣсяца въ задумчивомъ мер-
цаньѣ,
Спрадалецъ не придетъ подъ твой священный
кровъ,
Своихъ печальныхъ чувствъ въ сердечномъ из-
ляньѣ,
Почпишь слезой любви могильный холмъ ошцовъ.

*

Прости, родной ручей, Природы сынъ смирен-
ный!
Полей надежный другъ — копораго кристалль,
Порывомъ дерзоспнымъ злыхъ бурь невозму-
щенный,
Мнѣ образъ ясныхъ днѣй щаспливца предста-
вляль! . . .

*

Увы! прошли тѣ дни невинности щаспливой,
Когда я на швоихъ тѣнистыхъ берегахъ
Сидѣль въ мечпаняхъ подъ дремлющею ивой,
И горестный мой взоръ блуждалъ въ швоихъ
спруяхъ! . . .

*

Когда спѣшилъ на холмъ, въ святомъ благо-
говѣньѣ,
Въ часъ утра золошой привѣтспшовать зарю
И слезы шихія, въ сердечномъ умиленъѣ,
Съ мольбою возсылашь всеменныя къ Царю! . . .

*

О время радостей, о время наслажденій!
Почто промчалось ты съ такою быспрошой? . . .
Почто лишился я тѣхъ милыхъ заблужде-
ній,
Въ кошорыхъ щаспливъ былъ невинною меч-
шой? . . .

*

Проститне, мирныя опцовъ моихъ долины!
Прости и ты на вѣкѣ, уединенной лѣсѣ —
Гдѣ тлѣетъ милый прахъ безцѣнныхъ Алены! . . .
Гдѣ чаще проливалъ я рѣки горькихъ слезъ! . . .

*

Богъ сердца моего! кто съ свѣпшою весною,
На гробъ швой первую фіалку принесетъ?
Кто дружбы и любви чистѣйшею слезою
Угасшій пепель швой изъ тлѣнья воззоветъ? . . .

*

Теперь печальныхъ чувствъ въ разстроенной
свободѣ,
Сужденный навсегда оставишь край родной,
Пришолъ послѣднее прости сказать Природѣ,
Чтобъ встрѣишь первую луну въ странѣ
чужой.

Семень Филимоновъ.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
ТЕОРИЯ и ИСТОРИЯ ИЗЯЩНЫХЪ НАУКЪ.
~~~~~

О свойствахъ Греческихъ историковъ.

Дѣписатели древнихъ временъ долго имѣли объ исторіи понятіе, совершенно отличное отъ того, какое теперь мы объ ней имѣемъ. Греки сперва почитали исторію прозаическимъ писаніемъ, предназначеннымъ хранишь знаменитыя дѣянія предковъ и пишашъ народную гордость. Увлекаемые склонностію сердца и стремленіемъ разума, пріученные Гомеромъ и другими писателями находить въ стихосвор-

ныхъ изображеніяхъ прошедшаго времени только хвалы въ честь Героевъ, или видѣшь въ нихъ принадлежность общественныхъ празднествъ, или почиашъ ихъ поводомъ къ веселому воспоминанію о доблестяхъ опечесивенныхъ и средствами къ удовольворенію желанія своего восхищашся музыкою, они искали въ исторіи шѣхъ же выгодъ, шѣхъ же удовольствій. Геродотъ, какъ думашъ должно, былъ по мнѣнію ихъ счастливый послѣдователь Гомера; ибо самъ онъ объявилъ о себѣ, что намѣренъ только предохранить подвиги людей отъ забвенія и прославить великія и чудесныя дѣла Грековъ и варваровъ (*). Исторію о сихъ подвигахъ и дѣянїяхъ читалъ онъ передъ цѣлою Греціею. Ионійская проза въ устахъ его была не иное что какъ свободная поэзія. „Онъ явился на играхъ Олимпійскихъ, говоритъ Лукіанъ, явился не зрицелемъ, но аплетомъ; *вослѣвая* свои повѣсти, такъ плѣнилъ онъ слушателей, что девять книгъ его исторіи названы именами дѣвъ Парнаскихъ (**).“ Скоро потомъ Геродотъ прославился въ Греціи болѣе всѣхъ побѣдителей игръ Олимпійскихъ. Вездѣ указывали на него перстами, говоря: „Се Геродотъ, Ионійскимъ нарѣчіемъ возвращив-

(*) Herod. I. 1. Proem.

(**) Luc. Herod., iv. act. § 1.

пій о браняхъ Персовъ, и *вослѣвшій* побѣды наци (*)!“

Папріотическій воспоргъ, коимъ Греки одушевлялись при повѣспованіи обѣ отеческихъ подвигахъ, былъ основою мнѣній ихъ о свойствахъ, достоинствахъ и цѣли сочиненій историческихъ: они не искали ни точности, ни поучительныхъ правилъ, а только примѣровъ. Историкъ, желая болѣе разгорячить воображеніе, нежели образовать разумъ слушателей своихъ и читателей, старался предлагать имъ не столько основательныхъ сужденій, сколько живыхъ картинъ и пѣщическихъ вымысловъ. Онъ вѣщалъ современникамъ своимъ, гошовымъ внимаць повѣспованію обѣ истинной или мнимой славы предковъ, а не отдаленному попомспву, пребующему спрогой точности. Самые даже лѣтописцы, собирающіе родословныя сказанія и извѣстїя о древнихъ памяшникахъ, водимы были единственно желаніемъ польстить своимъ согражданамъ, и ни на часъ не теряли изъ виду намѣренія имъ понравиться. Геродотъ, описывая преданія Аргоса, Спаршы и Аенъ, употребляетъ вводныя повѣспи для забавы своихъ слушателей; многіе ученые мужи думаютъ, что именно для сей причины

(*) Ibid.

Историкъ помѣспилъ нѣскольکو шакнхъ повѣспей въ началѣ первой своей книги (*).

Гекатей Милешскій, и кажепся первый онъ, догадался, что исторія имѣетъ иную цѣль, иныя обязанности. Недовѣряя всѣмъ народнымъ преданіямъ, онъ началъ приближаться къ здоровой кришикѣ; но Фукидиду предоспавлено было назначишь предѣлъ между поезіею и дѣписаніемъ, и показашь, какими правилами должна руководспвовашься исторія. „Не обманушя шѣ, нишешъ Фукидидъ, кошорые повѣряшъ описанію произшеспвіѣй, мною шщашельно изслѣдованныхъ, не полагааясь ни на пѣснопвнія поешѣвъ, предспавлявшихъ все въ увеличенномъ видѣ и съ прикрасами вымысловъ, ни на повѣспи дѣписашелей, болѣ спаравшихся угождашъ уху, нежели наблюдашъ шчностъ, описывавшихъ приключенія безъ доказашельствъ, и предлагавшихъ повѣспи, испорченныя временемъ, неправдоподобныя и заслуживающія бышь въ числѣ басенъ . . . можешъ бышь моя исторія будешъ менѣ пріянна, ибо я опвергъ шакшвыя повѣспи; но я почшу себя довольнымъ, когда шрудъ мой окажешся полезнымъ для шѣхъ людей, кошорые захопашъ имѣшъ свѣдѣнне обѣ истинныхъ произшеспвіяхъ,

---

(*) Marcell., vit. Thucyd., p. 8. Ed. Ducar.

по неизмѣняемому ходу естества долженствующихъ нѣкогда возобновиться. Исторія моя есть памятникъ, звѣщающій грядущимъ въкамъ, а не такое сочиненіе, которое предназначается къ полученію награды или для минутнаго удовольствія слушателей.“

Такія мысли имѣлъ Фукидидъ объ исторической точности и о должностяхъ историка, но онъ долгое время оставался безъ подражателей. Пока Греки наслаждались вольностію, и помнили, что ею обязаны были своимъ предкамъ; пока чуждое господство непоколебимо между нами тѣхъ прелестныхъ вымысловъ, тѣхъ воспоминаній о сообществѣ боговъ съ земнородными, тѣхъ папріотическихъ чувствованій, кои привязывали ихъ и къ стариннымъ преданіямъ и къ мѣсту рожденія; до тѣхъ поръ не старались они подвергнуть исторію свою суровой точности и удалить прелесть заблужденія. Единственно помышляя о бытій своемъ и о славѣ народнои; они мало заботились объ истинѣ и о будущемъ времени. Въ упоеніи гордости и счастья, они негоспирали взоровъ своихъ за предѣлы Греціи. Будучи побѣдоносны и свободны, невосбразали себѣ, что попомки ихъ станутъ въ книгахъ искашь способовъ одерживать побѣды и пріобрѣщать вольность. Имъ ка-

залось, что испорія пригодна болѣе для награды умершихъ, нежели для наславленія попомства. И самъ Аристопель о пользѣ, законахъ и цѣли испоріи, по видимо-му, былъ однихъ мыслей съ прочими своими одноземцами. Онъ отдѣляетъ ее отъ цезѣи, чтобы съ большею точностію назначить правила для прагедѣи и епопеи; но въ раздѣленіи его вовсе невидно, чтобы разсуждая о еспешствѣ испоріи, онъ избралъ для себя путь Эукидидовъ. Когда же Александровы побѣды и Римскія завоеванія опендали у Грековъ выгоды, коими они споль долго наслаждались; тогда начали они жалѣть о своей пошерѣ, и скорбь сія послужила для нихъ урокомъ. Уже народная слава умолкла; уже не могли они оставяшь дѣшамъ наслѣдіе славы своей и свободы; и такъ они захотѣли по крайней мѣрѣ оставить полезныя правила, и добрыми совѣшамми замѣнить для дѣшей и внуковъ цощерю опеческаго доспоянія. И мы не тогда, какъ гошовимся завѣщать несчетное богатство дѣшамъ, и мы не тогда наиболѣе спараемся образовашь ихъ сердце, просвѣшши ихъ разумъ, пріучиши ихъ къ твердости и цощоянству. Греки, цемогши дѣшамъ своимъ передать свободы, захотѣли сдѣлашь ихъ благоразумными. Могло также спашься, что не имѣя уже полипической власши надъ современниками, они захотѣ-

ли утѣшить себя пріобрѣтеніемъ господства надъ умами пощомковъ. Человѣкъ, ничего не имѣя въ настоящее, бросается въ будущее, и въ сей пространной области невстрѣчаетъ препонъ своимъ дѣйствіямъ. Что было оддыхомъ и увеселеніемъ для Грековъ, всегда занятыхъ дѣлами общественными, то уже сдѣлалось важною должностію, средствомъ оказать великія услуги человѣческому роду, для Грековъ, свободныхъ мыслить, а не дѣйствовать.

Полибій прежде всѣхъ принялъ Фунидидовы правила; онъ тщателью доказывалъ, что исторія должна содержать въ себѣ полезныя наставленія для всякаго человека, и что въ ней необходимо нужно изслѣдованіе причинъ и дѣйствій. „Ежели, повѣствуя о происшествіяхъ, пишетъ Полибій, умолчишь, оныхъ причинъ оныя происпекають, какими средствами произведены въ дѣйство, хорошія или худыя оставили по себѣ слѣдствія; то сочиненіе свое можетъ удостоиться награды, но nebude въ немъ наставленій; оно доставитъ минушное удовольствіе, но не найдетъ въ немъ пользы для будущаго времени (*). . . . Исторія и трагедія клонятся не къ одной цѣли: послѣдняя должна

(*) Ролуб., I. 3, с. 7.

расширогать и поразить на время зритель рѣчами и картинами правдоподобнѣйшими; а первая, предлагая слова и дѣянїя подлинныя, должна научить и оставить навсегда убѣжденїе въ чистотѣ (*).“ Пошому и назвалъ онъ сочиненїе свое двумя Греческими словами, содержащими въ себѣ смыслъ: *исторїя доказывающая*, или примѣрами объясняющая правила. Ни одного случая не пропускаетъ онъ направляя свой трудъ къ сей практической цѣли, и безпрестанно повсоряетъ, что для достиженїя къ ней необходимо нужно быть вѣрнымъ истинѣ. „Какъ всякое живое существо, лишась зрѣнїя, спановится вовсе безполезнымъ; такъ исторїя, когда иѣтъ въ ней истины, дѣлается ни къ чему годнымъ сочиненїемъ (**).“

Многіе исторїи Греческіе слѣдовали Полибію; нѣкоторые изъ нихъ занимались единственно исполкованїемъ и приоровкою правилъ сего славнаго дѣписателя. Впрочемъ они немогли совершенно предохранить себя отъ влїянїя свойства народнаго и старинныхъ привычекъ. Свободные Греки отличались пїишическимъ духомъ, копорой не погасъ и въ Грекахъ поработенныхъ;

(*) Polib. L. 2, с. 56.

(**) Polyb. L. 1, с. 14.

онъ былъ любезенъ для нихъ, какъ оспа-
шокъ свободы и памятникъ славы ихъ пред-
ковъ. Діонисій Галикарнасскій полагаетъ,
что исторія должна быть училищемъ лю-
дей государственныхъ, и называетъ ее
философією въ примѣрахъ; однакожь изъ
всего видно, что исторію почитаетъ онъ
болѣе народнымъ памятникомъ, предназ-
чаемымъ для удовольствія, нежели собра-
ніемъ полезныхъ уроковъ. Геродоту отдаетъ
онъ преимущество передъ Фукидидомъ. „Я
думаю, пишетъ Діонисій къ Кн. Помпею,
что для всякаго желающаго сохранить въ
писаніяхъ своихъ челоѳческія дѣйствія,
первая должностъ въ томъ состоитъ, что-
бы выбратьъ содержаніе, хорошее само по се-
бѣ и удобное понравится читателямъ.
Геродотъ поступилъ въ семъ дѣлѣ лучше
Фукидида. Онъ написалъ всеобщую исторію
Грековъ и варваровъ, для того чтобы зна-
менистыя дѣянія и подвиги предковъ нашихъ
въ забвеніи не остались. . . . Напримѣвъ
того Фукидидъ повѣспвуетъ объ одной
только войнѣ, копорая не была ни славною,
ни счастливою, копорой никогда бы начи-
нашь ненадлежало, и копорую должно бы
оставишь неизвѣстною для попомства, по-
крывъ ее завѣсою молчанія. Самъ онъ въ
началѣ сочиненія объявляетъ о недоспа-
кахъ своего предмета; самъ онъ говоритъ,
что въ сіе время многіе города были рас-

хищены или разрушены по варварами, по собственными своими согражданами; что никогда чаще неслучались ссылки, изгнанія, убійства; что землетрясенія, засухи, болѣзни и всѣ бѣдствія совокупно испребляли родъ человеческій. Можно ли спашься, чтобы чипашели, которыми общаются представить всѣ бѣдствія Греціи, испугались самаго начала? Сколько сочиненіе хранящее въ себѣ великія и чудесныя дѣянія Грековъ и варваровъ превосходнѣе исторіи объ ошибкахъ и несчастіи Греціи, столько Геродотъ имѣетъ преимущества передъ Фукидидомъ въ выборѣ предмета...

Во вторыхъ пребудеться отъ историка, чтобы онъ зналъ, чѣмъ начать должно свое сочиненіе и чѣмъ окончить. И въ семъ отношеніи Геродотъ выше своего соперника; онъ сперва предлагаетъ, по какимъ причинамъ варвары напали на Грековъ, потомъ далѣе ведетъ повѣствованіе, и оканчиваетъ его постигшимъ варваровъ наказаніемъ. Напропавъ того Фукидидъ съ начала описываетъ невыгодное состояніе Греціи, чего ему, какъ Греку и Аѳинянину, совсѣмъ не надлежало бы дѣлать... вмѣсто того чтобы говорить о Корцирянахъ, онъ долженъ бы при самомъ началѣ напомнить о знаменитыхъ подвигахъ, которыми соотечественники его прославились послѣ вой-

ны Персидской . . . попомъ долженъ бы онъ, какъ истинный другъ отечества, показать, что Лаведмонцы начали войну единственно по ненависти и зависти, а не по шѣмъ причинамъ, какія были отъ нихъ объявлены . . . Напоследокъ, рассказавши всѣ происшествія, онъ долженъ бы оксичить сочиненіе свое удивительнымъ и счастливымъ возвращеніемъ Филейскихъ изгнанниковъ : возвращеніемъ симъ воспановлена свобода Аѳинянъ.“

Не болѣе ли походитъ это на планъ исторической поемы, служащей къ увеселенію дѣтей, которымъ хотѣшь рассказывать о дѣянїяхъ, благоденствїи отцовъ ихъ, нежели на подлинную исторїю, сочиняемую для попомсїва? Кришикъ продолжаетъ :

„Третїя должностъ дѣписателя состоитъ въ разсмотрѣнїи, что надобно помѣстить въ сочиненїи историческомъ, и что изъ него выключить. Здѣсь опять Эуклидъ уступилъ долженъ первенство. Геродотъ хорошо зналъ, что въ продолжительномъ повѣствованїи отдыхи и промежутки очень прїипны для слушателей, и что непрерываемый ходъ произшествїй, какъ бы удачно ни были свѣ предлагаемы, скоро упоминаетъ, спановишя скучнымъ ; вошъ для чего рѣшилъ онъ, подражая Гомеру,

сославивши исторію, вмѣщающую въ себѣ предметы многіе и разнообразныя . . . Напрошивъ того Фукидидъ непрерывно повѣствуетъ объ одной и той же войнѣ, за сраженіями слѣдуютъ у него опять сраженія, за военными приговорами такія же приговора, за рѣчами опять рѣчи, и все сіе до крайности упоминательно (*).“

Такъ одинъ изъ лучшихъ Кришиковъ древности, увлеченный папріотическимъ чувствомъ, упрекаетъ Фукидиду въ томъ, за что благодарить его должно. Не смотря на то однакожь Діонисій Галикарнасскій пренебрегаетъ, чтобы исторія была полезнымъ сочиненіемъ, содержащимъ въ себѣ наставленія для Государей и законодательей.

Діодоръ Сицилійскій съ большею почтностію держался мнѣнія Полибіева. Въ первыхъ двухъ главахъ предложены мысли сего послѣдняго, только гораздо пространнѣе. Діодоръ называетъ исторію хранилищемъ опытовъ. „Она молодымъ людямъ даетъ опытность спариковъ; въ спарикахъ она увеличиваетъ сію опытность; научаетъ простаго гражданина искусству начальствовать; возбуждая въ Государяхъ чаяніе безсмертной славы, заставляетъ ихъ предпринимать полезныя дѣянія; похвалами производитъ въ войнахъ готовность рѣшиться

(*) Dionys. Hal. Epist. ad Sp. Rom. c. 6.

на всѣ опасности для блага опечеснва ; справедливыми укоризнами опвращаешъ злыхъ людей отъ пресшупленія (*). “

Равнымъ образомъ и Плущархъ желалъ дать испоріи направленіе въ нравочисельной цѣли ; спараніе изыскивашъ причины , чшобы одобришь или порочишь дѣйствія , почишалъ онъ знакомъ благородно-мыслящей души и доспохвального уваженія въ добродѣтели (**). Однакожь не думалъ онъ , чшо испорикъ сочиненію своему долженъ дать форму дидакшическую ; напрошивъ того пребуешъ , чшобы онъ взялъ себѣ въ образецъ живописца , и старался бы живымъ изображеніемъ страстей, вѣрнымъ описаніемъ характеровъ сдѣлать повѣствованія свои настоящими картинами (***) . Для примѣра Плущархъ выписываетъ изъ Оукидида многіе опривки , дѣлающіе шакое впечатлѣніе въ чшашелѣ , какое произвело бы въ немъ самое произшество.

Но изъ всѣхъ древнихъ наиболѣе Лукіанъ держался Оукидидовыхъ правилъ , вопорыя послужили ему основою для извѣснаго сочиненія: *О способѣ писанья исто-*

(*) Diod. Sic. L. I. c. I.

(**) P'ut. de genio Socratis.

(***) Plu'. de gloria Atheniens.

рѣю — это лучшее произведеніе пера его. Тутъ Лукіанъ отдаетъ Эукидиду такое же преимущество, какое Діонисій Геродоту, и мнѣніе свое предлагаетъ гораздо основательнѣе Галикарнасскаго критика, „Единственное правило и лучшій способъ написать исторію, говоришь Лукіанъ, состоятъ въ томъ, что надобно забыть о современникахъ, которые насъ слушаютъ, и только думать о читателяхъ, которыхъ послѣ имѣть будемъ (*).“ Въ прочемъ Лукіанъ не былъ врагомъ спихотворнаго слога, и ошнудъ непочиналъ его несомвѣстнымъ съ точностію, первымъ закономъ, и съ пользою, главною должностію историка.

Почти такъ же былъ ходъ мнѣній у древнихъ Грековъ о свойствѣ, цѣли и достоинствѣ историческихъ сочиненій. Полибій произвелъ перемѣну, о которой Эукидидъ имѣлъ только понятіе; но Эукидидъ былъ человекъ съ истиннымъ дарованіемъ; осперегаясь ошъ пѣщическихъ вымысловъ предшественниковъ своихъ, онъ умѣлъ быть живописцемъ, умѣлъ пѣвнать слогомъ живымъ и выразительнымъ. Полибій, неуклонно спремаясь къ цѣли наставленія, показалъ способъ приняпый большею частію новыхъ историковъ; они перестали

(*) Luc. De conscrib. Hist. c. 39.

бышь художниками, и сдѣлались философами; они живутъ въ мѣрѣ умозрительныхъ опвлеченій, древніе жили въ мѣрѣ вещеспвенномѣ; сіи размышляли, шѣ дѣйствоввали. Ты хочешь рассказывать: имѣлъ ли ты въ какихъ-либо дѣйствійхъ участіе, или по крайней мѣрѣ былъ ли когда-либо очевиднымъ свидѣтелемъ дѣйствій? Ибо иначе невозможно сдѣлаться живописцомъ-испорникомъ; еще пребуешья въ шому способность разсужданъ, а по несчастію въ немногихъ людяхъ соединяются два сіи необходимыя преимущесшва.

М.

III. КРИТИКА.

Стихотворенія Эрскія, или Ирландскія (*)

Извѣстно, что первые отрывки Стихотвореній *Оссіановыхъ* изданы Макферсо-

(*) То есть Поемы Оссіана, Оррина, Уллина и Ардара, вновь собранныя въ иѣкопшорой части западной Шотландіи и изданныя въ свѣшѣ Г. Смиѣомѣ, кои на Россійской языкѣ

номъ 1760 года на Англійскомъ языкѣ. Одни удивлялись имъ, какъ рѣдкому человѣческаго ума произведенію, другіе почитали ихъ подложными. Издашелою надлежало бы при самомъ началѣ оправдаться и уничтоживъ всѣ подозрѣнія; ему надлежало бы предсказать публикѣ подлинныя пѣсни; но онъ думалъ, что столь несправедливыя и оскорбительныя подозрѣнія нестоюшъ опроверженія. Докторъ Блеръ вступился за Шотландскаго Барда. При новомъ изданіи Поемъ *Оссіановыхъ* 1763 года, приложено разсужденіе, въ кошоромъ Блеръ доказываетъ достоверность оныхъ. Макферсонъ напечаталъ нѣсколько подлинныхъ отрывковъ; однакожь число невѣрующихъ неубавлялось. Многіе ученые Англичане и слышавъ даже не хотѣли о пѣсняхъ Барда; напротивъ того Шотландцы и чужеземные ученые, думая, что Англичане по зависти непризнаюшъ Оссіановыхъ пвореній, тѣмъ болѣе удивлялись имъ, и тѣмъ болѣе полагались на честность переводчика.

Макферсонъ, при жизни своей пехонувшій спорилъ съ противниками, назначилъ въ завѣщаніи 1000 фунтовъ стерлинговъ

Г. Костровымъ предложены еще не были. Перевелъ съ Французскаго *Селень Филатовъ*. Часть первая. С. Петербургъ, въ типографіи Губ. Правл. 1840.

для напечатанія подлинныхъ на Галлическомъ, или Цельшическомъ языкѣ спихопвореній, копорыя долженствовали оправдать его. Время шекло, подлинники не выходили, недовѣрчивость усиливалась и начала обнаруживаться даже между Шопландцами. Г. Ленгъ во впоромъ томъ своей Шопландской испоріи принимался доказывать, что пѣсни Оссіановы незаслуживаютъ ввроянія. Говорили шакже, что Г. Макенцій, копорому поручено было издать въ свѣтъ подлинники, медлилъ по причинѣ сомнѣнія.

Шопландское общество, извѣстное подъ названіемъ Highland Society, слѣдъ за двѣнадцатью передъ симъ вознамѣрившись изслѣдовать Оссіановы пѣснопѣнія, учредило особую комиссію, копорая не прежде 1806 года (въ Іюль мѣсяцѣ) представила первое свое донесеніе. Члены комиссіи объявили, что въ собраніи подлинниковъ не найдено близкаго сходства съ Макферсоновымъ переводомъ, хотя и есть одинакія имена собственныя и названія вещей въ нѣкопорыхъ Поемахъ и опривкахъ. Слѣдственно Макферсонъ былъ болѣе сочинителемъ, нежели переводчикомъ изданныхъ имъ Спихопвореній.

Въ Ирландіи носящая въ народѣ разными преданія о *Фіонахъ* или *Феніенахъ*, воин-

спвенномъ обществѣ, которое обитало въ Лейнсперской провинціи, и имѣло надъ собою начальникомъ *Финъ-Макъ-Кула*, Менферсонова *Фингала*. Равнымъ образомъ извѣстны шамъ имена *Голл-Макъ-Морна* (Голла сына Морнѣва), *Осгура* отъ племени *Оисина* (у Манферсона *Оссїана*), *Фергуса*, *Филлана* и проч., и наконецъ самаго *Оисина* или *Оссїана*, копорой переживши всѣхъ друзей своихъ, оплакивалъ смерть ихъ и воспѣвалъ подвиги. Къ преданіямъ симъ принадлежатъ еще подобныя же о другомъ воинспвенномъ въ Олсперѣ жившемъ обществѣ, копорого члены назывались *Рыцарями красной вѣлви* (*Stoabh Ruadh*). *Коиналь* былъ начальникъ общества, а *Кушуллинъ* наилучшимъ украшеніемъ его и надежною опорой. Подвиги обоихъ обществъ сохранились въ разныхъ стихотвореніяхъ, похожихъ на старинные романсы. Дублинскій Университетъ имѣетъ у себя немалое оныхъ собраніе; у Ирландцовъ хранящаяся онѣ въ памяти; Миссѣ Брукъ 1789 года издала многіе ошривки оныхъ, переложенныя на Англійской языкъ стихами.

Молва о сихъ Герояхъ распространилась и за предѣлами Ирландіи; между горами Сѣверной Шотландіи. память о нихъ съ давняго времени хранится въ пѣсняхъ.

Но въ Шотландскихъ переводахъ Герои не всегда называются Ирландцами; напротивъ того въ нихъ часто упоминается, что Оскаръ и Фингалъ приходили отъ Альбона (изъ горъ Шотландскихъ); вотъ почему Фингалово имя попадаетъ также и у старинныхъ Нижне-Шотландскихъ писателей.

И такъ несправедливо было бы оспаривать у Макферсона основаніе, на которомъ воздвигъ онъ свою храмину. Въ прочемъ самые ревностные защитники его несмѣли уже съ прежнею увѣрительностью говорить о Целпическихъ или Галлическихъ стихотвореніяхъ; ученые переспали уже ссылаться на нихъ, какъ на историческія свидѣтельства. Не говорили уже, что Фингалъ давалъ сраженіе Каракаллъ и что Римскіе орлы побѣждали отъ лица Оскарова.

Макферсонъ поступалъ весьма искусно; всѣ опривки, все что ни удалось ему опрыскашь у горныхъ жителей, вспавилъ онъ въ свои сочиненія. Отъ того всякой Шотландецъ, прочитавъ Макферсона и нашедъ въ немъ знакомыя прѣзшесствія и выраженія, несомнѣвается въ достоверности, и охотно доказываетъ другимъ, что пѣснопѣнія точно сочинены древнимъ Шотландскимъ Бардомъ.

Такимъ образомъ Поема *Фингалъ* составлена изъ романса о высадкѣ Магнуса въ Ирландію, гдѣ Фингалъ съ своими Фіонами побѣдилъ его. Въ семъ романсѣ около пятидесяти куплетовъ чешыреслрочныхъ. Макферсонъ сдѣлалъ изъ него шесть книгъ, слѣдственно основа его сочиненія существуетъ въ подлинникѣ; но ни въ какой Галлической Поемѣ неупоминается о разныхъ случаяхъ, коими наполненъ мнимой переводъ Макферсоновъ.

Нѣкоторыя произшествія предлагаетъ онъ съ довольною почностію; за то уже слогъ его совершенно опличенъ. Въ подлинникѣ нѣтъ ни пышныхъ фигуръ, ни сенциментальныхъ восклицаній, ни романической нѣжности. Тамъ нравы простиыя, приличные народу, недавно сославившему обществу; герои бранчивые и грубые: напропивъ шого у Макферсона они слишкомъ учтивы; подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, они покровительствуютъ слабымъ и сражаются за красавицъ. Фингалъ его соединяетъ въ себѣ мужество Ахилла съ учтивостію Грандиссона.

Еще виднѣе перемена въ миеологической системѣ, коюрой ниже пѣни нѣтъ въ подлинныхъ романсахъ; ни однажды неупоминается тамъ о *духахъ*, безпрестанно

являющихся у переводчика. Макферсонъ зналъ, что никакъ нельзя было ему обойтись безъ мифологїи, копірую криптики почишаютъ необходимою принадлежностію Эпопеи. Употребивъ чудеса христіянскія, онъ сдѣлалъ бы героевъ своихъ слишкомъ новыми; отъ себя выдумать вѣру для Фіоновъ также было бы небезопасно; и для того Макферсонъ рѣшился держаться свѣдѣннхъ мифній о явленіи мершвецѣвъ, шѣмъ болѣе что мифнїя сїи еще и теперь господствуютъ между горными жителями Шотландїи, равно какъ и вездѣ между невѣждами.

Чтожъ касается до рукописей, то ихъ вовсе неопыскано между бумагахъ Макферсоновыхъ; кажешся, самъ онъ боялся, чтобы не сдѣлались онѣ извѣстными свѣшу. Теперь знаяшъ, что рукописей, которыя общалъ онъ обнародовать, находилъся только двѣ, сочиненныя самимъ же Макферсономъ; ибо на Галлическомъ языкѣ писалъ онъ также легко какъ и на Англійскомъ.

Вотъ что думали за чешыре года передъ симъ о достоверности Макферсонова перевода. Наконецъ Шотландское общество издало въ 3 часяхъ *подлинныя стихотворенія Оссіановы*, или лучше сказать, *народныя пѣсни и баллады верхней*

Шотландіи ; большая часть ихъ описана не далѣе 14 или 15 вѣка. Ихъ - по переимчиву Макферсонъ и выдалъ за Оссиановы стихотворенія шрепьяго вѣка.

Чишатель неостанешся въ недоумвнн, почему объявляемыя здѣсь стихотворенія, *собранныя въ Шотландіи*, называются *Эрскими*, или *Ирландскими*. Макферсонъ, какъ Шотландецъ, присвоилъ Оссиана своему опечеству; однакожь Ирландцы, по видимому, больше имѣютъ на шо право. Въ прочемъ шрудъ изслѣдованія намъ не принадлежишь; мы должны были предложитъ чужія опкрышя и мысли о пѣснопѣнняхъ прославившихся въ Европѣ, и доспойныхъ славишь многими единствеными въ родѣ своемъ красонами. Тѣмъ болѣе чести Макферсону, ежели онъ изъ проспыхъ народныхъ пѣсенъ умѣлъ сославитъ превосходныя поемы. Но обратимся къ переводу Г. Филашова.

Въ первой части помѣщены три поемы *Оссиановы*, и одна *Уллинова*. Сїи поемы и пѣ, которыя за ними слѣдовашь будущъ, собраны и переведены Г. Смишомъ. Онъ издалъ ихъ на Англійскомъ языкѣ 1780 года въ Единбургѣ. Спустя шестъ лѣтъ онъ напечатаны вмѣстѣ съ подлинниками; слѣдовашельно о досповѣрности ихъ

сомнѣваться не можно. „Г. Смишъ, (сказано въ предисловіи) будучи не столько дерзновененъ, сколько Г. Макферсонъ, не осмѣлился касаться связи сихъ поемъ, и сокращалъ изъ оныхъ двѣ или три по самой необходимости.“ Въ переводѣ Г. Филашова чипаптели къ удовольствію своему найдущъ языкъ достойный каршинъ Оссиановыхъ и вѣщаній Бардовъ. Опборныя слова, а особливо изъ книгъ духовныхъ заимствованныя, и искусное ихъ расположеніе дѣлающъ слогъ благороднѣйшимъ и дающъ ему тонъ возвышенной, приличной для поемы. Можешь бысть любители гармоніи захопяшъ, чшобы окончаніе смысла передъ почкою доставляло службу болѣе пріятности, шо естъ чшобы періодъ оканчивался хореємъ, гдѣ пребуешъ шога очевидная нужда. Въ такомъ случаѣ и мы должны съ ними согласиться.

„Ночь была мрачна и бурна (стр. 6)
 „Тѣни вопія, прешекали кустарникъ; бы-
 „спрый пошокъ ниспадалъ съ вершины горъ
 „съ ужаснымъ ревомъ. Громъ рашился въ
 „мрачныхъ шучахъ съ прескомъ, подоб-
 „нымъ преску сокрушающей ся скалы. Мол-
 „нія прешекала небеса на пламенныхъ сво-
 „ихъ крылѣхъ. Герои наши были шога въ
 „Сельмскихъ чершогачъ, въ сихъ чершо-
 „гачъ, кои нынѣ сущъ развалины. Возжен-

„ный дубъ пылалъ посреда ихъ. Его пламя
„освѣщало чело героевъ, и кубокъ съ пи-
„штемъ веселящимъ сердце переходилъ по
„чредѣ изъ рукъ въ руки. Барды воспѣва-
„ли, и нѣжная рука дѣвъ перебѣгала по
„спрунамъ спройныхъ арфъ. — Ночь уда-
„лилась на крылѣхъ веселія. Мы мнили,
„что звѣзды недоспигли еще среды своего
„пуши, тогда какъ разсвѣтъ дня бли-
„спалъ уже на воспокъ. Ударили во щипъ
„Фингаловъ. Выпуклось сего щипа изда-
„вала тогда иной звукъ. Герои внемлютъ
„сему звуку, подобну ошдаленному грому :
„они шекутъ на оный радостно со бре-
„говъ своихъ рѣкъ.“

Такихъ опривковъ въ переводѣ Г. Фи-
лашова много. *Т.*

IV. С М Ъ С Ъ.

Письмо Русскаго путешественника изъ Рима (*).

¹²/₂₄ Октября.

Въ продолженіе пребыванія моего въ Римѣ, милоспивый Государь В. Н., я видѣлъ почти всѣ его ошашки древностей. Не возможно описать ихъ всѣхъ въ одномъ письмѣ; ни припомнишь ихъ съ подробностями послѣ минушнаго моего на нихъ воззрѣнія; воображеніе мое и память сполько обременены ими, что я не имѣю еще о нихъ надлежащаго свѣдѣнія; но между прочимъ я удовольствуюсь сказать вамъ теперь нѣчто о самыхъ замѣчательнѣйшихъ. Пантеонъ есть наилучшее зданіе изъ всѣхъ ошашковъ древней Римской архисеклуры; величественный сводъ его, имѣющій въ діаметрѣ 20 сажень и 8 вершковъ, есть безъ сомнѣнія самое ошажное и превосходнѣйшее произведеніе въ своемъ родѣ; большое круглое ошверстіе въ центрѣ свода, сквозь которое входилъ свѣтъ лучемъ, даетъ внутренности храма самый поржественный и необыкновенный видъ; ни что не можетъ быть прилич-

---

(*) Нашимъ чипашелямъ безъ сомнѣнія будетъ приятно узнать что-нибудь о Николаѣ Федоровичѣ Алферовѣ, Дворянинѣ-Художникѣ, о которомъ писано было въ Вѣстникѣ Европы 1808 года. *Изд.*

нѣе сего освѣщенія для храмовъ, и конечно ни кто еще не входилъ въ сіе зданіе, не будучи пораженъ онымъ, и не ощущая въ сердцѣ своемъ чувствованій необыкновенныхъ. Обширность сего храма не менѣе удивительна, какъ и красоты его въ цѣломъ. — Но какая разность послѣ Пантеона увидѣшь церковь Св. Петра! Я не скажу вамъ ничего о видѣ архитектурѣ ея; въ ней нѣтъ ничего особеннаго, что могло бы занять меня послѣ Пантеона, а наипаче послѣ развалинъ Аѳинскихъ. Вы удивляешесь, измѣряя циркулемъ на бумагѣ планъ и высоты сего колосса; но сколько бы удивились вы, вошедъ въ сію церковь и не почувствовавъ ничего колоссальнаго! чрезвычайныя высоты его профилей и множество частей одна другой больше, охватываютъ всю идею о огромности сего зданія какъ во внутренности, такъ и снаружи. Многіе принимаютъ смѣсь сію за достоинство, называя ее гармоніею; но для чего же строить колоссъ, если надлежитъ стараться, чтобы онъ не казался паковымъ? Я удивляюсь идеямъ Микель-Анжа, не только въ скульптурѣ и живописи, а не въ архитектурѣ, и никакъ не могу сообразить, чтобы одинъ и тотъ же художникъ былъ столько знаменитъ въ первыхъ двухъ художествахъ, и столько слабъ во вкусѣ послѣдняго. — Останки Колосея представляють также удивительный колоссъ; внутренность его была превосходна, хотя о ней не иначе теперь судить можно, какъ только по останкамъ сводовъ, на коихъ были нѣкогда ступени для сидѣнія, и по куску стѣны, показывающей высоту верхнихъ столбовъ, стоявшихъ нѣкогда въ одинъ рядъ, выше всѣхъ ступеней, и составлявшихъ великолѣпнѣйшій

покрытыя ложи для зрителей. Въ наружности же его не нравится мнѣ рядъ верхнихъ пилястровъ, посаженныхъ надъ тремя ярусами колоннъ; они кажутся мнѣ слишкомъ тяжелы, потому что представляющъ четвероугольное шло надъ круглымъ основаніемъ, и припомъ они гораздо большаго діаметра, и слѣдовательно гораздо длиннѣе колоннъ, подъ ними находящихся. Развалины Колисея чрезвычайно живописны: шепершее состояніе его едва ли не болѣе плѣняетъ художниковъ, нежели остатки его архитектуры. — Чтобы не наскучить вамъ одними разказами о древностяхъ здѣшнихъ, позвольте мнѣ оставить продолженіе сей матеріи до слѣдующаго случая, а теперь замѣтить нѣчто о зданіяхъ новѣйшихъ временъ. Не странно ли покажется вамъ въ знаменитой столицѣ изящныхъ художествъ, въ которой образовалось шλικое множество славныхъ Архитекторовъ, не найти ни одного строенія изъ множества здѣшнихъ дворцовъ, церквей и прочихъ публичныхъ зданій, хотя сколько нибудь сноснымъ для глазъ! Я не успѣлъ еще познакомиться ни съ однимъ изъ здѣшнихъ Архитекторовъ, потому что ожидалъ пріѣзда сюда изъ Албано Его Превосходительства Якова Григорьевича Лизакевича, къ которому я имѣлъ отъ Графа Строгонова рекомендательное письмо, и которой обѣщаль мнѣ, по пріѣздѣ его въ Римъ, самъ познакомить меня съ ними; впрочемъ я видѣлъ у знакомцовъ моихъ нѣкоторыя изъ прожектовъ ихъ, и если нѣтъ чего-либо у нихъ лучше, то врядъ ли будетъ мнѣ интересно и знакомство сіе. Я былъ въ мастерской у Г. Кановы, перваго Скульптора въ Европѣ: не могу выразить вамъ, до какой степени удивленъ я его произве-

деніями! Онъ. недавно кончилъ превосходную спашую Наполеонову изъ мрамора. Но я не имѣлъ еще щастія увидѣть его самого; онъ шеперь во Флоренціи. — Я ходилъ смошрѣть вышавку произведеній здѣшней Французской Академіи; тамъ ничего не было, кромѣ одного шолько карниза и фронсона храма Антонинова и нѣсколькихъ посредспвенныхъ карпицъ. Римская же Академія Св. Луки ничего не имѣла выставити; говорящъ, что она сполько бѣдна шеперь, что не въ состояніи дать въ награжденіе какому-нибудь молодому художнику и серебряной медали. — Здѣшніе художники умирающъ съ голоду шеперь.

На сихъ дняхъ извѣспили меня изъ Ливорны о смерти Г. Михайлы Зосима, благодѣшеля моего: это извѣспіе крайне было для меня прискорбно.

Я не предполагаю долго пребыть въ Римѣ, а желалъ бы увидѣть скорѣе Парижъ; и пакъ покорнѣйше прошу васъ попрудитесь послѣшити доставити мнѣ годовое содержаніе и на пробздѣ мой отсюда до Парижа 250 червонныхъ, дабы обезпечити меня во всемъ совершенно, не полагаясь ни сколько на покровительствво Вельможъ. Сія сумма будетъ уже послѣдняя, послѣ чего я возвращусь въ мое Отечествво. Ожидая благодѣштельнаго отвѣта вашего, имѣю честь быти съ глубочайшимъ моимъ къ вамъ почпеніемъ, сердечною преданностію и вѣчно благодарными чувстввованіями.

Гренландцы внутри Россіи.

Письмо къ Сл. Украинскому Губернатору.

Извѣстно мнѣ, что Ваше Превосходительство не упускаете случая доброжелательно войти и въ самыя подробности по ввѣренной вамъ Губерніи; почему, соображаясь благой вашей цѣли, пріятно мнѣ сообщить вамъ довольно любопытное по моему мнѣнію замѣчаніе, которое случайно я сдѣлалъ, и которое почишаю достойнымъ вниманія такого Начальника, каковъ вы М. Г.

Навѣщая по сосѣдству помѣщиковъ села Брегадировки, господъ Быковскихъ, нѣсколько разъ случалось мнѣ видѣть тамъ особливыхъ людей, очень малаго роста и ошличныхъ неопрятностью своею отъ прочихъ; любопытство родило желаніе во мнѣ узнать причину сей странности, и вошъ послѣдствіе моихъ разысканій. Люди сіи принадлежатъ Семену Львовичу Быковскому, служащему извѣдѣнства въ артиллеріи, и теперь находящемуся еще въ службѣ. Сія часть селенія поселена была предкомъ его отдѣленно отъ Брегадировки на берегу рѣки Мерла, изобилующей въ семъ мѣстѣ до такой степени рыбою, что ежегодно въ исходѣ Декабря или въ началѣ Января рыба падаетъ на лопки въ невѣроятномъ количествѣ: въ хорошій годъ падаетъ оной въ сѣти, подъ мѣльничныя колеса подшавленные, отъ шрехъ до пяти саней въ сушки; изобиліе тѣмъ примѣчательнѣйшее, что ни выше ни ниже двухъ площинъ, принадлежащихъ Быковскимъ, нѣтъ сего періодическаго произшествія. Таковая ловля продолжается около двухъ недѣль, а

иногда меньше, и всегда только ночью; сначала идетъ самая мѣлкая рыба, какъ - то: ерши, плотва и тому подобное; наконецъ оканчивается самою крупною, то есть: карпами, лещами, а иногда даже и сомами.

Вышесказанные поселенцы, предпочитая корысть истиннымъ пользамъ, сдѣлались рыболовами, начали охотиться мало по малу охъ жѣлобощества; и теперь большая часть оныхъ лишилась скота — слѣдовательно способовъ обрабатывать землю, такъ что охъ пятидесяти или шестидесяти душъ мужеска пола выходитъ на пашбу разнаго рода рогатаго скота не болѣе 20 скотичъ.

Не успѣвъ весна открыться, какъ новые сіи Гренландцы начинаютъ свои промыслы: взрослые, мужчины и женщины, берутъ свои сѣти, волоки и тому подобное; мальчики же и дѣвочки охъ 10 и 12 лѣтъ, взявши какое-нибудь корыто и спустивши оное на рѣку, охъправляюща на островъ съ инструментами въ родѣ вилочекъ, ловить подъ кустами въ прозрачной водѣ раковъ, копорые и доставляющъ главный доходъ поселянамъ; ибо я самъ былъ свидѣтелемъ, что въ одинъ вечеръ, и однимъ волокомъ вытаскивали мѣшокъ, а иногда и болѣе оныхъ. Послѣ кладущъ ихъ въ горшки, или въ чугунные кошлы, и обваривши сушатъ раковыя шейки. Приготовивши такимъ образомъ, продающъ пудами промышленникамъ, получая за пудъ охъ 8 до 10 рублей.

Многіе изъ сихъ жителей, не оставяя совсѣмъ рыболовства, бродятъ по болошамъ и достаютъ разнаго рода лѣкарственныя растѣнія, по заказу комисіонеровъ Полтавской ап-

шеки, какъ-то ауръ и пр.; дѣши же, собирая рожки, рогозъ и другія растѣнія, продающъ ихъ на собственныя рынкахъ.

Зима не прерываетъ всѣхъ ихъ упражненій; но нѣкоторымъ образомъ уменьшаетъ страсть къ онымъ, какъ кажется по тому, что люди сіи худо одѣты, и что Украинцы къ перенесенію холода не хопятъ себя приучать.

Послѣ всего сказаннаго мною, казалось бы что колонія сія, имѣвши сполько средствъ къ обогащенію, должна жить въ изобиліи; но по замѣчанію моему люди находящяся въ совершенной бѣдности, вѣроятно потому, что деньги, приобретенныя легко, издерживающся безъ пользы, и употребляющся ими по большей части на пьянство.

Образъ жизни сихъ поселенцовъ весьма отличенъ отъ прочихъ. Мнѣ случалось бытъ въ ихъ хижинахъ: раковыя шелухи, разбросанныя около оныхъ и внутри, испуская смрадъ, наполняютъ воздухъ сыростию и дѣлаютъ его несноснымъ для человека непривыкшаго; неопытность произвела заразительную болѣзнь (чесотку): пища ихъ, большею частию рыба и раки, часто употребляемая даже безъ хлѣба, вѣроятно умалила ростъ и силы ихъ; ибо нѣсколько уже лѣтъ ни одинъ человекъ изъ нихъ не годенъ въ рекруты, и естлибъ помѣщикъ не имѣлъ особливаго селенія, конечно давно бы сіе сдѣлалось извѣстнымъ Правительству. Никто изъ сосѣдей сихъ поселянъ не входитъ уже съ ними въ связи родства, и они живутъ, какъ сказать, въ пренебреженіи отъ прочихъ.

Доставивъ свѣденіе Вашему Превосходительству о новыхъ Гренландцахъ, живущихъ въ Слободской-Украинской Губерніи, осмѣлива-

юсь обрати́ть внима́ніе Ваше на сіе новое доказательство, и влія́нія помѣщиковъ на пользы земледѣлія, и вреда происходящаго отъ того, если народъ нашъ бываетъ оставленъ на собственной своей произволъ. Не угодно ли будетъ также, М. Г., ошдаться на разсужденіе Естество-испытателей: не содѣйствуетъ ли рыбная пища, и соотвѣтствующій пому образъ жизни, къ умаленію человѣческаго роста, которое доселъ приписывали одному климату сѣверныхъ приморскихъ мѣстъ? Догадка сія, кажешся мнѣ, шѣмъ основательнѣе, что семья людей масперовыхъ (бочарей), поселенная на краю упомянушаго селенія, служи́тъ самымъ чувствительнымъ контрастомъ карликамъ рыбобдамъ.

Честъ имѣю бытъ, и проч.

Иванъ Каразинъ,

Богодуховскаго округа помѣщикъ.

О восковыхъ фигурахъ.

Между веществами, кои древніе и новіе скульпторы употребляли для сдѣланія статуи и бюстовъ, занимаетъ воскъ не послѣднее мѣсто. Причины, побудившія художниковъ избрать оный для своихъ издѣлій, состоятъ въ единственныхъ онаго свойствехъ: въ мягкости, бѣлизнѣ и удобности для дѣланія всякаго рода формъ и фигуръ, углубленій и выпуклостей. Къ симъ преимуществамъ присоединилось еще и то, что вещество сіе можно доставать вездѣ и безъ дальнихъ издержекъ. Вошъ причины, почему скоро наполнились и

ежедневно наполняются какъ галлерей публичныя, такъ и кабинеты частныхъ людей восковыми изображеніями Боговъ, Героевъ и Историческихъ лицъ — изображеніями, между коими находящяся многія, сдѣланныя съ особеннымъ искусствомъ!

Но при всемъ томъ замѣчено, что ни одна восковая статуя не дѣлаешь и не можешь дѣлать на насъ такого впечатлѣнія, какое производяшь другія издѣлія свободныхъ художествъ. Замѣчено, что изъ множества превосходныхъ восковыхъ копій Медицейской Венеры и Ватиканскаго Аполлона, ни одна не оставляетъ въ душѣ споль живаго, споль восхищительнаго чувствія, какъ ихъ оригиналы. Замѣчено также, что чѣмъ важнѣе, чѣмъ величественнѣе предметъ, тѣмъ оный менѣе способенъ для восковыхъ изображеній, и что одніе только головы женщинъ, дѣшей, купидоновъ, обыкновенно удаются въ семъ родѣ искусства лучше другихъ. Замѣчено наконецъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ восковыхъ статуй нѣтъ ни одного оригинала — ни одного идеала, могущаго служить образцомъ для молодыхъ художниковъ, ни одного масперскаго произведенія искусства, достойнаго сравниться съ копорымъ-нибудь изъ драгоценныхъ произведеній древности.

Сія слабость впечатлѣнія должна имѣть свои причины, и сіи — то намѣрены мы здѣсь разсмотрѣть.

Каждое пріятное впечатлѣніе, которое дѣлаешь на насъ видъ изящнаго въ произведеніяхъ искусства, имѣетъ слѣдствіемъ своимъ *очарованіе*, состоящее въ томъ: когда мы

забываемъ, что видимъ картину, статую, забываемъ, что видимъ подражаніе, и думаемъ имѣть предъ глазами самую Природу. Для произведенія сего *очарованія* должны мы приближать подражаніе къ истинѣ до такой степени, чтобы мы, смотря на первое, думали только о послѣдней; чтобы мы, забывая, что это краска, мраморъ, мѣдь, — искали и находили однѣ только совершенства, однѣ красоты изящества, — чтобы мы принимали *увѣтѣ* въ изображаемомъ предметѣ, представляли себя въ его положеніи, радовались, печалились, соболѣзновали и пр. Сіе очарованіе имѣетъ свои степени, и кто *преступилъ* сей предѣлъ, потѣ напрасно трудился, напрасно желалъ сдѣлать пріятное впечатлѣніе на имѣющихъ истинно хорошій вкусъ. Можно принять за правило, что тамъ, гдѣ подражаніе слишкомъ близко подходитъ къ Природѣ, очарованіе исчезаетъ. Нѣтъ уже болѣе пищи для воображенія, нѣтъ занятія для Эстетическа о чувства. Сей-то недостатокъ имѣютъ всѣ восковыя изображенія, и сія-то есть первая причина, почему оныя не дѣлаютъ на насъ такого впечатлѣнія, какъ другія произведенія изящныхъ искусствъ.

Съ другой стороны, нѣтъ ничего вреднѣе очарованію, какъ если въ разсмотрѣніе художественныхъ произведеній вмѣшивается какое-нибудь непріятное чувство, на прим. омерзѣніе или боязнь. Замѣчено, что видъ восковыхъ фигуръ всегда сопряженъ съ нѣкоторымъ родомъ содроганія. Причины сего состоятъ въ преступленіи предѣловъ очарованія и въ излишнемъ сближеніи подражанія съ истинною; замѣчено, что при видѣ восковыхъ фигуръ ощущаемъ мы нѣчто близкое къ тому,

что чувствуютъ имѣющіе сильное воображеніе люди, когда думаютъ видѣть духовъ и тѣни умершихъ. Сіе-то чувство, необходимо сопряженное съ невольнымъ содроганіемъ, есть вторая причина недоставка очарованія при видѣ восковыхъ фигуръ.

Впрочемъ тѣ изъ оныхъ, кои выработаны, съ особенною тщательностію, великія имѣютъ преимущества передъ другими, и могутъ быть совершенны въ своемъ родѣ. Здѣсь было говорено о восковыхъ изображеніяхъ вообще, а не объ инокшорыхъ въ особености.

В. Козловъ.

Историческое и философическое разсужденіе о блохахъ.

Блоха занимаетъ не послѣднее мѣсто между мучителями рода человеческого. Чертоша ея показываетъ, что она есть изчадіе ада. Много ли такихъ щастливцевъ, которые бы хотя однажды въ жизни не испытали лютоши сего чудовища! Блоха не смотритъ ни на возрастъ, ни на состояніе; не смягчается прозьбами, не боится угрозъ: докучлива, какъ кредиторъ; уверлива, какъ подвѣчій, когда церсты уязвленнаго имъ правосудія стремятся его раздавить. — Загляните въ исторію: міръ препешалъ передъ Римомъ, Римъ предъ Силою, а Сила воспрепешалъ предъ кѣмъ? — Объ этомъ узнаете отъ Плутарха. Мы скажемъ здѣсь одно то, что ошвратительныя насѣкомыя, изкусавшія, и наконецъ умертвив-

дѣя Силлу, имѣли союзниками своими блохъ. Могучему Геркулесу легче было поразить Немейскаго льва, Лернскую гидру и ужаснаго Дракона, нежели богатырскою своею палицею убишь хошя одну блоху! — Нынѣшнія времена могущъ по справедливости гордиться предъ древними шѣмъ, что ни одинъ полководецъ не погибъ подобно Силлѣ. Умалчивая о войнахъ другихъ народовъ, скажу, что наши Герои, хошя часто принуждены бывающъ сражашься съ многочисленными арміями Азіатскихъ и Европейскихъ блохъ и ихъ, союзниковъ; но также храбро побѣждающъ ихъ, какъ и прочихъ непріятелей. Не смотря на то, блохи шаковыжъ и нынѣ, каковы были при Геркулесѣ. Онѣ не измѣнились, подобно Римлянамъ и Гркамъ. Между шѣмъ какъ сіи послѣдніе, забывъ славу Перикловъ, Эпаминондовъ, Агезилаевъ, робѣшно повергающъ предъ Сулпаномъ, блохи, сохраняя древнюю независимость, мужественно нападающъ на его шучное Величество. Тщешно въ сералѣ уродство спережешъ красѣшу; республиканцы врывающъ шуда, видяшъ Сулпаншъ безъ покрывала, и приводяшъ въ бѣшенство ревниваго ширана. — Прочихъ государей чершogi не всегда безопасны ошъ блохъ: онѣ прыгающъ памъ посреди другихъ насѣкомыхъ, кошорыя приближающъ къ шрону, иногда къ нещасію народовъ и царей; часто гошима добродѣшель смиренно стоитъ въ передней вельможи, а блоха, кровьшельшвуемая форшуною, гордо присушшвуешъ въ его кабинетѣ. Но ежели какой нибудь льстецъ думаетъ, что палаты царей и вельможъ для блохъ неприсшупны, да вѣдаешъ, что онѣ и самыхъ боговъ посѣщали. Длинная Юпитерова брада не однократно касалася зем-

ли и служила блохамъ лѣспвицею на Олимпѣ. Сіи земные выходцы, поселившіеся въ Зевесовой брадѣ, какъ говоришь преданіе, наконецъ дерзнули объявить войну Царю *Зотовъ. Мудрая Минерва совѣтовала Завесу обречься, и такимъ образомъ освободить себя отъ угрожавшихъ ему Тишановъ; но онъ, во гнѣвѣ, презирая бриву, повергъ ужасный перунъ: тогда попрысся Олимпъ, объятая пламенемъ брада съ шумомъ ниспала на землю, и причинила пошъ славный пожаръ, который описываетъ Овидій во второй книгѣ превращеній. Будучи поэтъ, а не историкъ, Назонъ не былъ обязанъ представлять сіе происшествіе въ истинномъ его видѣ; почему и не удивительно, что онъ сдѣлалъ Фебову колесницу изъ Юпитеровой бороды, а Фазтона изъ блохъ. И такъ если могущество Юпитера не успрашило неистовыхъ блохъ-тишановъ; то какая власть на землѣ удержитъ ихъ въ предѣлахъ уваженія? Чего же должна ожидать отъ нихъ добродѣтель? Ахъ! не дозволено ли шерпиль она отъ злобы, зависти, коварства и предразсудковъ! надобно еще, чтобы и блохи преслѣдовали ее по пупи жизни! Но утѣшься, несчастная! праведная судьба любитъ тебя болѣе нежели Юпитера: гордость, пышность, власть вовѣки не укроются отъ блохъ — онѣ сыщутъ ихъ и въ адѣ, а для тебя уготовано въ поляхъ Елисейскихъ такое жилище, къ которому ни одна блоха приблизиться не посмѣетъ. — А ты, бѣдная ученость, тщетно возносишься на чердакъ, и окруженная громадами книгъ, сидишь подъ парикомъ: Мизософы-блохи преодолеваютъ всѣ сіи укрѣпленія, успрямляются на тебя со звѣрствомъ Сафацинъ и унимаются швоею кровью. Когда же,

нослѣ храбраго сопрошивленія, удастся тебѣ полонить хотя одного изъ шайныхъ враговъ швоей свѣтлости, ты не умерщвляешь его, какъ другіе; но съ безпримѣрнымъ блохлюбіемъ заключаешь его въ микроскопъ. — Въ Россіи, благодаря судьбѣ, дарованы тебѣ надежнѣйшіе способы защищаться отъ блохъ, нежели каковыми пользуешься ты въ Германіи; въ Россіи ты не имѣешь нужды взлѣзати на чердакъ, окружати себя книжною спѣною и кряшѣньемъ подъ парикомъ. — Казалось бы, что черныя кровопійцы должны жити мирно съ собратіями своими, кривоногими чадами Юриспруденціи. Душа подьячаго — которую всякой можешь во всякое время видѣти за весьма умѣренную цѣну, даже и по нынѣшнему курсу, — душа подьячаго сущая блоха: такъ же мѣлка, такъ же черна, проворна, язвительна, безстыдна, ненасытна. Не смотря на сіе средство, блохи пощупаютъ съ подьячими шочно такъ, какъ они съ своими несчастными жертвами. Вся разность между ими въ томъ, что блохи сосутъ кровь, а подьячіе и водку и вино и полпиво и пуншъ и кровь. Да возстанетъ на нихъ несмѣтная сила блохъ; да покроетъ ихъ отъ кармана до пера, лежащаго за ухомъ; да искушаетъ ихъ до костей и проникнетъ до сердца, которое шщешно шшарается грызти беззубая ихъ совѣсть!

Предоставляю мужамъ ученѣйшимъ говорить о началѣ, произхожденіи, правленіи, полишикѣ и просвѣщеніи блохъ: матерія обильная, которою можно начинити нѣсколько огромныхъ фоліаншовъ!

Харьковъ.

А. Нямъ.

Московскія записки.

Увѣдомляя читателей нашихъ о новомъ Пенсіонѣ для молодыхъ Россіянъ, заводимомъ въ Москвѣ, надѣмся, что многіе изъ нихъ, желающіе дать хорошее нравственное воспитаніе своимъ дѣшамъ, имъ воспользуются. Изъ приложеннаго здѣсь Проспекта они сами легко могутъ замѣтить, что правила *воспитателей* основаны на самыхъ здравыхъ понятіяхъ о важной наукѣ воспитанія. Мы говоримъ *воспитателей* пошому, что не одинъ Господинъ *Ш.прзіо*, котораго имя подписано въ концѣ Проспекта, управляетъ симъ новымъ учебнымъ Институтомъ. Главнѣйшій распорядитель его есть одинъ изъ соотечественниковъ нашихъ, извѣстный многими пріятными сочиненіями. Онъ особенно занимался наукою воспитанія, и приобрѣлъ уже въ ней шу опытность, кшторая необходима для всякаго воспитателя. Будучи привязанъ къ ней по склонности, онъ желаетъ и склонность свою и способности обратить на пользу Отечества. Смѣемъ утверждать, что всякой добрый отецъ, вѣряя его попеченіямъ дитя свое, можетъ надѣяться, что оно возвратится къ нему съ хорошою нравственностію, и образованное полезными свѣденіями. Замѣтимъ здѣсь, что цѣна, означенная въ Проспектѣ, есть самая умѣренная.

П р о с п е к т ъ.

„Общественное воспитаніе есть нѣчто-
 „рымъ образомъ олыпъ гражданскаго общежи-
 „тія и практическаго нравоученія. Можетъ
 „быть довольно сего замѣчанія, чтобы дока-

„защъ пользу воспитанія общественнаго. Не
„позволимъ себѣ дальнѣйшихъ разсужденій, и
„представимъ на судъ родителей планъ заве-
„деннаго нами дома для воспитанія Благород-
„ныхъ дѣшей мужескаго пола.

„Въ немъ стараются не только просвѣ-
„щать умъ наукою, но вмѣстѣ образовашъ и
„сердце воспитанниковъ для всѣхъ граждан-
„скихъ и домашнихъ добродѣтелей. Наука
„изящной словесности неразлучна съ наукою
„числой нравственности, и обѣ науки должны
„идти равными шагами въ хорошей системѣ
„воспитанія.

„Кромѣ Закона Божія и языка отечествен-
„наго, копорые всегда имѣютъ преимущество
„передъ другими науками, преподаются въ
„Пансіонѣ нашемъ: языки Французскій и Нѣ-
„мецкій по Грамматическимъ правиламъ, Гео-
„графія, Исторія и Хронологія въ связи, иску-
„сно предложенныя нѣкоторыми Классиками;
„Миеологія по новому сочиненію Гжи. Жан-
„лисѣ; Зоологія по Линнеевой системѣ и по
„фигурамъ всеобщей естественной Исторіи,
„сочиненной Бюффономъ; Ботаника по напу-
„ральному правнику, собранному съ великимъ
„стараніемъ, и по рисункамъ Жюсьерова и
„Турнефоршова сочиненія; Минералогія, Фи-
„зика, Алгебра, рисованіе, танцованіе и проч.

„Дѣши проходятъ еще курсъ Морали по
„славному Сенъ-Ламбершову сочиненію; и каж-
„дый вечеръ заставляють ихъ ошмѣчать свои
„добрые и худые поступки въ маленькой кни-
„жкѣ, по примѣру знаменишаго Франклина.

„Приготовлено будетъ мѣсто, гдѣ дѣти
„займутся Гимнастикою, по методѣ Г-жи
„Жанлисѣ, произведенной ею въ дѣйствіе при
„воспитаніи Принцевъ Орлеанскихъ.

„Дѣти занимающся иногда *вечерними*
„играми, о которыхъ пишетъ пворецъ Эмиля,
„и которыхъ польза всѣми нынѣ признана.

„Въ часы отдохновенія, дѣти читаютъ
„пріятныя сочиненія Беркеня, Кампе, Эдже-
„вортѣ и проч.; учатся разсуждать о томъ,
„что читали, и представляють иногда *нѣ-*
„*которыя* черты или мѣста изъ пущен-
„свенниковъ, историковъ, поетовъ, и прочее.

„Есть множество другихъ новыхъ полез-
„ныхъ идей, которыя мы желаемъ привести
„въ исполненіе, какъ скоро одобритъ ихъ про-
„свѣщенные родители и позволятъ обстоя-
„тельствамъ.

„Сверхъ того, при Пансіонѣ находишься
„собраніе лучшихъ сочиненій о воспитаніи и о
„преподаваніи наукъ юношеству; чтобы на-
„ставники и учителя могли всегда ею поль-
„зоваться, сія маленькая библіотека выстав-
„лена въ залѣ классовъ.

„Цѣна за каждаго пансіонера : 500 рублей
„въ годъ, за полупансіонера 350 руб. въ годъ.

„Пансіонъ учрежденъ въ домѣ Кешчѣра,
„въ приходѣ Николы Чудотворца, что въ
„Подкопаяхъ, близъ Солянки, Мясницкой ча-
„сти 1 го квартала подъ No 57. — *Де Шаррио.*

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Императрица Марія - Луиза простилась въ Энсѣ съ Императоромъ Францемъ, который 20го Марша возвратился въ Вѣну. Она продолжала путешествіе свое до Браунау. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сего города построено было у самой дороги деревянный домъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій. Императрица вошла въ камеру восточнаго отдѣленія, украшенную Австрійскимъ флагомъ. Средняя камера назначена была для акта *срученія*. Императрица, надѣвъ на себя въ восточной камерѣ богатое платье, присланное изъ Парижа, вступила въ среднюю камеру, гдѣ Принцъ Нюшательскій принялъ ее съ торжественнымъ обрядомъ, въ продолженіе котораго стояли 20000 Французовъ въ ружьѣ; по совершеніи же его, Новобрачная вступила въ западную камеру, надъ которою вѣялъ Французскій флагъ; отсюда поѣхала Ея Величество въ Браунау, который весь былъ освѣщенъ, и гдѣ по приѣздѣ Императрицы данъ былъ великолѣпный балъ. За часъ ѣзды отъ Минхена, Ея Величество остановилась въ замкѣ Зеефельдъ; тамъ изволила она одѣться, и потомъ имѣла свой вѣздъ въ Минхенъ. На ней было темно-красное платье и на головѣ бѣлая перья. Въ каретѣ Ея Величества сидѣла Королева Неаполитанская. Путешествіе изъ Браунау до Минхена, продолжающееся обыкновенно 32 часа, было совершено въ 15 часовъ, не смотря на худую дорогу и сырость погоды. — Вестфальская Королева, Великій Герцогъ Вирц-

бургскій, Великая Герцогиня Тосканская и дочь Сенатора Луціана прибыли въ Парижъ; по взятой Кадикса прибудетъ сюда и Король Испанскій. Праздники, по случаю бракосочетанія, будутъ даны особенно у Матери Его Величества Императора, у Королевъ Голландской и Неаполитанской, у Принцессы Боргезе. Мужчины должны быть одѣшны во Французскіе кафшаны, а Дамы въ парадное придворное платье.

А н г л і я.

Лордъ Чашамъ снялъ съ себя достоинство Шефа артиллеріи. Преемникъ его еще не назначенъ.

Двѣ дивизіи Англійскихъ войскъ заняли Гваделупу. Первая вышла на берегъ подъ начальствомъ самаго Шефа, Генераль-Лейтенанта Сиръ Георга Беквиша близъ деревни Сенш-Маріа; вторая подъ предводительствомъ Генерала Гаркура вышла на противоположной сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Французскій Генераль Эрнуфъ соединилъ всѣ свои силы; шестяго Февраля дано было рѣшительное сраженіе, а пятаго Генераль Гаркуръ и Коммодоръ Баллардъ заключили съ полковникомъ Фогаромъ и Альвимаромъ договоръ, который шестяго того же мѣсяца и былъ утверженъ. Гарнизонъ сдался военнопленнымъ.

По достовернымъ извѣстіямъ, экспедиція на Шельду стоила Англій 834,175 ф. стерлинг.

Въ письмахъ отъ 26 Февраля изъ Гибралтара уведомляютъ, что Испанская крѣпость въ Африкѣ Цейша занята Англійскими войсками, которыхъ овладѣли ею 24 Февраля. Изъ

Гибральшара посредствомъ телескоповъ видѣли ихъ выходящихъ на берегъ подъ башарями крѣпости. Испанскій Губернаторъ не отказался ихъ принять, но онъ отказался исполнить другое предписаніе Юнты, въ которомъ сказано было, чтобы въ крѣпость впустишь 4000 Испанскихъ семействъ: причиною отказа сего былъ недостатокъ въ сѣспныхъ припасахъ. По прозбѣ его доставили ему изъ Гибральшара 500 бочекъ муки, для продовольствія многихъ Испанскихъ іфамилій, кошорыя, не смотря на сдѣланный имъ отказъ, перебѣжали въ Цейшу.

Г о л л а н д і я.

Уполномоченные Голландскаго Короля и Императора Франціи заключили договоръ, въ силу котораго *бытіе Голландскаго Королевства утверждается*, еслии только будетъ сдѣлано съ его стороны нѣкоторое необходимое пожертвованіе. Голландія прислушавъ къ Рейнскому союзу.

11 *Апрѣля.*

У в ѣ д о м л е н і е.

На имя Гжи. Горбуновой получено Изда-
телями Вѣстника Европы :

Отъ Господина Д.	30 руб.
Отъ А. П. Ю.	50. —
Отъ Господина В. . . . . аго чрезъ Господина <i>Дюженля</i>	100 —

И всего 180 —

Всѣ сіи деньги доставлены къ одному изъ Из-
дательей Вѣстника, Г. Каченовскому, находя-
щемуся теперь въ Петербургѣ, для того
чтобы онъ лично вручилъ ихъ Госпожѣ Гор-
буновой. Ж.

К О Н Е Ц Ъ 1 Ч А С Т И.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

Слрѣдн.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Письмо Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника, Егора Борисовича Фукса.	3
Оскольдъ, повѣсть, почерпнутая изъ опрышковъ древнихъ Готте- скихъ Скальдовъ.	81
Два разговора въ царствѣ мерш- выхъ.	103
Османъ и Забрами.	161
Путешествіе невинности на островъ Циперу.	174
Картина Финляндіи.	247
Сонъ Клеандра.	257

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Опрывокъ изъ Мизантропа.	20
Хлобъ сочинительницѣ.	32
Къ ***	33
Привидѣніе.	108
Къ Лидѣ.	110
Уладъ и Всемила.	113
Пѣснь Свободѣ.	184
Спихи на смерть Даниловой, тан- цовщицѣ, и проч.	189
Пѣснь Араба надъ могилою в. я.	190
Опрывокъ изъ Делилевой Поэ:	191
Сады.	192

	Стран.
Моя пайна.	196
Эпиграммы.	—
Исторія челоѡвка.	197
Къ Юліѡ.	—
XI Тибуллова Элегія изъ 1 книги.	277
Даръ Одена:	280
Просни — къ моей родинѡ.	281

II. НАУКИ И ИСКУССТВА. ;

ЭСТЕТИКА.

О достоинствѡ древнихъ и новыхъ писателей.	37

ФИЗИЧЕСКАЯ АСТРОНОМІЯ.

Планеты имѡютъ ли жишелей?	116

АРХЕОЛОГІЯ.

Сравненіе Ликуртова законода- тельства съ Солоновымъ.	199

ТЕОРІЯ И ИСТОРИЯ ИЗЯЦНЫХЪ НАУКЪ.

О свойствѡ Греческихъ историковъ.	283

III. КРИТИКА.

Крипическій разборъ Кантеми- ровыхъ сапиръ.	42 и 126

Жицероново сочиненіе о Должно- стяхъ.	213

Сшихошворенія Эрскія, или Ир- ландскія.	297

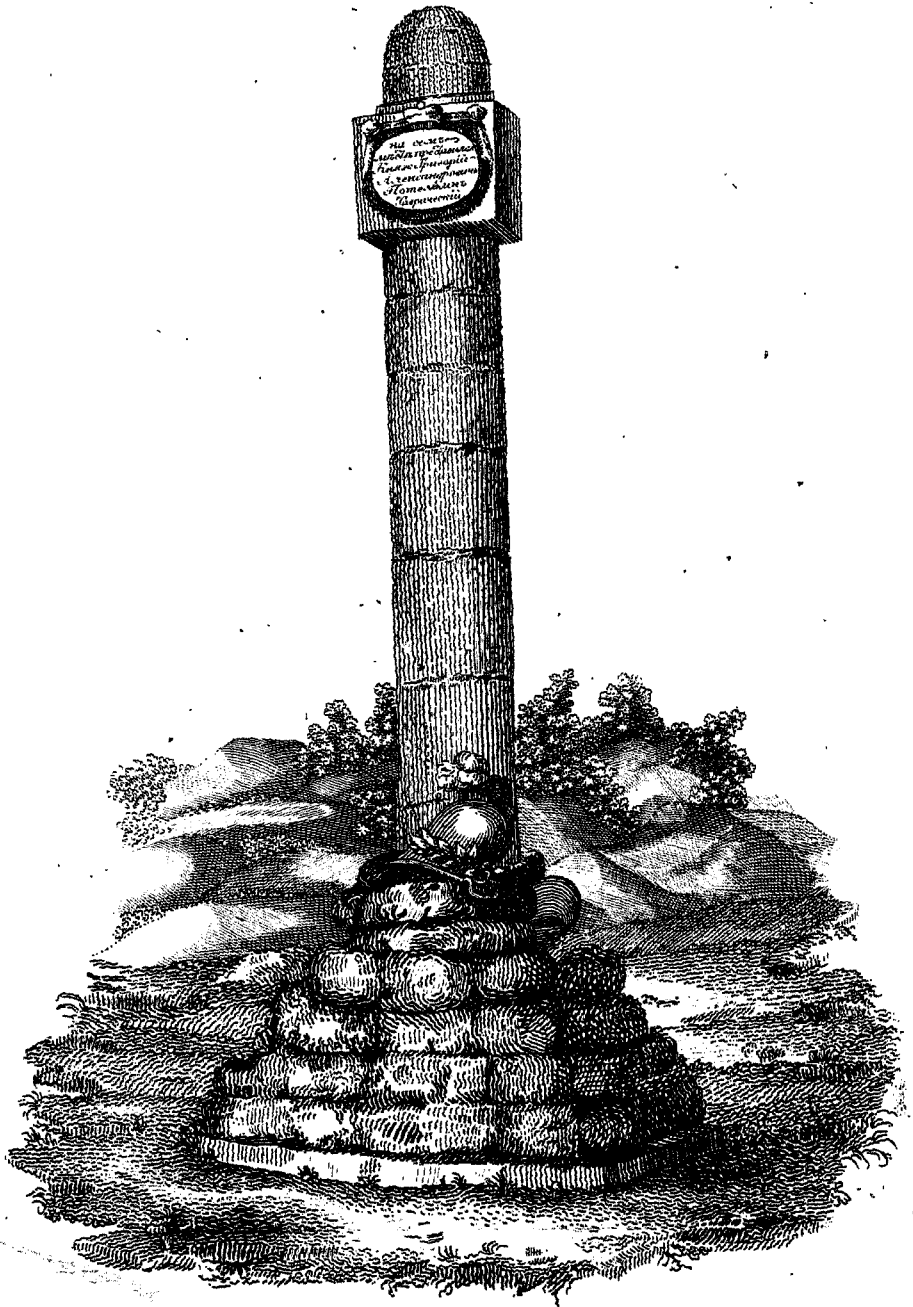
IV. С М Ъ С Ъ.

О Кіево-Межигорской фаянсовой фабрикѡ, и о Вышгородѡ.	62

Козы кормилицы на островѡ Мальтѡ.	150

О почтеніи Рускихъ къ бородѡ и волосамъ своимъ.	223

Памятникъ воздвигнутый на мѣсть преставленія
Князя Потемкина Таврическаго въ Молдавіи.